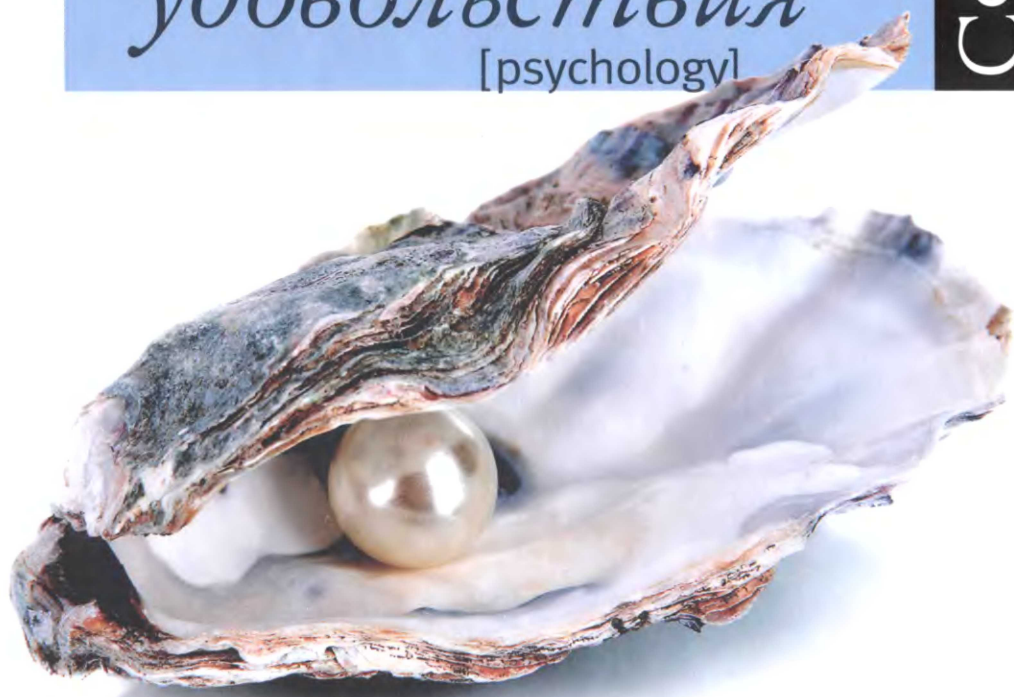

Пол Блум
Наука ПОЧЕМУ МЫ ЛЮБИМ
удовольствия ТО, ЧТО ЛЮБИМ
[psychology]

CoRpus

Пол Блум приглашает к изучению парадоксов удовольствия... Странные желания, оказывается, — заманчивый способ изучать сознание.

Джона Лерер, автор книг
“Как мы принимаем решения” и “Вообрази”

9 785170 820771

Photo © Sigrid Estrada

Что есть человек? “Существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях”, — утверждал Платон. И — прибавляет профессор психологии Йельского университета Пол Блум — падкое до удовольствий. Ученый объясняет привлекательность, иногда парадоксальную, вещей и явлений — от пиццы до безделья, от религии до шопинга, от искусства до порнографии, — и размышляет, стоит ли спорить о вкусах.

Пол Блум — один из наиболее... проницательных авторов, пишущих о сознании. У него талант делать действительно свежие выводы касательно жизни души.

СТИВЕН ПИНКЕР, автор книг
“Язык как инстинкт” и “Субстанция мышления”

Блум... сочинил книгу, которая отличается от массы других книг о счастье. Здесь не найти советов о том, как навести порядок в кладовке и стать таким образом счастливее. Блум показывает, как наша психика изобрела... познавательные приемы, помогающие жить в физическом и социальном мире.

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Блум рассказывает о пище, сексе и искусстве, попутно касаясь множества других предметов. Зигмунд Фрейд, “мистер Удовольствие”, одобрил бы.

TIME

Пол Блум
*Наука
удовольствия*

ПОЧЕМУ МЫ ЛЮБИМ
ТО, ЧТО ЛЮБИМ

*Перевод с английского
Антон Ширикова*

издательство **аст**

Москва

УДК 159.93
ББК 88.3
Б70

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Блум, Пол

Б70 Наука удовольствия: почему мы любим то, что любим / Пол Блум; пер. с англ.
А. ШИРИКОВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-17-082077-1

Что есть человек? “Существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях”, — утверждал Платон. И — прибавляет профессор психологии Йельского университета Пол Блум — падкое до удовольствий. Ученый объясняет привлекательность, иногда парадоксальную, вещей и явлений — от пищи до безделья, от религии до шопинга, от искусства до порнографии, — и размышляет, стоит ли спорить о вкусах.

УДК 159.93
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-082077-1

- © Paul Bloom, 2010
 - © А. Шириков, перевод на русский язык, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
Глава 1. Сущность удовольствия	17
Глава 2. Гурманы	43
Глава 3. Постельная подмена	75
Глава 4. Незаменимое	113
Глава 5. Зрелища	139
Глава 6. Воображение	181
Глава 7. Боль и безопасность	205
Глава 8. Зачем нам удовольствие	233
<i>Примечания</i>	254
<i>Литература</i>	269
<i>Предметно-именной указатель</i>	294

*Посвящается Берни Блуму,
моему отцу*

Предисловие

Во всяком удовольствии есть что-то животное. Когда я возвращаюсь с пробежки со своей собакой, я плюхаюсь на диван, она — на коврик. Я выпиваю стакан холодной воды, она лакает из миски, и мы оба становимся гораздо счастливее.

Эта книга — о более загадочных удовольствиях. Некоторым девочкам-подросткам нравится резать себя бритвой. Некоторые мужчины расстаются с изрядными деньгами, чтобы их отшлепала проститутка. Средний американец проводит более четырех часов в день перед телевизором. Многих мужчин чрезвычайно возбуждает мысль о сексе с девственницей. Абстрактное искусство может продаваться за миллионы долларов. Маленькие дети любят играть с воображаемыми друзьями, и их можно успокоить, показав знакомую игрушку. Водители притормаживают, чтобы хорошенько рассмотреть место ужасной аварии. Зрители покупают билеты на фильмы, вызывающие у них слезы.

Некоторые из удовольствий, о которых пойдет речь в книге, свойственны лишь людям: изобразительное искусство, музыка, художественная литература, мазохизм, религия. Другие, например еда и секс, привлекают не только

людей, но вы увидите, что удовольствие, которое люди извлекают из этих занятий, существенно отличается от того удовольствия, что получают от них другие существа.

Основной мой аргумент: удовольствие — вещь непростая. То, каким мир предстает перед нашими органами чувств — это не главное. Скорее, удовольствие, которое мы получаем от чего-либо, — это производная от того, что мы думаем об этой вещи. Это верно и для интеллектуальных удовольствий, таких как наслаждение от созерцания картин и чтения, и для удовольствий, которые кажутся проще, — от удовлетворения голода и сексуального желания. В картине важно, кто ее написал; в рассказе — правда это или вымысел; если речь идет о бифштексе, то для нас важно, из мяса какого животного он приготовлен; в сексе на нас серьезно влияют наши представления о том, каков на самом деле наш партнер.

Эта теория удовольствия являет собой развитие одной из самых интересных идей в когнитивистике: люди естественным образом исходят из того, что все вещи в мире — и другие люди тоже — имеют незримую сущность, делающую их такими, какие они есть. Психологи-экспериментаторы доказывают, что такая эссенциалистская перспектива определяет наше понимание физического и социального мира, а исследователи возрастной и кросс-культурной психологии предполагают, что это инстинктивная и универсальная установка. Мы по природе эссенциалисты.

В главе 1 я описываю теорию эссенциализма в целом и утверждаю, что она помогает объяснить загадку наших обычных удовольствий. Следующие шесть глав посвящены отдельным видам этих удовольствий. В главах 2 и 3 речь идет о еде и сексе. Глава 4 касается нашей привязанности к некоторым предметам обихода, в том числе к сувенирам,

связанным со знаменитостями, и вещам, присутствие которых нас успокаивает (*security blankets*). Глава 5 — об искусстве и зрелищах. Главы 6 и 7 — об удовольствии, которое приносит воображение. Любую из этих глав можно прочитать отдельно, не заглядывая в другие. В последней главе говорится об общих следствиях этой теории, и заканчивается она соображениями о том, почему нас увлекают наука и религия.

Замысел этой книги в том, чтобы понять природу удовольствия, рассмотрев и то, как оно развивается в ходе жизни отдельного человека, и его эволюционные истоки. Изучение происхождения чего-либо — это всегда возможность узнать что-то новое. Если вспомнить знаменитую фразу Д'Арси Томпсона, то “все таково, какое есть, потому что оно таким стало”. Но все же само упоминание эволюции в контексте психологии многих и тревожит, и уводит по ложному следу, так что некоторые пояснения были бы полезны.

Прежде всего, “эволюционный” не значит “адаптационный”. Многие существенные элементы человеческой психологии — следствие адаптации: они существуют благодаря преимуществам, которые они давали нашим предкам в плане воспроизводства, и я обсуждаю некоторые из этих элементов. Другие аспекты нашего мышления — побочные продукты. Это, если использовать термин, предложенный эволюционными биологами Стивеном Дж. Гулдом и Ричардом Левонтином, “пазухи сводов” (*spandrels*)*. Так может обстоять дело и с удовольствиями. Например, многие с наслаждением смотрят порнографию, однако

* В архитектуре термин обозначает пространство между двумя арками или между аркой и многоугольным покрытием. Гулд и Левонтин назвали так характеристики организма, ставшие побочным эффектом других характеристик и не подверженные эволюционному отбору. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

не приобретают никаких репродуктивных преимуществ, связанных с тем, что днями и ночами разглядывают фото и видео с привлекательными голыми людьми. Притягательность порнографии — это случайность, побочный продукт интереса к настоящим голым людям. Точно так же вопрос о глубине удовольствия, мне кажется, в большой степени вопрос о случайности. Эссенциализм развился у нас как способ придать миру смысл, но теперь, когда у нас есть эта черта, она подталкивает наши желания в тех направлениях, которые не имеют никакого отношения к выживанию и воспроизводству.

Кроме того, сформировавшийся эволюционным путем не значит “глупый” или “простой”. Я недавно выступил с докладом об удовольствиях, связанных с литературой, на филологическом факультете, и один из слушателей после заявил мне, что был удивлен моим подходом. По его словам, это было не так ужасно, как он ожидал. Он думал, что я представлю упрощенную, редуционистскую биологическую версию, так что его порадовал мой рассказ о сильном интересе, который люди питают к психическим состояниям авторов, а также о сложном и богатом наборе интуиций, обуславливающих наш интерес к художественной литературе.

Обрадовать профессора английского языка было приятно, но вместе с тем неловко: я-то считал, что действительно представляю упрощенную, редуционистскую биологическую версию. Его замечание заставило меня понять, что я обосновываю два аргумента, которые обычно не сочетаются: во-первых, что повседневные удовольствия — вещь глубокая и трансцендентная, и во-вторых, что повседневные удовольствия отражают эволюционировавшую человеческую природу. Может показаться, что одно противоречит другому. Если удовольствие — глубокое, можете

рассудить вы, оно должно иметь культурное происхождение, должно развиваться за время жизни. Если же удовольствие эволюционировало, оно должно быть простым. Мы, должно быть, запрограммированы реагировать определенным образом на определенные стимулы. Речь идет о реакции, непосредственно связанной с восприятием, реакции поверхностной — то есть глупой.

Я понимаю, что утверждения о том, что удовольствие глубоко укоренено в наших интуициях, что это нечто сложное, эволюционировавшее, универсальное и во многом врожденное, — могут прозвучать необычно. Но я надеюсь убедить вас, что так и есть. Я также собираюсь доказать, что удовольствие важно. В современной науке о сознании немало пробелов. Психолог Пол Розин отмечает, что если вы перелистаете учебник по психологии, то мало что (а то и вовсе ничего) найдете там о спорте, изобразительном искусстве, музыке, театре, литературе, игре и религии. А ведь это важнейшие вещи, делающие нас людьми, и мы не поймем их, пока не поймем природу удовольствия.

Каждому найдется что сказать об удовольствии, и многие идеи этой книги родились в ходе моих бесед с родственниками, друзьями, студентами, коллегами, а также незнакомцами в самолете. Я хотел бы особо отметить влияние ученых, которые серьезно разрабатывали эту тему: Денниса Л. Даттона, Сьюзан Гелман, Тамар Гендлер, Брюса Худа, Джеффри Ф. Миллера, Стивена Пинкера и особенно Пола Розина. У меня есть разногласия со всеми ими, но большая часть этой книги — ответ на их идеи, и я рад, что у меня есть возможность указать, насколько я в долгу перед ними.

Я очень благодарен моему агенту Катинке Мэтсон. С самого начала она помогла мне понять, что я хочу ска-

зять в этой книге, а затем немало поддерживала меня, когда я нуждался в совете или испытывал приступ паники. Я также благодарен своему редактору из издательства “Нортон” Анджеле фон дер Липпе за ее веру в этот проект, мудрые советы и превосходные комментарии к первому варианту рукописи. Я также благодарен Кэрол Роуз за ее точное и искусное редактирование.

Нет лучшего сообщества ученых, чем факультет психологии Йельского университета, и я благодарю коллег, а особенно своих аспирантов и младших научных сотрудников за поддержку и терпение. Марша Джонсон, которая была деканом факультета в это время, заслуживает массу благодарностей за то, что возвращает благотворную интеллектуальную среду.

В этой книге описаны эксперименты, которые я проводил совместно с другими учеными, в том числе с Мелиссой Аллен, Мишель Кастанеда, Гилом Дизендруком, Кэтрин Доннелли, Луизой Иган, Сьюзан Гелман, Джошуа Гудстейном, Кайли Хэмлин, Брюсом Худом, Иззатом Джаруди, Уте Леонардс, Лори Марксон, Джорджем Ньюманом, Лори Сантос, Дэвидом Собелом, Диной Сколник Вайсберг и Карен Уинн. Спасибо им всем.

Я благодарен всем, кто любезно давал мне советы, отвечал на вопросы или читал части книги. Среди них: У Ген Ан, Мазарин Банаджи, Бенни Бейт-Халлами, Уолтер Билдербэк, Келли Браунелл, Эмма Бюхтел, Сьюзан Кэри, Эмма Коэн, Лиза де Брюн, Рэйчел Денисон, Деннис Даттон, Рэй Фэр, Дебора Фрид, Сьюзан Гелман, Дэниел Гилберт, Джонатан Гилмор, Питер Грэй, Мелани Грин, Лили Гильот, Колин Джагер, Фрэнк Кейл, Марсель Кинсбурн, Кэтрин Кинцлер, Дэниел Левин, Дэниел Левитин, Райан Маккей, Джеффри Ф. Миллер, Кристина Олсон, Картик Панчанатан, Дэвид Писарро, Мюррей Райзер, Лори Сантос, Салли

Сэйтел, Майкл Шульц, Марк Шескин, Марджори Тейлор, Эллен Уиннер, Чарльз Высоцки и Лайза Заншайн. Я благодарю участников моего семинара по когнитивистике удовольствия за семестр, прошедший в дискуссиях и дебатах. И я особенно благодарен тем смельчакам, что предоставили обширные комментарии по первому варианту рукописи: это Брюс Худ, Грегори Мерфи, Пол Розин, Эрика Стерн, Анджела фон дер Липпе и Дина Сколник-Вайсберг. Я уверен, что еще пожалею, что не воспользовался всеми их советами.

Моя семья — в Коннектикуте, Массачусетсе, Онтарио и Саскачеване — постоянно поддерживала меня. Мои сыновья, Макс и Закари, уже слишком большие, чтобы давать мне интересные данные по возрастной психологии. Однако плюс в том, что они стали умными, вдумчивыми и забавными собеседниками, и я многое вынес из наших разговоров. И больше всего я в долгу, как водится, перед моей коллегой, компаньоном и женой Карен Уинн. Я благодарен ей за идеи, советы, поддержку и, главное — за удовольствие.

Глава 1

Сущность удовольствия

Герман Геринг — предполагаемый преемник Гитлера — ожидал казни за преступления против человечества, когда ему передали ошеломляющее известие. В тот момент, по словам очевидца, Геринг выглядел так, “будто впервые понял, что в мире есть зло”.

“Зло” сотворил голландский художник и коллекционер произведений искусства Хан ван Меегерен. Во время Второй мировой войны Геринг передал Меегерену сто тридцать семь полотен общей стоимостью (по нынешнему курсу) десять миллионов долларов в обмен на “Христа и судей” (“Христа и грешницу”) Яна Вермеера. Геринг, как и его шеф, был одержим коллекционированием и уже ограбил большую часть Европы. Но это свое приобретение он, страстный поклонник Вермеера, ставил превыше всего.

После войны союзники обнаружили “Христа и судей” и выяснили, у кого Геринг ее получил. Ван Меегерен был арестован и обвинен в продаже шедевра нацистам. Это была измена, караемая смертью.

Проведя шесть недель в тюрьме, ван Меегерен сознался — но в другом преступлении. По его словам, он

продал Герингу подделку. Это был *не* Вермеер: ван Меегерен написал картину сам. Он рассказал, что был автором и других работ, приписываемых Вермееру, — в том числе “Христа в Эммаусе”, одной из самых известных голландских картин.

Сначала ему никто не верил. Ван Меегерена попросили воспроизвести еще одного Вермеера. И за шесть недель художник, окруженный репортерами, фотографами и съемочными группами телевидения, накачанный алкоголем и морфием (только так он мог работать), — сделал это. Один голландский таблоид сформулировал его задачу следующим образом: “ПИШЕТ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ”. В результате получилось похожая на Вермеера вещь, которую ван Меегерен назвал “Молодой Христос проповедует в храме”. Картина явно превосходила доставшуюся Герингу. Ван Меегерена признали виновным в мошенничестве и приговорили к году тюрьмы. Он умер до начала отбывания наказания и стал считаться чем-то вроде народного героя — человеком, который обвел нацистов вокруг пальца.

Мы еще вернемся к ван Меегерену, а сейчас подумайте о бедном Геринге: как он должен был себя почувствовать, узнав, что вожделенная картина — подделка? Геринг был необычным во многих отношениях человеком: почти до смешного зацикленным на себе и до ужаса равнодушным к страданию других. Один из тех, кто с ним беседовал, охарактеризовал его как добродушного психопата. Но в его шоке не было ничего странного. Вы почувствовали бы себя так же. Прежде всего вы испытали бы унижение — потому что вас одурачили. Но даже если бы это было не жульничество, а ошибка, подобное открытие лишило бы вас изрядной доли удовольствия. Когда вы покупаете картину, которую, как считается, написал Вермеер,

радость от покупки отчасти основана на представлении о том, кто ее написал. Если это представление окажется ложным, удовольствие испарится. (И наоборот — такое случалось, — если вы обнаружите, что картина, которую вы считали копией или имитацией, в действительности оригинал, вы получите больше удовольствия, а стоимость картины вырастет.)

Сказанное относится не только к произведениям искусства. Удовольствие, которое мы получаем от разного рода повседневных мелочей, связано с нашими представлениями об их истории. Подумайте о следующих вещах:

- рулетка, принадлежавшая Жаклин Кеннеди (продана на аукционе за 48875 долларов),
- туфли, брошенные в 2008 году в Джорджа Буша-младшего иракским журналистом (саудовский миллионер заплатил за них, как сообщается, десять миллионов долларов),
- мяч, брошенный бейсболистом Марком Макгуайром в ходе семидесятого хоум-рана* (куплен за три миллиона долларов канадским предпринимателем Тоддом Макфарлейном, которому принадлежит одна из лучших коллекций знаменитых бейсбольных мячей),
- автограф Нила Армстронга,
- лоскутки свадебного платья принцессы Дианы,
- первая обувь вашего ребенка,
- ваше обручальное кольцо,
- плюшевый мишка.

Ценность этих предметов заметно превышает их полезность. Не каждый из нас — коллекционер. Но каждый, кого я знаю, владеет хотя бы одним предметом, который

* Удар, при котором мяч пролетает через все поле, не касаясь земли, и уходит за его границу.

воспринимается как особый благодаря его истории. Это может быть связь с людьми, которыми человек восхищается или которые важны для него, либо же связь со значимыми событиями. История предмета неочевидна, и в большинстве случаев невозможно проверить, чем именно он отличается от другого, выглядящего так же. Но все же оригиналы приносят нам удовольствие, тогда как дубликаты оставляют равнодушными. О таких загадках и пойдет речь в этой книге.

Животные удовольствия, человеческие удовольствия

Некоторые удовольствия проще объяснить, чем другие. Возьмем вопрос о том, почему нам нравится пить воду. Почему удовлетворение жажды приносит столько радости, и почему лишить кого-то воды на длительное время — это пытка? Ну, тут все просто. Животным нужна вода, чтобы жить, и поэтому они мотивированы искать ее. Удовольствие — вознаграждение за успех, боль — наказание за неудачу.

Это простой и правильный ответ, но он влечет за собой следующий вопрос: почему все так замечательно отлажено? Это ужасно удобно, что — если переиначить фразу из песни “Роллинг стоунз” — мы не всегда можем получить то, что хотим, но при этом мы хотим то, что нам нужно. Конечно, никто не думает, что так вышло по счастливой случайности. Верующий сказал бы, что связь между удовольствием и выживанием установлена благодаря божественному вмешательству: Бог пожелал, чтобы его творения жили достаточно долго, дабы плодиться и размножаться, и поэтому внушил им желание пить воду. Для дарвиниста это

“совпадение” — результат естественного отбора. В далеком прошлом те создания, которые были мотивированы искать воду, воспроизводились лучше, чем те, кто такой мотивации был лишен.

Если взглянуть шире, то эволюционная теория (которая, на мой взгляд, имеет заметные преимущества над теологическими объяснениями того, как устроена психика) видит функцию удовольствия в мотивации определенного поведения, полезного для генов. Специалист по сравнительной психологии Джордж Д. Романес заметил в 1884 году, что “удовольствие и боль, должно быть, развились как субъективное сопровождение процессов, соответственно полезных или вредных для организма, и таким образом они эволюционировали, исходя из той цели или ради того, чтобы организм мог искать одно и уклоняться от другого”.

С этой точки зрения большинство удовольствий, доступных биологическим видам за исключением человека, совершенно понятны. Когда вы дрессируете своего питомца, вы не станете вознаграждать его чтением поэзии или походом в оперу, а преподнесете ему вполне дарвинистский приз — например, дадите что-то вкусное. Животные (не люди) наслаждаются едой, водой и сексом. Когда они устают, им хочется отдохнуть. Их успокаивает ласка, и так далее. Они именно таковы, какими им предписывает быть эволюционная биология.

А что насчет нас? Люди — тоже животные, и потому мы разделяем с другими видами многие удовольствия. Психолог Стивен Пинкер отмечает, что люди счастливее всего, когда они “здоровы, сыты, чувствуют себя комфортно, в безопасности, состоятельны, процветают, в курсе всего, что нужно, уважаемы, не воздерживаются от половой жизни, любимы”. Здесь перечислено немало удовольствий,

и я ни минуты не сомневаюсь, что сказанное можно объяснить тем же процессом, в ходе которого сформировались желания шимпанзе, крыс или собак. С адаптационной точки зрения выгодно стремиться к здоровью, пище, комфорту и так далее и получать удовольствие, достигая этих целей. По словам антрополога Роберта Ардри, “мы происходим от восставших обезьян, а не от падших ангелов”.

Но этот список неполон. В него не попали изобразительное искусство, музыка, литература, предметы, имеющие сентиментальную ценность, и религия. И, может быть, это не сугубо человеческие удовольствия. Я как-то слышал от исследователя приматов, что некоторые из них в неволе хранят при себе знакомые предметы, которые их успокаивают. Сообщалось, что слоны и шимпанзе могут создавать произведения искусства (к этому, как я объясню позже, я отношусь со скепсисом). В любом случае это нельзя назвать обычной деятельностью животных, и, напротив, для нашего вида это совершенно типично и проявляется у каждого нормального индивида. Здесь требуется объяснение.

Одно из объяснений состоит в том, что наши сугубо человеческие удовольствия возникают не в процессе естественного отбора и вообще не в ходе биологической эволюции. Они продукт культуры и встречаются только у людей потому, что только у людей есть культура (по крайней мере, такая культура, которая имеет значение).

Несмотря на дурную репутацию таких теорий среди исследователей, склоняющихся к теории адаптации, сторонники подобных объяснений вовсе не обязательно невежественны и не обязательно списывают со счетов эволюционную биологию. Они не сомневаются, что люди и их мозг эволюционировали. Но они не согласны с тем,

что наша эволюция включала и развитие врожденных идей и специализированных систем мозга. Люди уникальны скорее в том, что обладают повышенной гибкостью, способностью создавать и познавать биологически произвольные идеи, способы поведения и вкусы. У других животных есть инстинкты, а у людей — ум.

Эта теория в некотором отношении справедлива. Никто не станет отрицать интеллектуальную гибкость нашего вида, и никто не скажет, что культура в состоянии формировать и структурировать человеческое удовольствие. Если вы выиграете миллион долларов в лотерею, вы будете визжать от счастья, но сама концепция денег возникла в ходе человеческой истории, а не благодаря репликации и отбору генов. И даже те удовольствия, что мы разделяем с животными (пища, секс и другие), проявляются по-разному в разных обществах. У разных народов своя кухня, свои сексуальные ритуалы, даже свои формы порнографии, и это явно не потому, что эти народы различаются генетически.

Все это может подтолкнуть исследователя, склонного рассматривать феномены с культурной точки зрения, к выводу: хотя естественный отбор играет некоторую ограниченную роль в формировании того, что нам нравится (такие вещи, как голод и жажда, половое влечение, любопытство, некоторые социальные инстинкты, действительно эволюционировали), подобный подход не позволяет оценить специфику этих чувств и побуждений. Как выразился критик Луи Менан, “у всех аспектов жизни есть биологическое основание, в том смысле, что если бы биологически что-то было невозможно, то его бы не существовало. А дальше все пущено на самотек”.

В следующих главах я постараюсь показать, что удовольствие устроено не так. Большинство удовольствий

происходят из раннего детства, а не развиваются в ходе социализации. И они свойственны всем людям. Очевидное разнообразие можно рассматривать как вариации одной универсальной темы: так, рисование — культурное изобретение, а любовь к искусству — нет. В разных обществах рассказывают свои истории — на одинаковые сюжеты. Кулинарные вкусы и половые предпочтения различаются, но не то чтобы сильно.

Разумеется, мы можем представить себе культуры, где удовольствие выглядит совсем иначе: где люди для улучшения вкуса вымазывают еду экскрементами и им нет дела до соли, сахара или острого перца; где тратят состояния на подделки, а оригиналы выбрасывают на свалку; где выстраиваются в очередь, чтобы послушать электростатический треск, и морщатся при звуках мелодии. Но это фантастика, а не реальность.

Подытожить вышесказанное можно так: люди вступают в жизнь с ограниченным набором удовольствий, и к нему уже ничего не добавить. Казалось бы, звучит слишком категорично — ведь в мир можно привнести и новые удовольствия. Так происходило с изобретением телевидения, шоколада, видеоигр, кокаина, фаллоимитаторов, саун, кроссвордов, реалити-ТВ, романов и так далее. Но я бы сказал, что мы получаем от всего этого удовольствие, потому что эти изобретения не так уж и новы. Они вписываются — довольно явным образом — в набор удовольствий, которым мы уже обладаем. Бельгийский шоколад и жареные ребрышки — современные изобретения, но они апеллируют к давнему человеческому пристрастию к сладкому и к жирному. Все время возникают новые формы музыки, но существо, биологически не приспособленное воспринимать ритм, никогда не сможет полюбить ее: для него это будет всего лишь шум.

Самая суть

Многие важные человеческие удовольствия универсальны. Но это не проявления биологической адаптации, а побочные продукты психических систем, развившихся ради иных целей.

При рассмотрении некоторых видов удовольствия это совершенно ясно. Многие, например, получают заряд бодрости от кофе, но это не оттого, что в прошлом любители кофе имели больше детей, чем кофененавистники, а оттого, что кофе — стимулятор, а нам нравится стимуляция. Это очевидный пример, но я думаю, что такой подход — анализ удовольствий как побочного продукта эволюции — может объяснить и те более сложные вопросы, на которые мы пытаемся ответить. Ниже я разберу идею, что эти удовольствия возникают, хотя бы отчасти, как случайные побочные продукты “эссенциалистской” работы сознания.

Пример эссенциализма можно найти в рассказе Джерома Д. Сэлинджера, который начинается с того, что один из его любимых персонажей, Симор, читает младенцу даосскую легенду. Князь Му просит своего друга Бо Лэ найти кого-нибудь, кто может подобрать ему лошадь. Бо Лэ рекомендует некоего Гао, князь нанимает его, и вскоре этот Гао возвращается с новостями: есть лошадь, отвечающая требованиям князя; он описывает ее как гнедую кобылу. Князь Му покупает рекомендованную лошадь, но, к своему ужасу, обнаруживает, что это жеребец, черный как вороново крыло.

Разгневанный князь говорит Бо Лэ, что этот так называемый знаток — дурак, не способный даже распознать масть и пол лошади. Бо Лэ, однако, восхищен новостью:

Неужели он и вправду достиг этого? Тогда он стоит десяти тысяч таких, как я. Я не осмелюсь сравнить себя с ним, ибо Гао проникает в строение духа. Постигая сущность, он забывает несущественные черты; прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно видеть, и не замечать ненужного. Он смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, на что смотреть не стоит*.

Конь, естественно, оказывается великолепным.

Это история об эссенциализме — концепции, предполагающей, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя узреть напрямую, и что для нас важна именно эта скрытая сущность. Классическое ее определение дал Джон Локк: "... бытие какой-либо вещи, благодаря чему она есть то, что она есть... Сущностью вещей можно называть их реальное внутреннее строение... от которого зависят их обнаруживаемые качества**".

Это естественный способ придать смысл определенным аспектам мира. Например, возьмем золото. Мы думаем о нем, тратимся на него, говорим о нем, и когда мы делаем все это, мы не думаем (и не говорим) о категории предметов, похожих на золотые лишь внешне. Если выкрасить кирпич золотой краской, он не станет золотым. Алхимия, в конце концов, — дело серьезное. Если вы желаете знать, является ли предмет золотым, вам придется попросить эксперта (может быть, химика) провести нужные тесты для определения атомной структуры материала.

Или возьмем тигров. Большинство людей не знают в точности, что делает тигров тиграми, но никто же не думает, что дело только во внешнем виде. Если показать ряд

* Пер. Р. Райт-Ковалевой.

** Пер. А. Савина.

картинок, на которых тигр постепенно становится похожим на льва, даже ребенок поймет, что это все еще тигр. Напротив, суть в том, что быть тигром означает быть тигром с точки зрения генов, внутренних органов и так далее. Это незримые характеристики животного, которые не меняются, даже если меняется его облик.

В этих примерах люди обращаются за ответами к науке, и это разумно. Ведь именно ученые заняты тем, что определяют скрытую суть вещей. Они говорят нам, что первый взгляд обманчив, что стекло — это жидкость, что колибри и ястребы принадлежат к одной категории, но отличаются от летучих мышей, что генетически люди и шимпанзе ближе друг к другу, чем дельфины и лососи. Но чтобы быть эссенциалистом, не обязательно знать о существовании науки. Люди, где бы они ни были, понимают, что нечто может выглядеть, как А, однако в реальности быть Б. Они знают, что человек может изменить внешность, что блюдо можно приготовить так, чтобы оно было неузнаваемым. Люди, где бы они ни были, могут спросить: “А что это *на самом деле*?”

Зачастую социальные группы рассматривают так, как будто у них есть некая сущность, дух. Так же воспринимаются и артефакты — инструменты и оружие, созданные людьми, — хотя здесь суть не имеет физического аспекта, она связана с историей и намерениями. Если вы хотите понять, что такое на самом деле странный артефакт из далекого прошлого или далекой страны, вы не станете обращаться к химику: вы зададите вопрос археологу, антропологу или историку.

Эссенциализм пропитывает наш язык. Подумайте, каким будет “неэссенциалистский” язык. Хорхе Луис Борхес придумал китайскую энциклопедию “Небесная империя благодетельных знаний”, которая делит животных на категории, включая:

- принадлежащих Императору,
- похожих издали на мух,
- разбивших цветочную вазу*.

Это остроумно... потому что странно. Категория “похожие издали на мух” — логически вполне возможный способ сгруппировать животных, но обычно мы осмысляем мир не так. Ни в одном реальном языке не будет существительного, обозначающего такую категорию, потому что она поверхностна. Реальные существительные отражают нечто глубокое, они относятся к таким видам вещей, которые, как считается, имеют общие глубинные свойства. По словам эволюциониста-теоретика Стивена Джея Гулда, наши классификации существуют не только для того, чтобы избежать хаоса. Это “теории об основе естественного порядка”.

Этот факт имеет значение в реальном мире, особенно когда мы разговариваем с людьми. Я работал с детьми, страдавшими аутизмом, и мне постоянно напоминали, что их нужно называть “детьми с аутизмом”, а не “аутистами”. Смысл здесь в том, что эти люди — нечто большее, чем только их болезнь. Существительное передает суть, а неуклюжее выражение “дети с...” — нет.

Легко смеяться над политкорректностью, но существительные и вправду имеют существенное значение. В фильме “Помни” Леонард Шелби говорит: “Я не убийца. Я просто тот, кто хотел сделать все правильно”. Говоря это, Шелби понимает, что он убил много людей. Но это не делает его убийцей, потому что убийца — это не просто человек, который убил. Быть убийцей — значит быть человеком определенного типа, иметь определенные качества, и Шелби отрицает их наличие у себя. Когда бейсболиста

* Пер. Е. Лысенко.

Джона Рокера стали критиковать за расистское замечание в ходе интервью, он сказал, что он не расист: “Выбив один хоум-ран в лиге, не становишься суперигроком... А сделал одно замечание вроде этого, не становишься расистом”.

Можно привести пример невиннее. Некоторое время назад я обедал с подругой, и она мимоходом сказала, что не ест мяса. Но она вознегодовала, когда я назвал ее вегетарианкой. “Я не отношусь к этому фанатически, — заявила она. — Я просто не ем мяса”. Она рассматривала свою диету как второстепенное, а не сущностное качество.

Проблема эссенциализма

Часто эссенциализм — это рациональный и адаптивный подход: будешь обращать внимание только на внешние признаки — приведешь домой не ту лошадь. Человек, смотрящий на мир животных и растений и не понимающий, что организмы, попадающие в одну категорию, имеют глубинное сходство (например, способность некоторых видов животных к обучению или целебные свойства некоторых растений), может не прожить столько, сколько проживет эссенциалист. В наше время достижения науки в области объяснений и прогнозов подтверждают, что более глубокая реальность существует.

Но иногда эссенциализм вводит нас в заблуждение. Социальный психолог Генри Тэдджфел исследовал так называемые минимальные группы. Он обнаружил, что если разделить людей на группы по какому-либо произвольному признаку (иногда исследователи просто бросали жребий), то они не только будут выделять свою группу, но уверятся также в том, что группы существенно различаются и что их группа объективно превосходит другую.

Эссенциалистский уклон приводит к тому, что мы видим глубокое сходство там, где его нет.

Поэтому неудивительно, что когда различия очевидны (например, они касаются формы лица или цвета кожи), мы не отмахиваемся от них как от случайной вариации. Нам кажется, что они важны. В некоторой степени так и есть. Если вы знаете, как выглядит некий человек (скажем, каков цвет его кожи), то вы готовы предугадать множество неочевидных вещей вроде его доходов, вероисповедания, политических пристрастий и так далее. (Сейчас, когда я пишу эти строки, темнокожий американец с гораздо большей вероятностью будет голосовать за демократов, чем светлокожий.) Расовая принадлежность во многом имеет значение потому, что люди, которые выглядят по-разному, происходят из разных стран, поселяются в разных районах и имеют разную биографию.

Но наш эссенциализм идет дальше: люди склонны мыслить о группах, включая расы, в биологических терминах. Психолог Сьюзан Гелман рассказывает о человеке, утверждавшем: “Я не могу встречаться ни с кем, кроме митохондриальных евреев”. Митохондриальная ДНК передается по материнской линии, и это был ловкий способ дать определение еврейства. Но этот пример также отлично показывает, что мы мыслим о группах в биологическом ключе. До того, как появилась ДНК, речь шла о крови. Говорили, например: чтобы иметь африканское происхождение, достаточно одной капли крови.

Биологический эссенциализм не совсем ошибается относительно рас. Шведы, как правило, выше японцев, а те, в свою очередь, выше пигмеев, и дело отчасти как раз в генах. И когда мы относим себя к той или иной категории, даже самые либеральные люди и самые убежденные противники расизма понимают, что это вопрос биоло-

гического происхождения. Психолог Франсиско Джил-Уайт отмечает, что если некто называет себя наполовину ирландцем, на четверть итальянцем и на четверть мексиканцем, то речь идет не о том, в какой степени человек усвоил разные культуры или с какими группами чувствует родство — речь идет об этнической принадлежности его дедушек и бабушек.

Но эти категории не настолько реальны, как некоторые думают. Гены не определяют, еврей ли данный человек. Взрослый может стать евреем, обратившись в иудаизм. Ребенок может стать евреем, если его усыновит еврейская семья. Мои дети — потомство отца-еврея и матери-нееврейки. Ну, и кто они: евреи, наполовину евреи или вовсе не евреи? Это политический и теологический, а не научный вопрос. Может быть, следующий пример очевиден, но аргумент касается и других случаев. Барака Обаму обычно называют афроамериканцем или чернокожим, хотя его родители — чернокожий мужчина и белая женщина. Учитывая социальный контекст, в данном случае “чернокожий” перевешивает. Да и в целом категория “чернокожие” включает людей из разных этнических групп, от гаитян до австралийских аборигенов, которых объединяют лишь оттенки одного качества, в буквальном смысле поверхностного. И думать, что связь между ними глубже, — это эссенциализм, доведенный до абсурда.

Ребенок-эссенциалист

Сьюзан Гелман начинает свою замечательную книгу “Сущность ребенка” историей о том, как в возрасте четырех-пяти лет она спросила маму, чем мальчики отличаются от девочек. Мама ответила: “У мальчиков есть пенисы, а у дево-

чек — нет”. Сьюзан спросила недоверчиво: “И все?” Учитывая, что мальчики и девочки и одевались, и вели себя, и играли по-разному, она надеялась на ответ интереснее и глубже. Смысл этой истории — обозначение себя как ребенка-эссенциалиста, а это, в свою очередь, ведет к утверждению, что все дети — эссенциалисты.

Это, следует признать, спорное утверждение в рамках психологии. Доминирующий в настоящее время подход, связанный со швейцарским психологом Жаном Пиаже и отстаиваемый рядом выдающихся ученых, заключается в том, что вначале у детей возникает поверхностное отношение к миру, ограниченное тем, что они могут видеть, слышать и трогать. С этой точки зрения эссенциализм имеет исторические и культурные истоки. В области физики и биологии это стало открытием сначала философов, а после ученых. Большинство самостоятельно никогда до этого не додумалось бы. Философ Джерри Фодор отмечает: “Конечно, у Гомера не было никакого представления о том, что у воды есть некая скрытая сущность или особенная микроструктура (или что они есть у всего остального)”. Мы узнаем об этом в школе. В таких областях, как раса, пол и каста, эссенциализм — это изобретенный обладателями власти миф, нужный, чтобы убедить людей в том, что эти социальные категории естественны и неизменны.

У нас нет полного представления об истоках эссенциализма. Но думаю, сегодня уже достаточно подтверждений того, что зачастую дело не в культурных особенностях. Это универсальная, свойственная всем людям черта. Так что Гомер, вероятно, полагал, что у воды есть скрытая сущность.

Во многом я опираюсь на исследования в области возрастной психологии. Известно, что даже младенцы могут приписывать вещам скрытые качества исходя из того, как те выглядят. Если девятимесячный ребенок обнаружит,

что коробка, когда к ней прикасаешься, издает звук, он будет ждать, что другие коробки, выглядящие так же, тоже станут издавать звуки. Дети постарше идут дальше: они делают обобщения исходя из категории, к которой принадлежит объект. В рамках одного исследования трехлетним детям показывали изображение дрозда и говорили, что у него есть неочевидная особенность, например некоторое химическое вещество в крови. Затем им показывали еще две картинки: животное, выглядящее похоже, но относящееся к другой категории — вроде летучей мыши, и животное, выглядящее иначе, но принадлежащее к той же категории — скажем, фламинго. Кто из них обладает тем же самым скрытым свойством? Дети склонны указывать на фламинго, делая обобщения на основе категорий. Это не значит, что они в полной мере эссенциалисты, однако это показывает, что они способны видеть глубже внешности. В ходе других исследований, где процедура была изменена, обнаружены те же самые способности у детей, не достигших даже двухлетнего возраста.

Экспериментаторы доказали, что маленькие дети уверены: если устранить внутренности собаки (кровь и кости), это уже не будет собака, но если устранить ее внешние признаки — это все еще будет собака. И дети скорее дадут общее название вещам, у которых есть общие глубинные свойства (“то же самое внутри”), чем тем, у кого эти общие свойства — поверхностные (“живут в одном зоопарке и в одинаковых клетках”).

Фрэнк Кейл, мой коллега из Йеля, обнаружил одно из самых поразительных проявлений детского эссенциализма. Он показывал детям картинки, изображающие разные стадии трансформации: дикобраз, хирургическим образом превращаемый в кактус; тигр, втискиваемый в львиный костюм; настоящая собака, которую постепенно

делают похожей на игрушку. Главный вывод: дети не считали такие радикальные преобразования сменой категории; невзирая на внешний вид, это по-прежнему были дикобраз, тигр, собака. Только когда детям говорили, что трансформация происходила и внутри — менялась “начинка” этих существ, — их можно было убедить в том, что трансформации привели к реальной смене категории.

Маленькие дети, как и взрослые, ожидают, что название объединяет объекты со сходными скрытыми качествами. Сьюзан Гелман однажды показала годовалому сыну кнопку на своей рубашке и назвала ее “кнопкой”. После этого он стал нажимать на нее: хотя она не была похожа на кнопки его электронных игрушек, мальчик знал, к какой категории она принадлежит, — а кнопки положено нажимать. У детей постарше можно обнаружить то же тонкое понимание силы существительных, как и у взрослых. Один четырехлетний ребенок продемонстрировал это, рассказывая о знакомом драчуне: “Гэбриел не только мне сделал больно! Он и другим детям больно делал! Он *болючка!* Правда, мам? Он *болючка!*” Ребенок, как можно предположить, подчеркивает, что такое поведение отражает глубокие особенности природы Гэбриела. В своих экспериментах Сьюзан Гелман и Гейл Хейман рассказывали пятилетним детям о девочке по имени Роуз, которая часто ест морковь, и половине детей также говорили: “Она поедательница моркови”. Это возымело следующий эффект: половина детей восприняли Роуз как человека, который постоянно ест морковь и будет есть ее в дальнейшем, даже если ее семья будет против. Это часть ее природы.

Некоторые ученые утверждают, что детский эссенциализм возникает из специализированной системы, ответственной за мышление о животных и растениях. Но я обнаружил, что дети эссенциалистски воспринимают привычные пред-

меты обихода. Когда они слышат название, относящееся к новому человеческому творению, они распространяют это название на другие объекты, созданные с той же целью, независимо от того, как те выглядят.

Дети воспринимают с эссенциалистских позиций и людей. Одно из самых ярких проявлений эссенциализма — осмысление разницы между полами. Еще не зная ничего о физиологии, генетике, эволюционной теории и вообще о какой-либо науке, дети думают, что есть нечто внутреннее, невидимое, отличающее мальчиков от девочек. Этот эссенциализм может быть явно выражен. Одна девочка объяснила, почему мальчик скорее пойдет на рыбалку, чем будет пользоваться косметикой: “Потому что такой у мальчика инстинкт”. И семилетние дети склонны считать, что “у мальчиков другие внутренности, чем у девочек” и “потому что Господь сделал их такими” (биологическая и духовная суть). Только позднее дети начинают принимать объяснения культурного характера (вроде “нас так воспитали”). Прежде чем думать о социализации, нужно сначала социализироваться.

Эти исследования продолжаются, однако мы приближаемся к консенсусу: дети — от природы эссенциалисты. Спектр этого эссенциализма широк. Мы приписываем разные сущности животным, артефактам и разным типам людей.

Жизненная сила

До сих пор я описывал эссенциализм как способ мыслить о категориях (в каждом тигре есть нечто глубинное, делающее его тигром). Теперь рассмотрим идею, что в каждом индивиде есть некая суть, которая делает его особенным:

речь идет не о тиграх и львах, но об отличии *этого* тигра от *того* тигра.

Способность думать об индивидуально определенных объектах — важный аспект познавательных способностей, и это касается даже самых неинтересных вещей. Философ Дэниел Деннет приводит пример человека, который хранил монетку всю долгую поездку из Нью-Йорка в Испанию, а затем, поддавшись порыву, бросил ее в фонтан. Теперь она лежит вместе с другими монетками, и он никоим образом не сможет отличить ее от них. Но все же он понимает, что одна и только одна из этих монеток — его.

Способность мыслить об индивидуальном — важная когнитивная способность, но это не эссенциализм. Вы можете осознавать, что у каждой монетки своя история, но это не значит, что она несет в себе нечто, что можно назвать сущностью. При этом мы считаем, что у некоторых индивидуально определенных объектов есть сущности. Особенно это касается людей или вещей, тесно связанных с людьми. Во многих культурах эти сущности понимаются как часть некоей невидимой силы. Психологи Каэко Инагаки и Гийю Хатано считают, что дети рождаются “виталистами”, предполагающими, что в живых существах есть некая оживляющая их сила. Эта вера объединяет разные общества, в которых есть понятия *ци*, *ки*, жизненная сила, *мана* — или “сущность”. Ее рассматривают как часть личности. В некоторых людях ее больше, чем в других, и она может передаваться от человека предмету (и наоборот). Антрополог Эмма Коэн рассказывала мне о своих исследованиях *аше* в афробразильской религии:

Люди, с которыми я беседовала, объясняли, как просто вещи, артефакты и предметы обихода могут становиться священными через ритуалы, передающие *аше*. Она так-

же присутствует в разной степени во всех людях и может быть пополнена благодаря участию в ритуалах. Владение ею означает силу. Например, когда ты болеешь, ты должен просить об исцелении кого-либо с большей *аше*. И, поскольку ты не можешь определить, у кого ее больше, просто посмотрев на человека, можно объяснять провал ритуала слабостью чьей-либо *аше*. Так они и делают. В некоторых религиозных домах *аше* больше, чем в других, и приверженцы афробразильской религии утверждают, что когда тыходишь в дом, где больше *аше*, ты чувствуешь себя лучше.

Это пример того, как идея жизненной силы включена в религиозные ритуалы, но она проявляется и в светской жизни. Мы стремимся к контакту с особыми людьми. И обычный предмет, к которому прикоснулся особенный человек, приобретает ценность (в том числе поэтому люди платят баснословные деньги за предметы вроде рулетки Кеннеди). И, как объясняется в следующей главе, мои коллеги и я обнаружили, что люди готовы дорого платить за свитер человека, которым они восхищаются, вроде Джорджа Клуни, — но цена падает, если предмет стерилизован: это уничтожает его сущность.

Или возьмем контакты с людьми. Иногда даже взгляд индивида, имеющего высокий статус, может повлиять на человека. Писатель Гретхен Рубин ставит интересный вопрос, связывая эти впечатления с индуистской практикой даршаны (на санскрите “видение”, “взгляд”). Даршана может быть истощающей для человека, который, как предполагается, отдает свою энергию — настолько, что некоторые “звезды” вписывают в контракты со своими сотрудниками условие: они не должны встречаться взглядами.

Похлопывание по плечу лучше взгляда, а рукопожатие — еще лучше. Выражения вроде “неделю не буду мыть руку” отражают представление, что на вашей руке остается след знаменитого человека, который вы не хотите потерять. Еще более близкий контакт — половой, и это одна из многих причин, почему могущественным людям нетрудно найти сексуальных партнеров.

Но в физическом смысле с желанным объектом можно сблизиться еще теснее, чем занимаясь с ним сексом. Возьмем подслушанный телефонный разговор, в котором принц Чарльз высказывает пожелание возродиться как тампон своей любовницы: желание одновременно и пугающее, и удивительно романтическое. Другой вариант — разрывание тела этого особенного человека на части и их поедание в надежде, что вы получите его силу (об этом обычае мы поговорим в следующей главе). А есть еще трансплантация органов, в процессе которой один человек получает орган другого. Это особенно интимный акт. Специалист по этике Леон Касс охарактеризовал его как “благородную форму каннибализма”. Действительно, многие верят, что получатели трансплантируемых органов перенимают какие-то качества доноров.

Есть разница между категорийным эссенциализмом, который мы разбирали выше, и эссенциализмом жизненной силы. Сущности категорий считаются постоянными и неизменными, тогда как сущности, связанные с жизненной силой, могут прибавляться, сокращаться и транслироваться. Но у них есть и общая черта: они невидимы, они могут определять, чем является объект, и они могут быть очень важны.

Пример важной роли эссенциализма — сообщения очевидцев о поиске Далай-ламы XIV. В одном говорится, как проверяли двухлетнего мальчика в далекой деревне.

Группа лам привезла с собой вещи, принадлежавшие покойному Далай-ламе XIII, а также набор неаутентичных предметов, похожих на вещи Далай-ламы или идентичных им. Когда мальчику показали подлинные черные молитвенные четки Далай-ламы и их копию, тот схватил настоящие и надел их на шею. Когда ему показали две пары желтых четок, он снова выбрал настоящие. Когда ему показали два посоха, он взял было неправильный, но, осмотрев его, положил назад и выбрал принадлежавший Далай-ламе. Затем он правильно выбрал одно из трех лоскутных одеял. Наконец, мальчику показали два барабана: довольно простой, настоящий, и красивый *дамару*, который Далай-ламе не принадлежал. (И таким образом вынудили выбирать между неинтересным предметом, связанным с сущностью, и с весьма ярким, отвлекающим внимание.) И вот что увидели проверяющие: “Безо всяких сомнений он выбрал барабан. Держа его в правой руке, он начал играть на нем с широкой улыбкой на лице, двигаясь так, чтобы его глаза могли рассмотреть всех нас. Так мальчик продемонстрировал свою оккультную силу, способность проникнуть в самые тайные феномены”.

Еще один наблюдатель увидел в способности кандидата на пост Далай-ламы к распознаванию предметов признак “сверхчеловеческого интеллекта”. (Заметьте: использование точных копий означало, что мальчик не мог бы преуспеть, опираясь лишь на воспоминания о своем воплощении в прошлом. Требовалась особая сила, позволяющая различать невидимые сущности.) Суть дела не в том, что аутентичные предметы действительно были связаны с сущностью Далай-ламы XIII. Важно, что тибетские бюрократы действительно верили, что так и есть, и разработали процедуру, предполагающую участие незримых сущностей — таких, для распознавания которых требуется

особая сила, — и опирались на эту процедуру, чтобы принять важное решение. Мальчик стал нынешним Далай-ламой, Тэнцзин Гьямцхо.

Умнее, чем на первый взгляд

В следующих главах я буду говорить о том, что удовольствие, которое мы получаем от многих вещей и занятий, отчасти основано на том, какой мы видим их суть. Наш эссенциализм — не просто хладнокровный способ найти смысл реальности. Он определяет наши страсти, аппетиты и желания.

Психология эссенциализма изучает представления о сущностях. Есть эссенциализм категорий и эссенциализм жизненной силы, есть физические сущности природных объектов вроде животных и растений и психологические сущности созданных человеком вещей — орудий труда и произведений искусства. Мой подход — распространение эссенциализма на удовольствия — будет, соответственно, весьма широким. В какие-то моменты я буду связывать удовольствие с сущностями разных категорий — в частности, при обсуждении секса, где категории “мужской”, “женский” и “девственный” оказываются чрезвычайно актуальными. В каких-то случаях сущность скорее напоминает незримую жизненную силу, как с определенными потребительскими продуктами — так они приобретают свою ценность. В других случаях мы сосредоточимся на роли предполагаемого внутреннего строения — например, это касается нашей склонности к бутилированной воде. Иногда речь пойдет о человеческой истории, как в случае с восприятием картин и рассказов. Закончится же книга обсуждением более общего интуи-

тивного представления о том, что существует некая глубинная реальность, выходящая за пределы повседневного опыта. Это представление может лежать в основе тех удовольствий, которые мы получаем от религиозной практики и научных исследований.

Это, конечно, весьма сложный взгляд на удовольствия. Но пусть: люди — сложные создания. Мы часто упускаем из виду эту сложность. Определенные факты нашей психологии кажутся столь непосредственными и очевидными, что трудно поверить, будто они вообще нуждаются в объяснении. В 1890 году Уильям Джемс писал:

Только у метафизика могут возникнуть такие вопросы: почему мы улыбаемся, а не хмуримся, когда довольны? Почему мы не можем говорить с толпой так же, как наедине с другом? Почему эта девушка сводит нас с ума? Обычный человек может сказать лишь: *«Конечно, мы улыбаемся, конечно, наше сердце трепещет при виде толпы, конечно, мы любим эту девушку»*.

Джемс объясняет, почему эти чувства случайны:

Львица создана быть любимой львом, медведица — медведем. Курице-наседке должна показаться невероятной сама мысль о том, что где-то в мире существует создание, не считающее гнездо полное яиц в высшей степени восхитительным, драгоценным и заслуживающим того, чтобы высиживать его целую вечность.

Что касается удовольствия, есть искушение приписать нашу реакцию на ту или иную вещь свойствам самой этой вещи. *Конечно*, при виде девушки у нас отнимается язык — ведь она чертовски красива. Как она может не сводить нас

с ума? *Конечно*, нас восхищает крошечный ребенок — он такой прелестный.

Глубина удовольствия скрыта от нас. Люди настаивают, что удовольствие, которое они получают от вина, объясняется его вкусом и запахом, или что музыка приятна из-за ее звучания, или что фильм стоит посмотреть из-за него самого. И, конечно, это правда... но лишь отчасти. Во всех этих случаях на удовольствие влияют более сложные факторы, включающие то, что человек думает об истинной сути того, от чего он (она) получает удовольствие.

Глава 2

Гурманы

В 2003 году немец Армин Майвес, 42-летний компьютерный специалист, стал искать в интернете кого-нибудь, кого можно убить и съесть. После нескольких бесед он выбрал Бернда Юргена Брандеса. Эти двое встретились вечером в сельском доме Майвеса в небольшом немецком городке. Они поговорили, а затем Брандес принял несколько таблеток снотворного и запил их половиной бутылки шнапса. Майвес отрезал пенис Брандеса и поджарил на оливковом масле. Мужчины пытались съесть пенис, но не преуспели. Майвес читал роман из серии “Звездный путь”, а Брандес истекал кровью в ванне. Спустя несколько часов Майвес убил Брандеса ударом кухонного ножа в шею, перед этим поцеловав его.

Затем Майвес разделал тело Брандеса и поместил его в морозильник — рядом с пиццей. В следующие несколько недель он размораживал и готовил с оливковым маслом и чесноком куски плоти Брандеса, съев в общей сложности около двадцати килограммов его мяса. Майвес изысканно сервировал стол, зажигал свечи и запивал свою трапезу красным вином из ЮАР.

Эта история интересна в нескольких отношениях. Прежде всего, хотя все это было сделано по взаимному

согласию, многие уверены, что Майвес совершил нечто ужасное. Сначала его обвинили в непредумышленном убийстве, а затем, после апелляции прокуратуры, признали виновным в убийстве. Выяснение того, что именно в данном акте “каннибализма по согласию” общество (включая людей либеральных взглядов, которые склонны верить в человеческую самостоятельность и свободу и обычно соглашаются с тем, что мы вправе делать все, что захочется, если это не мешает свободе других) сочло аморальным, может дать нам некое представление о моральных критериях и принципах.

Существует и медицинский вопрос: почему у Майвеса появился вкус к человеческой плоти? Как и следовало ожидать от нашего современника, у Майвеса была своя психологическая история: отец бросил его, он был одинок и фантазировал о брате, который был бы моложе его и которого Майвес мог бы оставить при себе навсегда, съев его. Идея верности через пожирание — кажется, общая тема в таких случаях. У одного эксперта было похожее объяснение случая Джеффри Дамера, американского убийцы-каннибала: Дамер ел своих любовников якобы потому, что хотел, чтобы они никогда его не покинули.

(А как быть с Брандесом? Я могу понять желание умереть, но кто захочет, чтобы тебя убил незнакомец, который планирует съесть твой труп? Брандес был не одинок в своих намерениях — на объявление Майвеса в интернете ответили около двух сотен человек. Так людоед и попался: студент, бродивший по Сети, увидел эти обсуждения и сообщил властям.)

И все-таки: какое отношение эта история имеет к удовольствию, которое мы получаем от еды? Общества, в которых люди едят людей, редки — настолько редки, что некоторые вообще сомневались в их существовании. Сегодня

каннибалов-убийц чаще встретишь в кино, чем в действительности. Когда Дамера допрашивали в тюрьме, он жалобно спрашивал у врачей, есть ли в мире такие же, как он.

Есть две причины, почему обсуждение удовольствия от еды стоит начать именно с каннибализма. Во-первых, это удобный способ изучить вопрос о том, почему есть одно — это хорошо, а другое — плохо. Анализ того, почему мы так остро чувствуем, что люди не относятся к категории еды, может подсказать нам, почему мы что-то любим или не любим. Во-вторых, психология каннибала, похоже, отражает экстремальную версию того, что нормальные люди думают о своей обычной еде. Она иллюстрирует эссенциалистские убеждения в их крайней форме.

Съев Брандеса, Майвес был уверен, что он не просто потребил белки и жиры: он поглотил *сущность* Брандеса. Он настаивал, что в поедании человека есть психологическая польза. Это делало его решительнее. Майвес уверял, что приобрел некоторые качества Брандеса: “С каждым куском мои воспоминания о нем становились сильнее”. Брандес свободно говорил по-английски, и Майвес утверждал, что с тех пор, как он съел Брандеса, его собственный английский заметно улучшился. Идея поглощения чьей-то сущности отражена в песне одной немецкой металлической группы, вдохновившейся историей Майвеса. Припев начинается так: “Потому что ты есть то, что ты ешь”.

Привереды

Когда я впервые заинтересовался удовольствием от еды, я предполагал, что объяснение нашей любви и нелюбви к определенным блюдам дают физиология и эволюционная биология. Мы могли бы объяснить то, что люди едят,

исследовав вкус и обоняние, изучив анатомию органов чувств. Мы должны быть в состоянии предсказывать, какая еда нам понравится, исходя из того, в чем больше всего нуждается наш организм и какова та среда, в которой эволюционировал наш вид. Да, вкус к изобразительному искусству и музыке может объясняться культурным влиянием, темпераментом, опытом и везением, но уж вкус-то к еде должен иметь биологическое объяснение, связанное с историей нашего вида.

Нельзя сказать, что это неверно. У нас действительно есть некие запрограммированные предпочтения. Люди обычно любят сладкое, потому что сахар — подходящий источник калорий, и не любят горькое, потому что горечь свидетельствует о токсичности. Продукты вроде красного острого перца, вызывают неприятное жжение. В некоторых обществах матери прикладывают перец к груди, чтобы начать отучать ребенка от грудного молока, и было бы жестоко класть младенцу в рот “Табаско”.

Но этим универсальные предпочтения заканчиваются. Как отмечал психолог Пол Розин, мы всеядны: едим практически все, что можем переварить. Наш рацион, в сравнении с рационом других животных, почти не имеет ограничений.

А что насчет разницы между людьми? Частично ее можно объяснить генетическими причинами. Большинство населения планеты не усваивает лактозу. Вот поразительное открытие: существует не один тип языка, а несколько. Примерно у четверти людей (по выражению Линды Бартошук, *сверхдегустаторов*) рецепторы на языке расположены очень плотно. Вы можете выяснить, относитесь ли вы к этой группе, если положите на язык синий пищевой краситель и попросите друга сосчитать вкусовые почки, которые остались розовыми. Грибовидные сосочки,

где находятся вкусовые почки, не окрашиваются. Можно поступить еще проще: добыть немного бумаги, пропитанной пропильтиоурацилом (продается в интернете), и положить ее в рот. Если на вкус она как бумага — значит, вы не отличаетесь от большинства, а если горькая, поздравляю: вы сверхдегустатор. И вам, по всей вероятности, не нравятся виски, черный кофе, брюссельская и кочанная капуста. Вы весьма чувствительны к кислому вкусу винограда и жжению молотого красного перца. Но хотя статус сверхдегустатора связан с определенными пищевыми предпочтениями, само по себе наличие подобных предпочтений не свидетельствует о том, что вы относитесь к таким людям. Например, моя жена — сверхдегустатор и ей предсказуемо не нравятся пиво и диетические безалкогольные напитки, однако нравится брокколи. Чрезвычайно сложно вывести пищевые предпочтения из нашей физиологии.

Несколько лет назад эксперты по вину устроили дискуссию по физиологии языка на симпозиуме в Калифорнии. Среди участников провели тест с пропитанной пропильтиоурацилом бумагой. Неудивительно, что те дегустаторы, кто его прошел, хвастались своими невероятными способностями. Однако нет подтверждений тому, что эти *сверх-* различают вкусы лучше всех остальных. Из-за своей нелюбви к терпкому и кислому им даже труднее наслаждаться вином.

Никто пока не может объяснить большую часть вариаций пищевых предпочтений. Между братьями или сестрами, которые росли вместе, в одном доме, и имеют общие гены, все равно найдутся различия. Я ненавижу сыр, а моя сестра его очень любит, и я не знаю, почему.

Если вы хотите узнать, что человек любит есть, проще всего спросить, откуда он приехал. Культурное влияние объясняет, почему одни люди любят кимчхи, другие —

тортилью, третьи — печенье “Поп-тарнс”. Оно объясняет, почему американцы и европейцы не едят насекомых, крыс, лошадей, собак или кошек, а в других частях света их употребляют в пищу. Некоторые даже едят человеческую плоть, хотя и при строго определенных обстоятельствах. Все это лучше всего объясняется тем, откуда люди родом и как они воспитывались.

Теперь мы можем передать слово социологам или антропологам и спросить у них о факторах, влияющих на вкусы в разных обществах. Антрополог Марвин Харрис разработал подход, объясняющий разность вкусов оптимизацией поиска пищи. В этих различиях Харрис видит логику. Некоторая еда просто не стоит усилий, уходящих на ее приготовление. Американцы, например, не едят собак, потому что от живых собак больше пользы: они становятся нашими компаньонами и защитниками. Насекомых мало кто любит, притом ловить их долго — охота не стоит такой добычи. (Исключение составляют крупные насекомые, а еще такие, которые собираются большими группами, либо те, которых нужно истреблять, поскольку они губят урожай. То есть насекомых вроде саранчи иногда вполне можно есть. По преданию, Иоанн Креститель жил в пустыне, питаясь саранчой и диким медом.) В тех странах, где не едят коров, обычно оказывается, что коровы ценнее, пока они живы.

Хотя эти предположения во многом спорны, Харрис, скорее всего, прав в том, что такие запреты не случайны. Но с точки зрения психолога проблема здесь в том, что между культурным и психологическим объяснениями нет очевидной связи. Теория Харриса не объясняет вкусовые предпочтения отдельных людей. Я вырос в Канаде, и нет сомнений, что Харрис может предложить изящное объяснение того, почему канадцы не едят крыс, но это не объяснит,

почему крыс избегаю лично я. Рациональные соображения могут предопределять культурный выбор, но они не формируют личные вкусы. Возможно, кто-то меня и убедит в том, что крысиное мясо — пища питательная, здоровая и (для непредубежденного дегустатора) вкусная, но если передо мной поставят тарелку жареной крысятины, меня стошнит. И напротив, я могу быть совершенно убежден в наличии серьезных моральных и практических причин не есть говядину. И все же бифштекс — вкусная штука.

Это типично для процесса усвоения культуры: такое объяснение обычно неприменимо к отдельным личностям. В силу некоторых исторических причин жители Дамаска, как правило, говорят по-арабски, а Нью-Хейвена — по-английски. Жители Дамаска — чаще всего мусульмане-сунниты, а Нью-Хейвена — христиане. Это не случайность, у этих фактов есть историческое объяснение. Но дети, воспитываемые в этих культурах, не опираются на исторические факты, когда дело доходит до разговоров на том или ином языке или поклонения тому или иному богу.

Так что же определяет индивидуальные предпочтения? Многообещающим кажется изучение личного опыта. Нервная система ограждает людей и других животных от вредной пищи. Если вы съедите что-то новое и почувствуете тошноту или заболаете, вы будете избегать этой еды. Когда я рассказываю о еде в своем вводном курсе психологии, я прошу студентов привести примеры пищевой аверсии, и в аудитории всегда находятся те, кто не может есть что-либо, потому что в первый раз, когда они это попробовали, им стало плохо. В одном случае это были суши — студентка попробовала их в тот момент, когда заболела гриппом. Для меня это была смесь узо — греческого спиртного напитка — и пива. Будучи старшеклассником, я как-то раз употребил и то, и другое, и мне было

очень плохо. Многие годы меня тошнило от характерного запаха узо.

Еще один способ обучения — это наблюдение за другими. Возможно, мы, как крысята, выясняем, какую пищу есть безопасно — а значит, от какой пищи мы должны получать удовольствие, — следя за тем, что нам дают родители, и за тем, что они едят сами. Родители живут в той же среде, что и дети, они любят своих детей и заботятся об их благополучии, так что это, кажется, совершенно надежный механизм обучения.

Однако, как ни странно, у людей не все так просто. Оказывается, между предпочтениями родителей и их маленьких детей связь очень слаба. Есть данные о более сильной связи у братьев и сестер, а также у супругов. Последнее особенно загадочно, ведь обычно вы не связаны генетически со своим супругом или супругой.

Это объяснимо, если всерьез считать, что кулинарные традиции являются элементом культуры, а их передача — отчасти ее трансляцией. Это не просто усвоение того, что питательно и неопасно для жизни: это механизм социализации. А социальное научение, как подчеркивали Джудит Харрис и другие психологи, происходит в ходе наблюдения за такими же, как вы. Вы не едите то же, что едят ваши родители, по той же причине, по которой вы не одеваетесь, как они, не ругаетесь, как они, и не слушаете ту же самую музыку. Это объясняет недостаток связи между детьми и родителями, а также тесную связь между братьями и сестрами, мужьями и женами.

У самых младших детей просто нет выбора, кроме как повторять за взрослыми. Но и младенцы достаточно умны, чтобы применять некоторую социальную логику. В ходе одного остроумного исследования годовалые американские дети наблюдали за тем, как два взрослых незна-

комца ели некие блюда. Оба говорили с детьми: первый по-английски, второй по-французски. Когда детей попросили выбрать между этими блюдами, дети предпочли то, которое ел говоривший по-английски. Они стремились научиться у того, кто был больше на них похож.

Это отвратительно

Проблема с человеческой плотью не в том, что она объективно неприятна на вкус. Если вам нравится свинина, вам вполне по вкусу придется и человечина — если только вы не знаете, что едите именно ее. (Утверждается, что самое близкое к поеданию тела человека — это употребление фарша “Спам”.) И есть немало историй, загадок и притч, предполагающих, что можно обманом заставить есть человеческое мясо, да еще и с удовольствием: герой только потом узнает, что он ел.

Что же не так с человеческой плотью? То, как мы ее воспринимаем. Марвин Харрис отлично выразил эту мысль, говоря о насекомых: “Мы не едим их не потому, что они грязны и омерзительны. Скорее, они грязны и омерзительны, потому что мы их не едим”. Точно так же нас беспокоит в человеческой плоти именно то, что мы знаем, что это такое. Это омерзительно. И отвратительно.

Отвращение играет интересную роль в том, что нам нравится есть. Пищевая аверсия развилась как механизм избегания гнилой и загрязненной пищи, особенно гнилого мяса. Можно не любить, например, батат, яблочный пирог, лакрицу, пахлаву, изюм или цельнозерновые макароны, однако мясо — поедание собак, лошадей или крыс — обычно вызывает у нас более сильные чувства. Случаи резкого отторжения немясных продуктов подтверждают прави-

ло: обычно это нечто, происходящее от животных (сыр, молоко) или же напоминающее живых существ внешне или по составу (Розин отмечает, что моллюски, по мнению многих, напоминают гениталии).

Чарльз Дарвин выразил нашу реакцию на новый вид мяса с необычной откровенностью: “Примечательно, как легко и незамедлительно тошнота или рвота возникают у некоторых людей при самой мысли об употреблении любой необычной еды, например, мяса животного, которое обычно не едят — несмотря на то, что в этой еде нет ничего, побуждающего желудок отвергнуть ее”. Это, надо признать, радикальное высказывание. Дарвин либо преувеличивает, либо его современники-викторианцы были чрезвычайно чувствительными людьми — я не знаю никого, кого стошнило бы от одной мысли о поедании непривычного мяса. Впрочем, он прав: это довольно-таки отвратительно.

Историю о возрастном развитии отвращения я подробно рассказал в своей предыдущей книге “Младенец Декарта”. Вкратце она такова: младенцы и маленькие дети не способны испытывать отвращение. Их не смущают продукты собственной жизнедеятельности — или чьей-либо еще. Они едят кузнечиков и других насекомых. Пол Розин с коллегами поставили эксперимент: предложили маленьким детям собачьи экскременты (на самом деле — смесь орехового масла и сыра с острым запахом), и те охотно их ели. Насколько я знаю, ни один психолог пока не давал малышу гамбургер со словами, что это человеческое мясо, но, уверен, ребенок с радостью уплел бы и его.

Отвращение выходит на сцену примерно в возрасте трех-четырёх лет. Тогда дети начинают отшатываться от кала и мочи. Они знают, что сок или молоко непригодны для питья, если туда попал таракан. Иногда они проявляют повышенную чувствительность. Тогда они одержимы

изучением того, чего коснулась их пища и где она была. Уильям Миллер в “Анатомии отвращения” рассказывает о брезгливости своих детей — дочь отказалась вытираться в туалете, потому что боялась запачкать руку, а сын менял брукси и трусы, если на них попадала хоть капля мочи.

Почему у людей развивается отвращение, точно не знает никто. Фрейдистское представление о том, что это связано с приучением к горшку, неправдоподобно. В разных обществах детей по-разному учат испражняться, а во многих вообще не знают туалетов, и тем не менее все и повсюду испытывают отвращение к моче и калу. Есть еще одно возражение Фрейду: кровь, рвота и гниющая плоть везде одинаково вызывают отвращение, но возникает оно определенно не во время приучения к горшку. Вероятнее, развитие отвращения обусловлено биологически, наступлением определенного времени — это ступень развития нервной системы.

Некоторые субстанции — скажем, кал — вызывают отторжение повсюду. Но есть и культурные вариации, особенно когда дело касается поедания мяса. Наблюдение Дарвина дает нам важную подсказку о том, как происходит это “обучение традиции”. Нельзя сказать, что дети постепенно узнают, какое именно мясо отвратительно. Скорее наоборот — мясо “виновно”, пока не доказано обратное. То есть дети наблюдают, какое мясо едят окружающие, и по мере взросления начинают испытывать отвращение ко всему, что эти люди не употребляют в пищу. В этом отношении замечательно мясо. Взрослый, возможно, захочет съесть новый фрукт или овощ либо еще что-нибудь необычное: ребенком я не ел батончики мюсли, роллы “Калифорния”, пельмени с креветками или крабовые котлетки, а сейчас мне все это нравится. Однако я и пробовать бы не стал крысиное или собачье мясо.

Некоторые исследования в этой области провели военные: солдаты, особенно летчики, могут оказаться в ситуации, когда их обычный рацион недоступен. Кроме того, заставить людей есть нечто отвратительное — отличный способ выяснить их готовность к выполнению приказов.

Именно эта причина побудила Эварта Смита провести исследование, результаты которого были опубликованы в 1961 году. Текст начинался слегка зловещей фразой: “Генерал-квартирмейстер армии недавно поставил перед корпорацией ‘Матрикс’ проблему определения наилучших методов изменения психологических установок в военной организации”. Исследовались различные методики, благодаря которым можно было заставить людей есть отвратительную пищу, включая жуков, жареных кузнечиков и “облученные бутерброды с колбасой”. Главный вывод: людей можно заставить есть нечто отталкивающее, но нельзя заставить это полюбить.

Почему люди едят человечину?

Люди могут есть человеческую плоть от голода, но одна из самых мерзких вещей, которые можно сказать о ком-то — что он практикует каннибализм по собственной воле. В 1503 году испанская королева Изабелла решила, что испанцы будут обращать в рабство только тех, кого можно таким образом исправить в моральном отношении, и это королевское решение побуждало испанских путешественников рассказывать жуткие истории о представителях других культур. А что может быть хуже каннибализма? Обративший внимание на этот аспект исполнения монаршей воли ученый в 70-х годах XX века написал книгу, в которой доказывал, что никаких каннибальских обществ не существует — это миф.

Тем не менее, некоторые из этих обвинений правдивы, и сегодня есть подтверждения того, что такие общества существуют. Да и странно, если было бы иначе. Ведь с эволюционной точки зрения жизнь — это борьба, в том числе и борьба за белки. Живя в процветающем индустриальном обществе, легко забыть о том, что человек почти всегда отчаянно пытался добыть побольше мяса. И, должно быть, многие понимали, что решение прямо перед глазами — в лице их детей, друзей, соседей и, конечно, тех, кого они ненавидели. Естественно, к этому выводу пришли и другие приматы. Один из главных факторов, влияющих на младенческую смертность у шимпанзе и горилл, — детоубийство. Причин тому много, и, как отмечает антрополог Сара Хрди, одна из них такова: детеныши — “восхитительный источник белков и жиров”.

Есть два способа быть каннибалом. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки, но в обоих случаях подразумевается поглощение вместе с трупом сущности (духа) человека.

Вариант первый: эндоканнибализм. Вы ждете, пока люди не умрут естественной смертью, а затем едите их. Тут все просто: не требуется ни насилия, ни особых затрат. Но есть и минусы: эта пища несвежая, сухая и нередко заражена возбудителями опасных болезней. В 1976 году Карлтон Гайдущек (Гайдюзек) получил Нобелевскую премию в том числе за то, что установил: заболевание *куру*, распространенное среди членов племени форе в Папуа — Новой Гвинее, — это результат их каннибализма, точнее, поедания мозгов.

Если вы эндоканнибал, есть масса способов поглощать мертвечину. Одни торжественные, другие — легкомысленные. В редких случаях поедается труп целиком. Обычно же плоть не едят, а размалывают кости, или тело сжигают, а пепел смешивают с напитками или чем-либо наподобие

бананового пюре. Кит Ричардс описал современный вариант этого занятия в интервью британскому журналу “Нью мюзикл экспресс”:

Самая странная вещь, которую я пытался нюхнуть? Мой отец. Я занюхал своего отца. Его кремировали, и я не мог устоять перед тем, чтобы растереть прах пальцами и немного нюхнуть.

Речь идет не о поглощении белка, а о том, чтобы принять сущность того, кого вы любите. Если эндоканнибал этого не сделает, его могут ждать проблемы со здоровьем, бесплодие или появление на свет слабых детей.

Вариант второй — экзоканнибализм: найти молодых, здоровых людей из других групп, убить и съесть их. Преимущество: молодые здоровые люди — отличный источник белка. Недостаток: они не желают быть съеденными, поэтому могут представлять опасность для каннибала.

Некоторые едят пленников. Это обычно жестокое действие, и жестокость отражает определенные эссенциалистские убеждения. Пленников могут вынудить драться, в надежде, что их отвага передастся тем, кто их после съест. Ацтеки, например, привязывали пленника за талию, давали ему оружие и нападали на несчастного до тех пор, пока тот не падал на землю. Тогда с него снимали кожу целиком, чтобы использовать ее как одежду, а мясо ели. В некоторых обществах акты каннибализма сопровождалась детально разработанными ритуалами, в том числе диалогами между каннибалами и их жертвами. Диалог, согласно одному сообщению 1554 года из Бразилии, был таким:

ЧЛЕН ПЛЕМЕНИ. Я — тот, кто тебя убьет, потому что ваши убили и съели многих из моих друзей.

Пленник. Когда я умру, найдется много людей, которые за меня отомстят.

Таким образом, в обоих типах каннибализма прослеживается мотив присвоения духа, сущностей других людей. И что, поэтому люди и едят людей? Циник, пожалуй, мог бы решить, что у ритуала есть какая-то другая причина и что эссенциалистские убеждения тут вторичны (точно так же, как люди, соблюдающие кашрут, заводят разговор о том, что такая диета полезна, хотя изначальная мотивация у них другая).

Экзоканнибализм действительно мог возникнуть потому, что поедание тел здоровых людей полезно для здоровья, вдобавок этот обычай пугает врага. Но это объяснение не годится для эндоканнибализма: вы не получите осязаемых преимуществ, превращая плоть стариков в фарш и поедая его. Так что лучше поверить каннибалам: они и вправду едят дорогих сердцу людей, чтобы сберечь их незримый дух.

Обыкновенный каннибализм

До сих пор, обсуждая каннибализм, мы в основном говорили об его экзотических, примитивных проявлениях и о случаях преступного безумия. Вы, наверное, не имеете с этим ничего общего, и, значит, вы не каннибал. Но, вполне вероятно, вы занимаетесь чем-то похожим на каннибализм и думаете немного по-каннибальски. Ведь идея, что вы можете заполучить чью-то суть, поглотив его (ее), распространена весьма широко.

Один из известных примеров — евхаристия, ритуал, который регулярно совершают миллионы католиков. В ходе этого ритуала они, по их собственным словам, вку-

шают тело и кровь Христовы. Канныбальские ассоциации тут очевидны, и они были использованы для нападков на католиков в XVI столетии: тогда некоторые пытались доказать, что этот ритуал свидетельствует об их склонности питаться человеческой плотью. Это, в свою очередь, напоминает кровавый навет на евреев. По поводу того, действительно ли евхаристия может считаться каннибализмом, развернулись обширные теологические дискуссии, но она все-таки на него *похожа*:

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу Его в последний день.

Я не католик, но здесь есть некий смысл, касающийся принятия в себя чьей-то сущности путем поедания его (ее). Это акт любви, напоминающий поведение монстров в книжке Мориса Сендака “Там, где живут чудовища”. Мальчик Макс собирается вернуться домой, а чудовища плачут: “Ой, пожалуйста, не уходи — мы тебя съедем, ведь мы так тебя любим!”

Единственный известный мне пример современного социально одобряемого, богобоязненного каннибализма (не символического, а реального) — употребление в пищу плаценты. Оно распространено в Азии, однако встречается и в США, и в Европе, где его популяризируют в том числе сторонники движения нью-эйдж. На одном сайте эта тема обсуждается в контексте “солидарности с другими млекопитающими”. Приводятся несколько рецептов:

Самый популярный метод, как представляется, — приготовление плаценты с чесноком и томатным соусом. Также ее можно добавлять в лазанью или пиццу, в коктейль с овощным соком, или высушить и посыпать ею салат. Са-

мые сложные блюда из плаценты — это сашими с плацентой и тартар из плаценты (готовится элементарно: нарезать и подать к столу).

Все верно, плацента — богатый источник белков, но современный американец и так употребляет их в немалых количествах. Так что люди не поэтому соглашаются ее есть. Скорее, считается, что у плаценты есть определенная сила, что она нечто вроде прививки от послеродовой депрессии.

Минимум однажды поедание плаценты показали по телевидению. В 1998 году в британском шоу “ТВ Диннерс” приглашенный в студию знаменитый шеф-повар приготовил обед-сюрприз для человека, у которого только что родился ребенок. Кулинар сделал из плаценты паштет и намазал его на лепешки фокачча. Многие из гостей были шокированы, и Британская комиссия по стандартам телерадиовещания наказала организаторов шоу.

Это, возможно, безвредное развлечение, но сегодня есть и действительно ужасные проявления каннибализма. Африканский культ *мути* допускает торговлю человеческими органами и частями тела, особенно молодых людей. В Танзании знахари торгуют зельями, в состав которых входят кожа, кости и волосы альбиносов: считается, что они приносят удачу. Погибли уже десятки альбиносов, в том числе маленькие дети.

Ты есть то, что ты ешь

Эссенциалистский подход может лишить вас желания есть определенную пищу. Ганди утверждал, что когда он впервые попробовал козлятину, ему послышался крик души животного: мощный стимул стать вегетарианцем. С дру-

гой стороны, эссенциализм может вынудить вас чаще есть определенную пищу. До изобретения “Виагры” и ее аналогов отчаявшиеся мужчины употребляли в качества афродизиака мясо и отдельные части животных. Пищу они выбирали по разным мотивам: иногда это была молодость животного, иногда его принадлежность к мужскому полу, иногда ассоциации с эрегированным penisом, которые вызывает та или иная часть тела, а иногда видимой причины не было вовсе. Среди лекарств от импотенции числились:

части тела людей,
рога носорогов,
тигриные penisы,
тюленьи penisы,
устрицы,
креветки,
крокодильи зубы,
обжаренные волчьи penisы.

Говорят, мясо в этом отношении особенно полезно. Пол Розин в своей неопубликованной рукописи указывает, что люди повсеместно ассоциируют мясо с мужественностью. Когда я учился в аспирантуре, мой русский сосед по комнате был уверен в стойкой взаимосвязи между употреблением мяса и сексуальной потенцией и насмехался над друзьями-вегетарианцами.

Вода ассоциируется с совсем другим эффектом. Американцы ежегодно тратят около пятнадцати миллиардов долларов на бутилированную воду — больше, чем на билеты в кино. Мы пьем больше бутилированной воды, чем молока, кофе и пива. Это озадачивает: ведь в большинстве регионов нашей страны бутилированная вода не вкуснее и не полезнее, чем вода из-под крана (а часто и хуже ее).

Кроме того, производство пластиковых бутылок и транспортировка воды в грузовиках оказывают откровенно негативное влияние на экологию. И все же литр бутилированной воды стоит дороже литра бензина. Что же в ней такого притягательного?

Один вариант ответа — нас влечет ее чистота. В целом люди предпочитают естественное искусственному. Нас беспокоят антидепрессанты, но устраивают травяные средства вроде экстракта гинкго билоба. Генетически модифицированная пища многих отпугивает. Эта жажда натурального создает проблемы с точки зрения маркетинга. Писатель Майкл Поллан объясняет в книге “Дилемма всеядного”, что трудно заработать деньги на совершенно натуральных продуктах — отчасти потому, что, как объяснил Поллану вице-президент компании “Дженерал миллз”, трудно отличить вашу кукурузу или цыплят от кукурузы и цыплят, производимых кем-либо еще. Чтобы сделать продукт прибыльным, целесообразно сделать из кукурузы хлопья известной марки, а цыплят превратить в рекламируемый по ТВ обед. Поллан рассказывает, как в 70-х годах производитель пищевых добавок “Интернейшенал флейвер энд фрейгрэнсиз” пытался отговорить людей от употребления натуральной пищи, доказывая, что искусственное лучше. Натуральные же ингредиенты — “дикая смесь субстанций, выделяемых растениями и животными для совершенно не связанных с едой целей — ради выживания и воспроизводства”. Мы едим их на свой страх и риск.

Эта стратегия никогда бы не сработала. Более тонкий подход — эксплуатировать предубеждения людей, изобретая новые продукты и предлагая их на рынке как натуральные. Бутилированная вода — самый успешный пример.

Конечно, этой эссенциалистской теории есть альтернатива. Ее часто представляют как объяснение будто бы ир-

рациональных предпочтений, и мне кажется, у этого объяснения есть немало достоинств. Оно заключается в том, что бутилированная вода — признак статуса. Это пример того, что социолог Торстейн Веблен называл демонстративным потреблением: способом рассказать всем, сколько у вас денег, или в целом продемонстрировать ваши позитивные черты. Если бы вода была бесплатной или приносила очевидную пользу здоровью, она не могла бы играть роль такого сигнала, и в этом случае ее пило бы меньше людей.

Теория дорогостоящих сигналов имеет широкое применение. С ее помощью часто объясняют покупку произведений современного искусства. Красивую картину может купить и оценить кто угодно, в то время как трата миллионов долларов на абстрактное искусство может свидетельствовать о сочетании богатства и утонченности. И как только ты начинаешь думать об этих сигналах, ты замечаешь их повсюду. Я как-то задумался, не может ли эта теория объяснить, почему в дорогих частных школах преподают латынь. Школы настаивают, что это достойное с интеллектуальной точки зрения занятие, но альтернативное объяснение вот какое: преподавание латыни популярно, потому что прекрасно сочетает в себе сложность, ассоциации с властью и... полнейшую бесполезность, что и делает его идеальным сигналом статуса. Если бы оказалось, что латынь помогает детям изучать иностранные языки и развивает мышление, ее стали бы преподавать в государственных школах и, как предсказал бы сторонник теории сигналов, частные школы отказались бы от нее, предписав ученикам тратить полчаса в день на санскрит или каллиграфию.

Обычно идет речь о подаче сигналов другим людям. Для этого и нужна подобная стратегия поведения. Однако, возможно, мы подаем сигналы и самим себе. Возмож-

но, я хочу убедить себя, что могу себе немало позволить и что мне есть дело до чего-то особенного, и поэтому я покупаю минеральную воду “Перье”. Как говорят в рекламе: потому что я этого достоин.

Но если сигналы и играют некоторую роль, то все-таки без эссенциализма не объяснить страх перед генетически модифицированной пищей, представления о каннибализме и использование еды как афродизиака. Эссенциализм объясняет наши интуитивные представления о том, будто невидимые качества того, что мы употребляем — храбрость воина или чистота бутилированной воды, — должны проникнуть в нас самих. Сигналы не объясняют всего. Научные данные указывают и на важную роль эссенциалистских установок.

Вкусно

Брюсу Невинсу, основателю и гендиректору “Перье Норт Америка”, было важно донести до людей, насколько хорош его товар. И в один ужасный день Невинса во время радиопередачи попросили выбрать “Перье” среди семи чашек воды. Он угадал с пятой попытки.

Нет, с его вкусовыми рецепторами все в порядке. Слепую и при одинаковой температуре воды практически невозможно отличить дорогую бутилированную воду от воды из-под крана.

Однако я готов поручиться, что как только Невинс покинул студию и вернулся к обычной жизни, он вновь поверил в то, что “Перье” имеет отменный вкус — тест не убедил его в обратном. И если так, он прав. То есть того, кто предпочитает “Перье” другой воде, но не проходит слепой тест, нельзя считать нечестным или запутавшимся

человеком. У “Перье” действительно отличный вкус. Просто чтобы оценить его, надо знать, что перед вами “Перье”.

Исследования показывают: то, что вы думаете о пище или напитке, влияет на то, как вы этот продукт оцениваете. Эти исследования обычно устроены довольно просто. У вас есть две группы людей, вы даете им съесть или выпить одно и то же, но представляете этот продукт по-разному. Затем вы спрашиваете, понравилось ли им. Исследования показывают, например, что:

- протеиновые батончики становятся менее вкусными, если их охарактеризуют как “содержащие соевый протеин”;
- апельсиновый сок кажется вкуснее, если он ярко-оранжевый;
- йогурт и мороженое на вкус приятнее, если указать, что это продукт не обезжиренный или “с высоким содержанием жира”;
- детям кажется, что молоко и яблоки вкуснее, если их достать из пакета “Макдоналдс”;
- “Кока-кола” кажется вкуснее, когда ее пьют из чашки с логотипом “Кока-колы”.

Последнее исследование повторили, причем остроумным образом: подопытных поместили в томограф. Когда проводили слепое сравнение “Кока-колы” и “Пепси” (жидкость подавалась в рот через трубочку), система мозга, отвечающая за вознаграждение, включалась, и группа испытуемых поделилась примерно поровну. Но когда людям стали говорить, что именно они пьют, на первый план выдвигалась другая модель: их предпочтения менялись в зависимости от того, какой бренд они предпочитали.

Самые провокационные выводы касаются вина. Можно взять один сорт вина и наклеить на бутылки с ним этикет-

ки от разных марок, и это повлияет на то, как люди, в том числе эксперты, его оценят. В ходе одного исследования бордо подавали как “гран крю классэ” или как “столовое вино”. Вино с шикарной этикеткой признали достойным сорок экспертов, а “дешевое” вино — всего двенадцать. “Гран крю классэ” эксперты посчитали “соответствующим, деревянистым, сложным, устойчивым и насыщенным”, тогда как “столовое вино” — “слабым, скудным, легким, худым и испорченным”.

Дальше — хуже. Вы можете подумать, что разница между белым и красным вином очевидна. Или нет? Откройте на вечеринке белое вино, налейте его в черный бокал и попросите друзей высказать мнение о *красном* вине, которое вы им предлагаете. Когда Фредерик Броше проделал такой эксперимент, многие профессиональные дегустаторы сочли это вино красным и употребляли термины “терпкость” и “выжатый красный плод”.

Мое любимое исследование — это доклад под названием “Могут ли люди отличить паштет от собачьей еды?” Как выяснилось, не могут. Если измельчить в кухонном комбайне продукт “Консервированная индейка и цыплята. Формула для щенят/активных собак” и приправить его петрушкой, то люди не смогут с уверенностью отличить его от мусса из гусиной печени, паштета из свиной печени, ливерной колбасы или колбасного фарша “Спам”.

Осмыслить все это можно двояко. Во-первых, представить формирование вкуса как двухэтапный процесс. Стадия первая: вкус чего-либо основан на физических свойствах продукта — его влиянии на рецепторы в носу или во рту. Стадия вторая: ваше представление о том, что это такое, меняет и уточняет воспоминание об этом вкусе.

Однажды я стал свидетелем разговора взрослого человека и четырехлетнего мальчика по имени Джона, в котором последний четко обозначил эти два этапа.

ВЗРОСЛЫЙ. Что тебе больше нравится, замороженный йогурт или мороженое?

ДЖОНА. У них вкус совсем одинаковый. Но вообще-то замороженный йогурт мне больше нравится.

ВЗРОСЛЫЙ. А почему он нравится тебе больше, если у них одинаковый вкус?

ДЖОНА. Когда я его попробовал, это был самый счастливый момент моей жизни. Я обычно очень-очень счастлив. Когда я попробовал замороженный йогурт дома у бабушки и дедушки, я был очень-очень-очень счастлив.

Джона проводит различие между тем, какова на вкус пища, и тем, насколько она ему нравится. Может быть, именно так знание может влиять на наши предпочтения? Оно не меняет опыт, однако изменяет ценность, которую мы придаем этому опыту, и, следовательно, то, что мы говорим и думаем о нем.

Вторая возможность серьезнее: убеждения влияют на сам опыт. То есть люди не говорят: “На вкус вино так себе, но я знаю, что ‘это гран кру’, так что в нем что-то есть”. Нет, люди говорят: “Ух ты!”

Психолог Леонард Ли и его коллеги провели остроумный эксперимент. Они отправились по пабам в Кембридже, штат Массачусетс, и просили людей попробовать “коктейль ‘Эм-ай-ти’”*: пиво “Будвайзер” или “Сэм Адамс” с парой капель бальзамического уксуса. При дегустации

* Массачусетский технологический институт (MIT).

вслепую люди предпочитали “коктейль” пиву без уксуса, но когда им задавали прямой вопрос об уксусе, то они отвечали, что, по их мнению, он ухудшает вкус пива.

Главный же эксперимент провели с другой группой. Половине подопытных сказали, что в напиток добавлен уксус, и затем выдали им пиво. Остальные сначала выпили пиво, а потом им сказали об уксусе. Затем у обеих групп выяснили, насколько им понравился “Эм-ай-ти”.

Логика такова. Допустим, что верна мягкая теория: вы пробуете что-либо на язык, и то, что вы знаете, влияет на ваше мнение об этом вкусе. Если так, то неважно, когда вы узнали о добавленном уксусе. Если вам кажется, что он ухудшает вкус пива, то он должен повлиять на ваше представление об этом вкусе. Но если верна жесткая теория, то время сообщения важно. Если людям говорят, что уксус добавлен в пиво, до того, как они его выпьют, вкус должен показаться им хуже, потому что знание окрашивает опыт. Но если им говорят об этом потом, то уже поздно, они уже попробовали, и это знание не может повлиять на опыт.

Жесткая теория побеждает. Если вы ожидаете неприятных вкусовых ощущений и затем пробуете напиток, вкус действительно оказывается неприятным. Но если вы его пробовали, то знание об ингредиентах ничего не меняет. По крайней мере в том, что касается пива, ожидания влияют на наш опыт, а не на нашу реконструкцию этого опыта постфактум.

Этот вывод подтверждается и интересным исследованием, в ходе которого сканировали мозг людей, дегустирующих вино. Во всех случаях вино было одно и то же, но его цена обозначалась либо в десять долларов, либо в девяносто. Как и можно ожидать, люди чаще отмечали, что вино им нравится, если оно преподносилось как дорогое. Еще интереснее то, что хотя некоторые участки мозга

были не чувствительны к ценовым манипуляциям (то есть на грубом сенсорном уровне мозг реагировал только на вкус и запах), в целом имело место наложение (*fusion effect*), когда ожидания от вкуса накладываются на сенсорные ощущения. Предполагается, что это происходит в средней орбитофронтальной части коры — в том же участке мозга, который активировался в ходе описанного выше эксперимента с “Кока-колой” и “Пепси”.

В рамках подобного исследования ученые демонстрировали подопытным запах, характеризующийся либо как “сыр чеддер”, либо как “телесный запах” (это была изовалериановая кислота с ароматом чеддера). Такие характеристики производили ожидаемый эффект на восприятие и стимулировали активацию того же участка мозга. Это напоминает виденную мной однажды серию “Гриффинов”. Там персонаж нюхает воздух и произносит: “Это или испортившееся мясо, или хороший сыр”. Исследования подсказывают, что если вы знаете ответ, то будете воспринимать запах иначе.

Я не хочу переоценивать силу ожиданий. Если бы вкус был исключительно производным от того, во что люди верят, нам бы не понадобились вкусовые почки и обонятельные луковицы. В конце концов, они эволюционировали, чтобы обеспечить нас информацией о мире. Мы можем, ничего не зная о той или иной еде, откусить кусочек, чтобы понять, нравится ли нам. Иногда это физическое ощущение может возобладать над представлениями: “Я знаю, что это столовое вино и ничего в нем не должно быть особенного, но это лучшее вино, какое я пробовал”. Или: “Я знаю, что это мясо содержит дух великого воина, но пахнет оно противно”.

Смысл, короче говоря, не в том, что ощущения не играют никакой роли в восприятии, а скорее в том, что ощущения всегда окрашены некими представлениями, в том числе о сущностях, и одно подкрепляет другое. Допу-

стим, вы считаете, что “Перье” чище воды из-под крана и в чем-то лучше. Это усиливает ваши впечатления от ее употребления: когда вы пьете “Перье”, она вам нравится еще сильнее. Это, в свою очередь, укрепляет вашу уверенность, которая делает воду еще вкуснее, и так далее. Если вы уверены, что генетически модифицированная пища имеет странный вкус, вы будете чувствовать этот странный вкус, который будет укреплять вас в уверенности, что с этой пищей что-то не так, и в будущем ее вкус для вас будет еще неприятнее, и так далее.

Такого рода “петли” характерны не только для пищи и напитков. Если вы аудиофил и уверены, что дорогие динамики заметно обогащают ваши впечатления от музыки, то вы будете склонны испытывать именно это чувство, что и укрепит ваше представление о ценности дорогих динамиков. И это характерно не только для удовольствий. Например, вы уверены, что геи женственны. Это повлияет на ваше восприятие, и вы будете склонны интерпретировать действия гея как более женственные, чем аналогичные действия гетеросексуального мужчины. Ваши впечатления — эй, а тот гей прямо как женщина! — будут, следовательно, укреплять ваше стереотипное представление. Убеждения, в том числе эссенциалистские, искажают впечатления и поддерживают сами себя. В том числе поэтому нам сложно переменить мнение о чем-либо.

Удовольствие, боль и чистота

Мы можем никогда не узнать, что значит быть собакой или кошкой, но их поведение, физиология, адаптационная ниша, структура мозга и нейрохимическое устройство дают все основания полагать, что они получают удоволь-

ствие от еды. Однако у людей есть кое-что уникальное — наша богатая система представлений о том, что мы едим и почему мы это едим. Для собаки не имеет значения, скажем, является ли ее пища натуральной или искусственной, приготовлена ли она любимым человеком или презираемым ею врагом. Если наклеить на миску с водой этикетку “Перье”, собака не станет лакать быстрее.

Есть также разница между тем, что люди любят и что люди выбирают. Для меня вкус обычной “Кока-колы” лучше, чем диетической, но я пью диетическую, потому что в ней меньше калорий. Человек может отделить свой выбор от удовольствия. С другими существами дело обстоит иначе. Если моя собака сядет на диету, то это будет мой выбор, а не ее.

Наконец, в наших удовольствиях есть элемент сознательности. Люди могут наблюдать удовольствие или боль, которые мы испытываем, и могут получать дополнительное удовольствие или боль от наблюдения. Эмоции могут подпитывать сами себя. Вы можете наслаждаться общением с друзьями, и мысли о вашем счастье могут доставлять вам удовольствие: вы — бонвиван, вы получаете от жизни все, и это приятная мысль. Обратная сторона, лучше знакомая некоторым из нас, состоит в том, что человек может чувствовать себя жалким от того, что чувствует себя жалким.

Что еще интереснее — мы можем испытывать боль от удовольствия и удовольствие от боли. Лишь людям может понравиться следующий рецепт из “Поваренной книги мазохиста” (к счастью, вымышленной):

*Орехи пекан с корицей и апельсиновой ромовой глазурью
(4 порции)*

2 ½ стакана сырых орехов пекан

1 стакан рома

2 чайн. ложки светло-коричневого сахара

¼ ст. ложки соли

½ ст. ложки молотой корицы

Цедра 1 апельсина

Поджаривать орехи при температуре 350° в течение 5 минут в большой кастрюле, затем влить ром, добавить сахар, соль, корицу и цедру. Довести до кипения. В этот момент, возможно, стоит позвонить в службу спасения. Снять брюки. Закусить прихватку и вылить глазурь на гениталии.

Это, конечно, крайняя форма мазохизма, предполагающая нанесение себе серьезного вреда. Мягкую форму Пол Розин и его коллеги описывают термином “безобидный мазохизм”. Похоже, нам нравятся слегка опасные впечатления. Горячие ванны. Катание на американских горках. Доведение себя до изнеможения во время бега или подъема тяжестей. Фильмы ужасов. Не то чтобы мы любили это вопреки болезненным ощущениям. Нет, нам это нравится, хотя бы отчасти, *именно* из-за них.

Тому есть несколько объяснений. Может быть, это удовольствие, которое приносит выброс адреналина. Или “мачистская” демонстрация того, насколько мы круты — то есть это сигналы. Может быть, вместе с болью активируются опиаты и кайф от них превосходит боль. У меня есть еще догадки на этот счет, и я поговорю об этом в одной из следующих глав, а сейчас отмечу лишь (это замечает и Розин), что с едой так обстоит всегда. Некоторые очень распространенные блюда и напитки сначала отталкивают. Не многим сразу начинают нравиться кофе, пиво, табак или острый перец.

Удовольствие от боли получают только люди. Ни одно животное не станет есть приносящую болезненные ощу-

щения пищу, если есть альтернативы. Философы часто пытались найти черту, определяющую человека — язык, рациональность, культура и так далее. Я буду придерживаться следующего: человек — единственное животное, которому нравится соус “Табаско”.

Теперь перейдем к боли, вызванной удовольствиями. Умеренный вариант — это нарушения этикета. Еда для человека — это не просто чувственное удовольствие и биологическая необходимость. Это еще и социальный акт, исполненный смысла. Правила принятия пищи в разных культурах различны, однако какие-либо правила присутствуют всегда: здесь можно рыгнуть, а здесь — пользоваться ложкой, а здесь есть правой рукой, а не левой. Нарушение этих правил может вызвать стыд и чувство вины. Леон Касс в своей увлекательной книге “Голодная душа” идет еще дальше: он предполагает, что правила приема пищи отражают наше понимание того, что мы отличаемся от других животных. Для Касса наша реакция на нарушения — собственные и чужие — отражает беспокойство относительно нашей природы.

Касса тревожит то, что эти ритуалы размываются, и в определенном смысле он прав. Запреты относительно приема пищи в публичных местах практически стерлись, и теперь прием пищи нередко лишен социального содержания. По некоторым оценкам, один раз из пяти американцы едят в машине. В связи с этим одним из важнейших изобретений прошлого века в сфере питания оказались наггетсы: они дают возможность есть курицу одной рукой, а не двумя, как прежде.

Хотя правила этикета забываются, расширяется сфера морали, которая занимает их место. Еда — чрезвычайно нравственная область. Есть вещи, которые есть нельзя. Многие приводят в ужас страдания животных, предназначенных

на убой. И вспомните, что одно из возражений против каннибализма, даже если он имеет место по согласию, именно из сферы морали. Можно усомниться, что Брандес, жертва Майвеса, был в состоянии осознанно сделать выбор, и даже если вы едите кого-нибудь, кто умер своей смертью, это предстает как неуважение и пренебрежение человеческим достоинством.

Философ Кваме Энтони Аппиа провел откровенную дискуссию о чистоте и политике, в которой он поделился наблюдением: консерваторы могут быть одержимы половой моралью, а у либералов отмечена аналогичная одержимость сферой еды. Либерал, по Аппиа (конечно, это отчасти карикатура),

превозносит органическую пищу, не зараженную пестицидами и добавками, и содрогается при мысли, как агропром опустошил окружающую среду. Его приверженность органической, произведенной по соседству пище — не просто часть потребительских предпочтений. Это также политика и этика.

Иногда мы испытываем искушение разделить свои желания на очень простые, животные устремления и более цивилизованные человеческие вкусы. Но, вероятно, такая дихотомия неуместна. Даже удовольствия вроде утоления голода подпадают под влияние наших соображений о сути пищи и истории, о моральной чистоте и разложении. Так что в удовольствии всегда есть глубина.

Глава 3

Постельная подмена

Представьте себе, что вы ошиблись относительно человека, с которым у вас только что был секс. Допустим, это оказался не муж, а его брат-близнец. Или вы думали, что это проститутка, а оказалось, что это ваша жена, притворившаяся ею, чтобы испытать вашу верность. А может быть, замешательство или обман связаны не с личностью человека, с которым вы переспали, а с тем, кто, по-вашему, это был: вы думали, что это мужчина, а это была женщина (или наоборот), или это был не взрослый человек, а ребенок, или незнакомец оказался вашим родственником — как в случае с Эдипом, обреченным жениться на матери и убить отца. Персонаж художественной книги может обнаружить, что его сексуальный партнер — робот, чудовище, пришелец, ангел или бог.

Термин “постельная подмена” (*bedtrick*) придумали исследователи Шекспира, пораженные частым повторением этого приема в пьесах великого драматурга. Религиовед Венди Донигер в своей удивительной книге на эту тему пишет, что невозможно найти жанр, время или место, когда бы эта схема — подмена в постели — не применялась. Мы одержимы постельными подменами — и всегда были одержимы.

В “Одиссее”, написанной около двух с половиной тысяч лет назад, есть чудесный фрагмент: Одиссей возвращается из странствий, и его жена с возмущением отвергает его приставания, сомневаясь, что перед ней действительно ее муж. Одиссей злится, но Пенелопа настаивает на своем и говорит, что им следует спать в разных комнатах. Она просит вынести их брачное ложе из спальни, но он говорит, что кровать нельзя передвинуть, и напоминает, как сам смастерил ее. Теперь она уверена, что это ее муж, но он уже в гнев от того, что она усомнилась в нем. Пенелопа просит прощения:

Не негодуй, не сердись на меня, что не сразу
 Я приласкалась к тебе, как только тебя увидала.
 Дух в груди у меня постоянным охвачен был страхом,
 Как бы не ввел в заблужденье меня
 кто-нибудь из пришельцев.
 Есть ведь немало людей, подающих дурные советы*.

Подмена в постели может быть фантазией, безвинной неверностью: вы можете переспать с кем-то другим, сохраняя при этом верность супругу или супруге. Но чаще это кошмар. Постельная подмена может оказаться с юридической и с моральной точки зрения изнасилованием, особенно унизительным потому, что жертву склоняют к сексу обманом. Обычно жертва — женщина, хотя еще один популярный вариант — когда гетеросексуального мужчину обманом вовлекают в секс с другим мужчиной. Открытие правды может вызвать омерзение. В фильме “Жестокая игра” (*The Crying Game*), когда Фергус узнает, что у Дил penis, ему становится плохо, его тошнит.

* Пер. В. Вересаева.

Ветхий Завет полон подмен. Одна из самых известных историй — о том, как Иаков обманул отца, прикинувшись своим братом Исавом и получив вместо него благословение (правда, здесь нет секса: дело происходит у постели). Когда дочери Лота опаивают его и имеют с ним сношение, это тоже своего рода постельная подмена. Более очевидный пример — когда Фамарь переодевается блудницей, чтобы заняться сексом со своим отчимом. И, наконец, самая известная история: Иаков работает несколько лет на Лавана, чтобы заполучить Рахиль в жены, но в брачную ночь Лаван обманывает Иакова и подменяет одну свою дочь другой: “Утром же оказалось, что это Лия. И [Иаков] сказал Лавану: что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня?” (Эта история находит символическое отражение в современной церемонии еврейской свадьбы, когда жених поднимает покрывало с лица невесты, чтобы убедиться, что женится на той женщине, что нужно.)

Постельная подмена отлично иллюстрирует тот факт, что сексуальное удовольствие — это не только физические ощущения. Оно укоренено и в представлениях о том, кто есть кто и что есть что. В этой главе я намерен обосновать, что наш эссенциализм открывает новые значения секса и любви.

Но тут я должен начать с самого начала.

Просто секс

Простая история удовольствия состоит в том, что животные эволюционируют, научаясь наслаждаться тем, что им полезно. Удовольствие — пряник, который направляет их к деятельности, необходимой для воспроизводства.

(А боль — это кнут.) Приятно пить, когда испытываешь жажду, и есть, когда голоден, потому что животные, испытывавшие от этого удовольствие, оставили больше потомства, чем те, кто удовольствия не испытывал.

Эта логика легко применима к сексу. Если одно животное ищет возможность спариться, а второе относится к размножению индифферентно, то при прочих равных условиях у первого будет больше потомков. С эволюционной точки зрения целомудрие сродни генетическому самоубийству: нельзя получить потомство без секса, а секс, как и еда — это такая вещь, над которой надо потрудиться. Он не происходит сам по себе. Таким образом, у нас развилась мотивация, побуждающая искать эту возможность — как и у собак, шимпанзе, змей и многих других созданий.

Концепция естественного отбора здесь не вызывает споров. Есть множество разновидностей человеческой деятельности, адаптационная ценность которых неясна и которые, судя по всему, нельзя прямо сопоставить с поведением особей других видов. Мы вправе усомниться в эволюционных истоках удовольствия, которое доставляют, скажем, музыка, изобразительное искусство или научные открытия (и посвятим этому остаток книги). Многие аспекты секса загадочны. (Женский оргазм — это продукт биологической адаптации или анатомическая случайность? Почему некоторые люди гомосексуальны? Где искать истоки сексуального фетишизма?) Впрочем, удовольствие от сексуальной близости не представляет собой загадки. Наслаждение от секса во многом объясняется собственно сексом, а секс во многом связан с обзаведением потомством. Трудно придумать лучший пример того, как естественный отбор формирует сексуальное желание.

Но этот простой эволюционный анализ дает нам немного. Он мало что говорит о сути этого эволюциони-

ровавшего желания. Может быть, сказать просто нечего. Вполне возможно, что у нас развилось половое влечение — некий темный, неясный импульс к поиску полового партнера, вот и все. Один наблюдатель так описал поведение самца жабы.

Если самец видит нечто движущееся, возможны три варианта: “Если это больше меня, я убегаю. Если меньше меня, съедаю. Если того же размера, я с ним спариваюсь”. Если существо, с которым самец совокупляется, не протестует, то, вероятно, оно подходящего вида и подходящего пола.

Обсуждая этот пример, Венди Донигер замечает: “Всем нам знакомы мужчины вроде этой жабы”. Конечно, многие согласятся, что человеческая сексуальность сложнее, даже мужская, но, может быть, эта сложность не имеет отношения к эволюции. В конце концов, мы знаем, что многие проявления сексуальной активности — мастурбация, гомосексуализм, секс с контрацепцией — бесполезны для воспроизводства, так что они не могли возникнуть под влиянием естественного отбора. Возможно, историю человеческого секса лучше объясняют личная история, погружение в культурную среду, свобода выбора.

Я отчасти разделяю этот взгляд. Например, чувства, связанные с сексом и любовью, развились, чтобы дать нам мотив для действий в отношении людей, но (я расскажу об этом ниже) объектами наших сексуальных и романтических чувств могут стать и ненастоящие люди. У людей — и только у людей — секс и любовь перемещаются из реального мира в воображаемый. Это не процесс адаптации. Это случайность, но имеющая глубокое значение.

В то же время простая теория полового влечения слишком уж незатейлива. Наши склонности оказываются

сложно структурированными. Это становится ясно, если обратиться к различиям между полами. У некоторых крошечных созданий есть всего один пол, и они размножаются путем клонирования. Однако у большинства видов есть два пола: женский и мужской. Соответственно, для воспроизводства половое влечение должно быть сопряжено со способностью к различению: даже самец жабы достаточно умен, чтобы искать себе самку.

Дальше — больше. Одно из достижений эволюционной биологии заключается в том, что она отвечает на некоторые сложные вопросы о половых различиях. Почему особи с пенисами в среднем крупнее и агрессивнее, чем особи с вагинами? Почему особи с вагинами обычно разборчивее особей с пенисами, или почему особи с пенисами часто имеют привлекательную внешность (вспомните богатое оперение павлинов) или специализированное оружие (огромные бивни самцов морских слонов)?

Такого рода загадки приводили в замешательство Дарвина, но их довольно изящно объясняет теория родительского вклада, разработанная эволюционным биологом Робертом Триверсом в 70-х годах XX века и впоследствии дополненная. Исходное положение: наши тела и сознание настраиваются естественным отбором на достижение репродуктивного успеха, однако идеальные стратегии мужчин и женщин различаются, и эти различия отражают асимметрию между сперматозоидом и яйцеклеткой. Сперматозоиды — крошечные частички, имеющиеся в огромном количестве, — это просто гены и двигатель, доставляющий их к яйцеклетке. Яйцеклетки в сравнении с ними огромны и содержат все необходимые механизмы создания человека. Далее, по стандартной для млекопитающих программе, зачатие происходит внутри тела самки, а родившийся детеныш оттуда же получает пищу. Таким образом,

от млекопитающего мужского пола для создания ребенка и передачи генов требуется минимальный вклад — это короткие моменты введения пениса и эякуляции. Для самки же это месяцы и годы. Это огромная разница, потому что пока она выкармливает детеныша, она не может завести другого. В результате один самец может одновременно иметь потомство от множества самок, но не наоборот.

Открытие Триверса состояло в том, что это расхождение определяет разницу между оптимальными репродуктивными стратегиями особей мужского и женского пола. Самки должны быть склонны вкладывать в потомство больше, чем самцы, потому что у них может быть меньше детей и каждый из них значит больше. Следовательно, самки должны быть требовательнее к самцам и выбирать себе партнеров с подходящими генами и — если это возможно у данного вида — готовностью оставаться рядом и защищать их самих и потомство. Самцам выгодно, когда их выбирают самки, и, значит, им приходится соперничать. Они становятся крупнее, сильнее и нередко приобретают новое оружие. Кроме того, они рекламируют себя, отсюда черты вроде хвоста замысловатой формы или особой окраски. Вот почему хвостом может похвастаться самец, но не самка павлина.

Эта теория учитывает и обычные отличия между самцами и самками, но столь убедительной ее делает способность прогнозировать, где должны возникать половые различия, а где — нет. В свете этой теории важны не гениталии сами по себе (нет ничего волшебного в обладании пенисом или вагиной) — просто особи с пенисами вкладывают в потомство меньше, чем особи с вагинами. Отсюда — четкий прогноз: в тех редких случаях, когда вклады самцов и самок равны или вклад самца перевешивает, половые различия должны меняться. Так и происхо-

дит. Если у какого-то вида родители вносят одинаковый вклад — потому ли, что они действуют совместно, чтобы защитить чрезвычайно уязвимое потомство (пингвины), или потому, что они лишь извергают сперму и яйцеклетки в воду и потомству после этого забота уже не нужна (разные виды рыб), — возникает равенство полов в физическом смысле и в плане оболыщения. Если у какого-то вида самцы заботятся о детях, а самки — лишь анонимные доноры яйцеклеток, то самцы станут вести себя избирательно, а самки будут крупными и агрессивными и приобретут яркое оперение.

Все сложно

А как насчет людей? Джаред Даймонд в своей книге “Почему нам так нравится секс?” приходит к выводу, что человеческая сексуальность в большинстве своих проявлений типична для видов, у которых детеныши формируются в организме матери и о которых заботятся оба родителя. Мы не пингвины, которые ходят парами, однако и не львы, волки или шимпанзе, то есть мы не те животные, самцы которых не знают, кто их дети. (Если ученые интересуются этим, им приходится проводить анализ ДНК, чтобы понять, кто чей ребенок.) Мы где-то посередине.

Наша эволюционная история отражена в наших телах. Внутривидовые различия между мужчинами и женщинами отражают уровень конкуренции между мужчинами за партнерш, что, в свою очередь, дает разную степень родительского вклада. Вот почему так сложно отличить самца пингвина от самки пингвина: они — эгалитарные родители. У людей самцы в среднем значительно крупнее самок — мы не пингвины, — но различия между мужчинами и жен-

щинами не столь велики, как у видов, где самцы не имеют никакого отношения к воспитанию детей.

Наша эволюционная история проявляется и в нашей психике. Мужчины испытывают больше интереса к сексу с многими партнерами, они быстрее возбуждаются при мысли об анонимном сексе и сильнее им интересуются. Насколько нам известно, это характерно для всех людей на Земле. Исследование половых различий — одна из немногих областей психологии, где ученые провели адекватные кросс-культурные исследования. Проституция, как и порнография, существует главным образом для удовлетворения мужского стремления к разнообразию. Существуют и мужчины-проститутки, и изображения обнаженных мужчин, и мужская сексуальность в порнографии, но это по большей части предназначается для геев.

Это напоминает историю (приписываемую, кроме прочих, Дороти Паркер и Уильяму Джемсу) о писателе, который просыпается среди ночи с мыслью, что совершил великое открытие, записывает его и снова засыпает, а утром читает:

Хогамус, хигамус.

Мужчина полигамен.

Хогамус, хигамус.

Женщина моногамна.

Со статистической точки зрения догадка эта верна, но не полна. Нам нужно объяснить тот факт, что мужчины нередко бывают моногамны, а женщины — полигамны.

Одно из соображений состоит в том, что человеческие дети очень уязвимые создания, которые долго зависят от взрослых по части питания, жилья и защиты от хищников (животных и людей). Отцы нужны, чтобы помогать в защите и воспитании детей, а также потому, что они за-

щищают матерей (если она умрет, пока младенец нуждается во вскармливании, он тоже, скорее всего, погибнет).

Это не значит, что матери и отцы взаимозаменяемы. Эволюционная битва полов продолжается, потому что забота о генах побуждает мужчин искать развлечений на стороне. Это плохие новости для женщин: для них лучше, если партнер верен им и их ребенку, а не тратит время и ресурсы на других женщин и детей. Этот конфликт определяет предпочтения женщин касательно того, с кем стоит иметь дело: они ищут мужчин, демонстрирующих признаки будущей верности. Мужчины могут научиться подделывать эти признаки, но если женщины научатся распознавать обман, то мужчины, верные им в сексуальном и романтическом отношении, станут воспроизводиться успешнее, чем подлецы и скоты. Верность будет означать привлекательность. В таком случае половой отбор сократит разрыв между предпочтениями мужчин и женщин.

Тут есть еще один момент. Самки человека обладают поразительной способностью к скрытой овуляции. Они могут заниматься сексом и получать от него удовольствие в любой момент менструального цикла. Этому есть объяснение: при наличии внешне заметной овуляции — что характерно для млекопитающих — самцам проще искать развлечений на стороне, при этом будучи уверенными в своем отцовстве. Им просто нужно следить за партнершей в определенные периоды, чтобы она не увлеклась другим самцом, а в остальное время они могут спокойно искать самок, не имеющих партнера или чей партнер невнимателен к ним. Но человеческие самки могут спариваться в любое время, и невозможно предсказать, когда именно спаривание приведет к зачатию. Поэтому мужчина вынужден оставаться рядом. В противном случае он рискует потратить свои силы на ребенка, генетически с ним не связанного.

(Эти рассуждения предполагают, что женская неверность — факт нашей эволюционной истории. “Овуляционный шантаж” работает лишь в том случае, если и женщины иногда ищут развлечений на стороне. Женская неверность существует, в том числе в генетическом смысле — некоторые мужчины воспитывают детей, с которыми не состоят в биологическом родстве. И есть физические свидетельства женской неверности на протяжении эволюции человека: большие — в сравнении с другими приматами — яички мужчин. Согласно теории “войны сперм”, женщины спариваются с разными мужчинами, что побуждает мужчин увеличивать производство спермы — это выгодно с адапционной точки зрения. Так что приведенный выше стишок о моногамности женщин не совсем верен.)

Мы обсудили, как беззащитность детей обеспечивает эволюционный базис для моногамии, но есть еще один довод, касающийся человеческих взаимоотношений. Мы можем быть умными и можем быть добрыми. Достаточно умными и достаточно добрыми, чтобы отвлекать себя фантазиями, чтобы отказывать себе в наслаждениях, которые считаем неправильными, чтобы уметь встать на сторону другого, чтобы рационально вычислять издержки и выгоды, и так далее. Мы можем по собственной воле стать такими же, как те прелестные пингвины.

Подмена в голове

Вот что у мужчин и женщин общего: нам нравится смотреть на красивые лица.

Это не только вопрос сексуальности. Гетеросексуальным мужчинам и женщинам нравится смотреть на привлекательные лица людей того же пола. Вне зависимости

от пола приятные лица активируют мозг, включая нейронные цепи, отвечающие за удовольствие. Даже младенцы, у которых (забудем о Фрейде) нет сексуальных желаний, ужасно любят красивые лица и с самого рождения предпочитают видеть именно их.

Младенческие предпочтения удивили бы Дарвина, который был уверен, что стандарты красоты произвольны, зависят от культуры и усваиваются по мере взросления. Но есть черты, которые находят привлекательными все и повсюду. Чистая кожа. Симметрия. Ясные глаза. Здоровые зубы. Пышные волосы. Близость к среднему в популяции фенотипу (койнофилия). Последнее может показаться странным, но если человек выберет десять случайных лиц, мужских или женских, и наложит их друг на друга, получится симпатичное лицо. И если показывать его младенцам, то они скорее будут разглядывать его, чем любое из составивших его лиц. Да и вы тоже.

Почему это важно? Факторы вроде крепкого телосложения, симметрии, ясных глаз, хороших зубов и волос — очевидные признаки здоровья и молодости, а на это смотрят все те, кто ищет партнера. Особенно это касается симметрии. Быть симметричным непросто, и разные неприятности вроде плохого питания, паразитов или просто течения времени нарушают гармонию. Симметрия — признак успеха.

Не совсем ясно, чем хороша усредненность. Может быть, она сигнализирует о здоровье, с той точки зрения, что большинство отклонений от нормы нехороши. Усредненность также соответствует гетерозиготности, или генетическому разнообразию, что тоже хорошо. А вот совсем другое объяснение: усредненные лица в буквальном смысле не напрягают глаз. Они требуют менее интенсивной обработки, чем нестандартные лица, а мы предпочитаем

образы, которые обработать проще. Но хитрость в том, что хотя средние лица выглядят хорошо, они не выглядят потрясающе: самые привлекательные лица — совсем не средние. (Если проводить все эти наложения, то вы получите симпатичное лицо, но не столь симпатичное, как у кинозвезды.) Может быть, дело не в том, что усредненные лица привлекательнее, а в том, что нестандартные лица чаще кажутся непривлекательными.

Я всегда находил странным, что мужские и женские суждения о привлекательности не так уж различаются. Для мужчин внешность важнее, чем для женщин — не только в Европе и Америке, но и повсюду в мире, где только людям задавали этот вопрос. Но — с одним исключением — нет разницы в том, что люди разного пола считают привлекательным. Гетеросексуальные мужчины в той же мере способны оценить красивое мужское лицо, как и гетеросексуальные женщины.

При этом предпочтения женщин меняются в зависимости от фазы менструального цикла. Большую часть времени их привлекают мужские лица, соответствующие описанным критериям, но во время овуляции их притягивают и весьма мужественные лица. Когда я впервые услышал об этом, мне показалось, что это слишком круто, чтобы быть правдой, но теперь этот результат повторен в нескольких исследованиях. Одно из объяснений состоит в том, что во время овуляции женщины ищут особенно хорошие гены и сверхмужчин.

В 50-х годах XX века ученые пытались выяснить, какие черты стимулируют сексуальное поведение у индюков. Сначала они обнаружили, что можно вызвать у самцов возбуждение, показав им точную модель самки: индюки

кулдыкали, раздувались и в конце концов залезали на модель. Чтобы выяснить, какие стимулы минимально необходимы для сексуальной реакции, ученые удаляли части модели (крылья, ноги, хвост), в итоге оставив лишь голову на палке. Даже эта голова возбуждала самцов, и они предпочитали ее безголовому телу.

Люди подобны индюкам. Мы запрограммированы реагировать на определенные признаки, и эта реакция может запускаться даже в отсутствие реального человека — например, нас возбуждают двухмерные комплексы пикселей на дисплее. И даже когда мы вступаем в контакт с реальными людьми, мы можем с замиранием сердца разглядывать какую-либо часть тела, будучи индифферентными к самому человеку, которому она принадлежит.

Пример этого — фетишизм, когда сексуальное возбуждение может быть связано с конкретной частью тела. Экстремальный случай продемонстрировал серийный убийца и помешанный на ступнях фетишист Джером Брудос, который начинал с того, что преследовал женщин, душил их, пока они не теряли сознание, и убегал с их туфлями. Затем он стал насиловать и убивать, а ступню одной женщины оставил как трофей. Другой пример — также помешанный на ступнях фетишист, описанный в книге Дэниела Бергнера, — добрый и романтический человек, которого мучила сильная произвольная похоть. Он возбуждался при случайном взгляде на голые женские ступни летом и старался не слушать прогнозы погоды зимой из-за болезненных эротических ассоциаций, связанных с фразами вроде “выпал фут снега”^{*}.

Таким образом, иногда сексуальное желание может возникать довольно простым образом. Мы умные суще-

* Слово *foot* значит и “фут”, и “ступня”.

ства и можем сознательно подавать сигналы другим людям на этом уровне восприятия. Не нужно писать диссертацию по когнитивной этологии, чтобы уразуметь значение прыща. Люди упорно трудятся над изменением своих лиц. Чаще всего они стремятся выглядеть моложе с помощью губной помады, румян, они выщипывают брови, пользуются париками и накладками, прибегают к пересадке волос, и так далее. В ход идут пластическая хирургия и ботокс, а также более традиционные методы вроде пощипывания щек, чтобы они выглядели румянее (старый трюк). Не забыты и другие части тела — бюст, мускулы, пенис.

Люди могут сознательно подделывать признаки, пробуждающие у других сексуальный интерес — скажем, пользуясь косметикой, — но мы умеем и распознать обман. Ведь мы эссенциалисты и стремимся к чему-то настоящему. Большинство женщин, например, предпочитают мужчин, которые, по их мнению, изначально имели крепкую мускулатуру, выглядели молодо и симпатично, а не тех, кто добился этого с помощью ботокса, трансплантации волос и инъекций тестостерона.

Насколько важна внешность? Даже самый циничный эволюционный психолог скажет, что другие соображения могут преобладать над вниманием к этим врожденным признакам привлекательности. На выбор женщины заметно влияют такие факторы, как благосостояние и статус: она может предпочесть толстого старого миллионера молодому, отлично выглядящему бодибилдеру. Но все же, скажет циник, при столкновении с определенными внешними чертами запускаются определенные сексуальные и эстетические реакции. Чистая кожа лучше прыщей, симметрия

приятнее асимметрии, и так далее. Вы можете любить свою пожилую супругу больше, чем супермодель, но последняя все равно будет воплощать мечту.

Я не согласен. Желание определяется не только внешностью. Логика адаптации подсказывает, что нас привлекают те, кто обладает определенными признаками — и некоторые из них нельзя обнаружить на лице или теле. Здесь исследователи легко могут ошибиться, потому что большинство экспериментов ориентированы именно на внешность (скажем, эксперименты с фото девушек с разворотов “Плейбоя”, нацеленные на выявление общих признаков; исследования, в ходе которых студентам показывают фотографии и просят расставить их по привлекательности; когда младенцам показывают сгенерированные на компьютере лица и наблюдают за реакцией). Такие исследования могут рассказать нам много интересного о том, что мы находим внешне привлекательным — вроде симметрии или усредненности. Но они не способны рассказать нам что-либо о том, что не фиксируют изображения. То же касается более изощренных исследований, в которых людей просят понюхать пропитанные потом футболки незнакомцев. Они позволяют много узнать о том, как феромоны влияют на сексуальное влечение, но ничего не говорят о том, насколько запах важен по сравнению с другими качествами.

Что еще может иметь значение? Например, то, насколько человек нам знаком. В рамках одного исследования ученые направили группу женщин на разные курсы в Университете Питтсбурга. Эти женщины никогда не говорили во время лекций и не общались со студентами. Но число занятий, которые они посещали, варьировалось — пятнадцать, десять, пять или ни одного. В конце семестра студентам показали фотографии этих женщин

и спросили, что те думают о них. Самыми привлекательными были признаны те, кто посетил пятнадцать занятий, а наименее привлекательными — те, кого студенты ни разу не видели. Это лишь небольшое исследование, но оно соответствует многочисленным разработкам в области социальной психологии, касающимся эффекта “привязанности к знакомому”: людям нравится то, с чем они знакомы, и это рационально, учитывая, что при прочих равных условиях то, с чем мы знакомы, окажется скорее безопасным. Этот эффект распространяется и на сексуальную привлекательность — скажем, отчасти объясняет, почему нам могут нравиться девушки или парни, живущие по соседству.

В ходе другого исследования экспериментаторы попросили людей оценить фотографии одноклассников в их школьных альбомах с той точки зрения, насколько привлекательными они их находили. Посторонние люди того же возраста оценивали те же фотографии с точки зрения привлекательности. Если бы то, нравятся ли люди на фото испытуемым, не имело значения, оценки одноклассников и оценки посторонних должны были совпасть — но они не совпали. Оценки, данные одноклассниками, колебались в зависимости от того, насколько испытуемому нравился человек: еще один аргумент в пользу того, что привлекательность — это не только симпатичная внешность.

Но даже когда вы оцениваете лица незнакомцев, внешность — это еще не все. В ходе одного исследования выяснилось, что главный фактор привлекательности не имел ничего общего с усредненностью, симметрией, половым диморфизмом* и так далее: это была улыбка.

* Анатомические различия между полами (не считая половых органов).

Поиск партнера: три важных вопроса

Что еще определяет наше сексуальное и романтическое влечение к другому человеку? Есть три вопроса, на которые приходится отвечать каждому, кто ищет полового партнера. Я думаю, они интересны сами по себе, но еще они помогают оценить богатство и сложность темы привлекательности.

Мужчина или женщина? Фрейд утверждал: “Когда вы встречаете человеческое существо, первое различие, которое вы проводите — мужчина это или женщина; и вы привыкли к тому, что это различие можно провести безо всяких сомнений”. В моем случае это совершенно верно: я часто получаю письма от иностранцев с незнакомыми именами, и когда я не могу сказать наверняка, кто отправитель — мужчина или женщина, — то чувствую дискомфорт. Это не должно иметь значения — ведь я не собираюсь с ними спариваться, — однако же имеет. Когда мы видим ребенка в подгузнике, первый вопрос, который многие из нас задают: это мальчик или девочка?

Может быть, ребенок в колыбели задается тем же вопросом. В первый год жизни дети уже умеют отличать мужские лица от женских, и они знают, что мужскому лицу сопутствует мужской голос, а женскому — женский. Они больше смотрят на женщин, хотя неясно, связано ли это с врожденным ожиданием, что заботиться о них будет женщина, или с тем, что о большинстве детей заботятся именно женщины, и они, как и мы, предпочитают то, к чему привыкли.

Дети растут, и у них начинают формироваться взгляды касательно мужчин и женщин. Между мужчинами и женщинами, конечно, масса различий, в том числе пси-

холологических (особенно в том, с кем заниматься сексом) и социальных (кто станет скорее медсестрой, а кто — полицейским). Дети быстро это выясняют: и мальчики, и девочки знают, что девочки больше интересуются игрушками, олицетворяющими женственность, чем мальчики. Здесь нет ничего удивительного. Такие обобщения обычно верны в той среде, где растут дети, и они быстро подмечают, что верно.

Куда интереснее то, что у детей есть собственные соображения о причинах различий. Психолог Марджори Тейлор провела эксперимент: она рассказывала детям о мальчике, который рос на острове, населенном лишь женщинами, и о девочке, выросшей на острове, населенном только мужчинами. Как это повлияет на ребенка? Понравится ли, например, мальчику играть в куклы? Если вы уверены, что такое поведение — продукт культуры, то да; если же оно врожденное — то нет. Тейлор выяснила, что дети, с которыми она занималась, больше внимания уделяли внутреннему потенциалу: независимо от окружения, мальчики делали бы то, что обычно делают мальчики, а девочки — то, что делают девочки. Только взрослые высказывались в пользу аргумента о социализации. Это соответствует данным интервью, которые свидетельствуют о том, что дети вступают в жизнь, воспринимая различия между мужчинами и женщинами как биологические. Мы отметили во введении, что дети говорят нечто вроде: у мальчиков внутри не то, что у девочек. Со временем многие переходят к более социологической и психологической версии — “потому что нас так воспитали”, — и, вероятно, этому они учатся в нашей культуре. Общество подрывает наш эссенциализм.

Мы не только считаем, что мужчинам присущи одни качества, а женщинам — другие. Нередко люди уверены, что так и должно быть. Во Второзаконии женщина, наде-

вающая мужскую одежду (и наоборот), совершает серьезное нарушение. Во многих обществах женщинам закон запрещает заниматься традиционным мужскими делами вроде вождения автомобиля или службы в армии. Даже в либеральных обществах, где гомосексуализм и транссексуальность не считаются преступлениями, такое поведение многим кажется гадким и аморальным, а иногда провоцирует насильственную реакцию.

В США дети часто осуждают нарушение границ между полами, особенно со стороны мальчиков — например, если те надевают платья. Некоторые четырехлетние говорят, что с таким ребенком они бы не стали водиться, что это неправильно, что видеть такое им удивительно и отвратительно. Некоторые даже говорили, что ответили бы на нечто подобное насилием. То есть дети не просто чувствительны к границам этих категорий: они готовы их принудительно утверждать.

Родственник или не родственник? Психолог Джонатан Хейт описывает следующую моральную дилемму:

Джули и Марк — брат и сестра. Они вместе путешествуют по Франции во время летних каникул в колледже. Однажды они остаются переночевать в домике у моря. Они решают, что было бы интересно и весело заняться любовью. В конце концов, это был бы новый опыт для обоих. Джули уже принимает противозачаточные таблетки, а Марк для надежности использует презерватив. Им обоим нравится это занятие, но они решают больше никогда этого не делать. Эта ночь остается их личным секретом, который еще больше их сближает. Что вы думаете об этом? Допустим ли секс между ними?

Я рассказываю об этой дилемме всякий раз, начиная свой курс введения в психологию, и всякий раз слышу от студентов: “Какая гадость!” Многие считают такое поведение аморальным. А почему? Действительно, почему нас сексуально не привлекают наши братья или сестры? У многих есть братья и сестры, которых они считают весьма привлекательными, но очень редко им приходит в голову заняться с ними сексом. Не многим родителям приходится (если вообще приходится) беспокоиться, что их дети-подростки вдруг уединятся на заднем сиденье автомобиля или запланируют совместный романтический отпуск. Не сказать, чтобы предотвращение инцеста между братьями и сестрами было важной частью наших образовательных программ. Политики не высказывают своего недовольства по этому поводу. Психологи не получают государственных грантов на борьбу с этим явлением. Это как поглощать фекалии: проблемы нет, потому что никому не хочется это делать.

Некоторые запреты на инцест нарушаются часто, но они обычно касаются отношений между не столь близкими родственниками, и это нас не столь отталкивает. Такие менее очевидные запреты вводятся законами и священными книгами. Левит, например, резко высказывается о сексе между женщиной и дочерью его сына или дочери, формулируя это словами, которые являют собой поэтический вариант теории Ричарда Докинза об эгоистичном гене: “Не открывай наготы их, ибо они твоя нагота”.

Эволюционное обоснование запрета на инцест состоит в том, что иметь детей от своих родных — плохо, поскольку у них будет слишком много ваших генов. Это называется инбредной депрессией, и заключается она в том, что рецессивные гены переходят в гомозиготное состояние. Гораздо сложнее объяснить это на практике. Допустим, у нас в голове появилась книжица. В ней написано:

“Никакого секса с близкими родственниками!”, а также весьма эмоциональное “Фу, какая гадость!” и оценочное “Это неправильно с моральной точки зрения”. Допустим, каждый человек решает следовать этим инструкциям. Но все же остается вопрос: а как определить, кто твой близкий родственник?

Мы можем прояснить дело, рассмотрев истории с плохим концом. Иногда люди занимаются сексом с родственниками по ошибке, как мифический Эдип, персонажи фильма Джона Сейлза “Звезда шерифа” — или же, как в реальном случае в Англии в 2008 году, когда близнецы, разлученные при рождении, позднее встретились и поженились. Кроме того, бывает, что люди, генетически не будучи родственниками, все же считают себя таковыми. Самые известные примеры — израильтяне, выросшие в одном кибуце, или заранее запланированные браки в Китае и на Тайване, когда родители удочеряют девочку в младенческом возрасте, чтобы воспитывать ее в своей семье и потом выдать замуж за своего сына. В обоих случаях сексуальных и романтических взаимоотношений впоследствии обычно не возникает.

Эти примеры показывают, что в совместном воспитании есть нечто, заглушающее либидо. Статья Дебры Либерман, Джона Туби и Лиды Космидес, опубликованная в журнале “Нейчур” в 2007 году, посвящена двум объяснениям этого. Одну из версий выдвинул антрополог Эдвард А. Вестермарк еще в 1891 году. Важно то, сколько времени люди прожили рядом: у детей, долго воспитываемых вместе, впоследствии развивается сексуальное отторжение в отношении друг друга. Второй возможный фактор — наблюдаемая связь между матерью человека и другим младенцем. Если я вижу, как моя мать кормит грудью какого-то ребенка, весьма вероятно, что это мой родственник.

Как отмечают авторы статьи, второе объяснение применимо только к старшим братьям или сестрам: младшие не видят старших в младенческом возрасте.

Чтобы проверить эти теории, Либерман, Туби и Космидес задали взрослым ряд вопросов о детстве, проведенном вместе с братьями и сестрами, о привязанности к ним, а также о том, насколько им отвратительна (если отвратительна) мысль о сексе с ними.

Они выяснили, что если у человека не было возможности видеть сестру или брата в младенчестве, то продолжительность совместного проживания весьма важна: чем дольше ты живешь с братом или сестрой, тем сильнее сексуальное отторжение и сильнее привязанность. Но если люди видели сестру или брата в младенчестве, этот фактор оказывается сильнее совместного проживания. Он обеспечивает сильное сексуальное отторжение (и сильную привязанность), а длительность проживания уже не имеет значения. То есть если вы видели, как ваша мать кормит кого-то грудью, это впоследствии устраняет влечение, даже если вы жили с этим человеком не так уж долго.

Все это подсознательные факторы. Вы можете прекрасно знать, что у вас нет с кем-то биологического родства, как в случае с обитателями кибуца, но если вы проводите с ним или с ней все свое детство, то включается естественное противодействие инцесту. И наоборот, вы можете прекрасно знать, что кто-то — ваш генетический родственник, но вы никогда не жили с ним или с ней вместе, так что идея секса не внушает вам омерзения. Мне кажется, именно в этом была проблема у британских близнецов: когда они узнали, что они брат и сестра, они были поражены, шокированы и так далее (и развелись) — но от этого их сексуальное и романтическое влечение не испарилось.

Беспокоиться нужно не только насчет братьев и сестер. Чрезвычайно важно знать, кто ваши дети. Нельзя допускать, чтобы они стали вашими сексуальными партнерами, нужно любить их и заботиться о них.

Для женщин все просто: дети — плод их чрева. Беспокоиться нужно мужчинам. Они никогда не знают наверняка, какие дети несут в себе их гены, и, как известно из ДНК-тестов, они часто ошибаются в этом, даже будучи совершенно уверенными. Многие мужчины — рогоносцы, которые, сами того не зная, воспитывают чужих детей. Это как с кукушками, которые подбрасывают свои яйца в гнезда других птиц: подмена в гнезде.

Похоже, упомянутый выше фактор, который предотвращает инцест между братьями и сестрами — продолжительность совместного проживания, — касается и инцеста между родителями и их детьми. Если вы живете со своими детьми с их младенчества и до их взросления, вы вряд ли захотите секса с ними. Здесь становится ясна проблема с приемными отцами — они обычно появляются в семье позже. Если мужчина не жил с детьми, когда они были маленькими, то выше вероятность того, что они вызовут у него сексуальное влечение, а также что он может совершить насилие по отношению к ним (и даже убить).

Опять-таки, наши побуждения движимы инстинктами, а не знанием. Если вы усыновляете или удочеряете младенца, то ваша привязанность к нему будет столь же сильной, как и к родному ребенку. Вы думаете об этом младенце, как будто он плоть от вашей плоти. С другой стороны, мужчина, впервые встретивший свою дочь, когда она уже стала подростком, может почувствовать к ней влечение, даже если тест ДНК показывает, что они родственники.

Еще один возможный признак родства — то, как выглядит ребенок. Чем сильнее младенец похож на данного мужчину, тем выше шанс, что перед нами родственники. Поэтому отцы обращают внимание на внешность детей. Некоторые исследователи предполагают, что дети должны быть больше похожи на отцов, чем на матерей: им выгоднее подать взрослому мужчине сигнал, что они с ним генетически связаны.

Однако неясно, обоснован ли этот вывод. Если воспитание чужих детей — явление распространенное (а оно, если вас интересует, именно таково), это просто ужасная эволюционная стратегия. Тогда малыши, не являющиеся детьми мужчины, могут быть отвергнуты им или убиты — ведь они выглядели бы по-другому. И хотя одно исследование показало, что дети больше похожи на отца, в ходе других исследований повторить этот результат не удалось.

Каков сексуальный опыт этого человека? Девственность, насколько мы можем судить, была важна во все времена. Эта концепция появляется в Книге Бытия при описании Ревекки (“девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж”) и упоминается в Ветхом Завете постоянно (по некоторым подсчетам, это слово используется семьсот раз). В Новом Завете эта тема не столь популярна, но, конечно, девственность лежит в основании христианской веры — я говорю о непорочном зачатии Христа.

В таком контексте девственность означает отсутствие секса с вагинальным проникновением. Подобное внимание именно к этому аспекту многих удивляет. В сентябре 2007 года сетевой журнал “Слейт” спросил известных журналистов, пишущих о сексе, что их сильнее всего озадачи-

вает. Один ответ — его дали Эмма Тейлор и Лорелей Шарки (*Em & Lo*) — был посвящен как раз этой теме.

Мы никогда не могли понять, почему девственность все еще определяется с точки зрения проникновения пениса во влагалище... Как это возможно, что гетеросексуальная пара занимается оральным сексом, сексом с помощью рук, взаимной мастурбацией и, возможно, даже анальным сексом (если вы верите слухам об ученицах католических школ), и при этом обе партнерши заявляют, что “хранят себя для брака”? Конечно, обычное сношение в деторождении стоит несколько особняком в ряду сексуальных актов. Но в наши дни контроля над рождаемостью, планирования семьи и применения репродуктивных технологий половое сношение — не столько средство достижения цели, сколько сама цель, и весьма приятная. Вспомните также влияние феминизма и движения за права геев, и вы поймете, что за официальным секс-столом больше стульев, чем вы думали.

И действительно, общепринятые суждения выглядят произвольными. Приходят на ум бессмысленные дебаты конца 90-х годов по поводу заявления президента Клинтона, будто оральный секс — это не “сексуальные отношения”. Но неудивительно, что мы настроены именно так. Тейлор и Шарки отвечают на собственный вопрос следующим образом: в том, что касается деторождения, секс с вагинальным проникновением *стоит несколько особняком* в ряду сексуальных актов. Да уж!

Действительно, сейчас можно разграничить половое сношение и деторождение. Можно заниматься сексом, не желая иметь детей, и целенаправленно избегать беременности. Возможно — хотя и реже — деторождение

без полового акта. Но наше сознание и наша сексуальность не могут целенаправленно перестраиваться под эти нововведения. Мы не в полной мере живем настоящим. У наших желаний — две истории, личная и эволюционная, и большую часть жизни нашего вида секс с вагинальным проникновением был единственным способом завести ребенка. Не удивительно, что мы придаем ему особый статус, отличный от взаимной мастурбации, секса по телефону и массажа спины.

Центральная идея концепции девственности делает ее еще уже, чем это кажется Тейлор и Шарки. Эта концепция, как правило, касается лишь женщин (английское слово *virgin* происходит от латинского *virgo*, “молодая женщина”). Женская девственность значит больше, чем мужская, потому что женщины практически всегда уверены в том, кто их дети, тогда как мужчины часто сомневаются. Для мужчины воспитывать ребенка, генетически ему не родственного, означает эволюционную катастрофу, и поэтому для него крайне важен вопрос, с кем его партнерша имела секс в недалеком прошлом. Лучший ответ: ни с кем.

Привлекательность девственниц вызвала появление весьма необычных общественных отношений. Крайний случай — 22-летняя студентка Натали Дилан, занимающаяся гендерными исследованиями, которая решила продать свою девственность на онлайн-аукционе. (Она обещала доказать свое целомудрие с помощью гинекологического осмотра и детектора лжи.) Дилан — не первая, кто решился на это, но о ней сообщила американская и международная пресса: предложения потенциальных партнеров доходили до миллиона долларов. Существует также притворная девственность: в США некоторые замужние женщины платят за восстановление плевы, чтобы подарить супругам свою девственность, пусть и симулированную.

Эта одержимость девственницами — один из самых неприятных аспектов нашей сексуальной психологии. Во многих обществах перед свадьбой проводится проверка на девственность, а также уродование гениталий в разных формах, гарантирующих целомудрие за счет того, что женщине трудно и неприятно иметь секс с проникновением. А женщины, уличенные в нарушении целомудрия, подвергаются насилию, даже если девственности они лишились в результате изнасилования. Эта одержимость также стимулирует сексуальную эксплуатацию молодых женщин и девочек и — в силу жуткого преувеличения той ценности, которую придают чистоте — вызвала к жизни миф, что секс с девственницей излечивает от СПИДа.

Глубже

Даже если вы сузили список кандидатов с точки зрения пола, родственных отношений и их опыта, выбрать партнера на длительный срок по-прежнему трудно. 29-летний Чарльз Дарвин мучительно раздумывал, жениться ли. В 1838 году он оценил плюсы и минусы этого решения. Затем он составил список “Жениться — не жениться — жениться. Что и следовало доказать” (*Marry — Mary — Marry Q. E. D.*), а несколько месяцев спустя женился.

Жениться. Дети (если получится; Боже, пожалуйста). — Постоянный компаньон (и друг в старости), который будет проявлять к тебе интерес. — Предмет обожания и партнер по играм. — В любом случае это лучше собаки. — Дом и та, кто позаботится о доме. — Очарование музыки и женской болтовни. — Это полезно для здоровья, хотя и ужасная трата времени.

Боже, невыносимо думать, что проведешь всю жизнь как пчела. — Работа, работа, больше ничего. — Нет-нет, так не пойдет. — Представьте, каково провести весь день в одиночестве в задымленном, грязном лондонском доме. — Только представьте себе милую, спокойную жену на диване у камина, и книги, и, может быть, музыку, — и сравните это с запущенностью, царящей на Грейт-Мальборо-стрит.

Не жениться. Свобода идти, куда хочешь. — Выбор общества и его отсутствия. — Беседы с умными людьми в клубах. — Не нужно ходить в гости к родственникам и прогибаться по каждому пустяку. — Расходы и беспокойство по поводу детей. — Возможно, ссоры. — Потеря времени. — Нельзя читать по вечерам. — Ожирение и безделье. — Беспокойство и ответственность. — Меньше денег на книги и пр. — Если много детей, то придется зарабатывать на кусок хлеба. — (А работать слишком много — очень вредно.)

Возможно, моей жене не понравится Лондон; тогда приговор — изгнание и превращение в праздного, ленивого глупца.

Дарвиновские доводы за и против — занятная смесь викторианства и, гм, дарвинизма. Дети упомянуты в начале столбца “Жениться”, но они попали и в столбец “Не жениться” — из-за расходов и лишнего беспокойства. Секс прямо не упоминается, хотя физические контакты затронуты. Но главная тема списка “за” — не секс и не дети. Это идея, что брак обогатит жизнь Дарвина, даст ему друга и компаньона.

Дарвин сообщал в одном из писем к Эмме Веджвуд, написанном за неделю до их свадьбы: “Я думаю, ты облагородишь меня и вскоре научишь меня, что есть и боль-

шее счастье, чем строить теории и копить факты в тишине и одиночестве”. Так и вышло. У мистера и миссис Дарвин были чрезвычайно близкие отношения, которые серьезно повлияли на работу ученого: внимание и уважение к религиозным взглядам жены смягчили его утверждения о том, как эволюция сформировала человеческое сознание.

Выбирая пару, Дарвин не искал двустороннюю симметрию или идеальное соотношение окружностей талии и бедер. Он искал достойную и особенную женщину. Молодость и здоровье очевидны, но важны также ум и доброта. Умные и добрые люди процветают, как и их дети. Вам нужен человек, который будет заботиться о детях, помогать и поддерживать вас. Неудивительно, что в ходе крупнейшего исследования предпочтений при выборе пары, в котором участвовали люди, принадлежащие к тридцати семи культурам, оказалось, что главный фактор как для мужчин, так и для женщин — это доброта.

Мы все, как и Дарвин, ищем умных, верных и добрых партнеров. Проблема заключается в том, как найти этих людей.

Это подводит нас к вопросу о том, что биологи называют половым отбором. Возьмем, например, пышные хвосты самцов павлина. Они не просто бесполезны: они неудобны, тяжелы, мешают ходить, их трудно содержать в чистоте, к тому же это явный сигнал хищникам “Врежь мне”. До того, как Дарвин разработал теорию полового отбора, он писал, что от вида павлиньего пера его тошнит — это было вопиющее нарушение логики естественного отбора.

Вот к какому ответу пришел Дарвин. Пышные хвосты не помогают выживать павлинам *непосредственно*. Они не позволяют им успешнее спастись от хищников

или лучше кормиться, не дают дополнительного тепла или какого-либо иного преимущества. Однако пышные хвосты привлекают самок. Если самки предпочитают самцов поярче, то в следующем поколении оперение самцов станет еще ярче, а у самок проявится аналогичный вкус к пышному оперению — и так в ходе эволюционной истории получился павлиний хвост.

В 1958 году эволюционный биолог Джон Мейнард Смит распространил этот подход на сложные танцы самцов дрозофил. Танцы эти кажутся бесполезными. Так оно и есть, если не принимать во внимание половой отбор. Для самок это разумный эволюционный выбор: ведь чтобы танцевать, надо быть в хорошей форме. В итоге придирчивые самки получают здоровое потомство, а гены, вынуждающие самцов танцевать и самок — искать танцоров, распространяются по всей популяции.

Психолог Джеффри Ф. Миллер утверждает, что многие интересные, демонстративные аспекты человеческого характера возникли в ходе полового отбора — как способ предъявить свои достоинства другим. К возможностям продемонстрировать нашу приспособленность Миллер причислил танцы, а также во многих отношениях спорт, искусство, благотворительность и юмор. По Миллеру, мозг — “великолепное сексуальное украшение”.

Я не стану подробно обсуждать здесь величественную теорию Миллера, но на двух его соображениях относительно сексуальной привлекательности стоит остановиться. Первое заключается в том, что это дорогостоящие сигналы, упомянутые в предыдущей главе (мы обсуждали, почему люди согласны так много платить за бутилированную воду). Смысл в том, что демонстрация тех или иных качеств принимается всерьез лишь тогда, когда она предполагает некоторые издержки, затруднения или жертвы.

Если на такую демонстрацию способен любой, то она бесполезна, поскольку ее можно легко симитировать. Дорогостоящие сигналы проявляются в подарках, которыми мы обмениваемся, особенно во время ухаживания. Миллер задается риторическим вопросом: “Зачем дарить женщине по случаю помолвки бесполезное кольцо с бриллиантом вместо того, чтобы купить ей большую картофелину, которую она хотя бы может съесть?” Его ответ: суть именно в дороговизне и бесполезности подарка. Бриллиант рассматривается как знак любви, а картофелина — нет, потому что большинство людей вручили бы бриллиант лишь тому, кто им небезразличен, и такой подарок сигнализирует о некоем сочетании благосостояния и интереса.

Денежный эквивалент — не единственный сигнал о привязанности. Экономист Тайлер Коуэн отмечает, что лучший подарок для человека, с которым вы живете, — такой, который вы сами не захотели бы получить. Коуэн пишет, что даже если его жену и обрадует полный комплект *DVD* “Звездного крейсера ‘Галактика’”, это все же паршивый подарок, поскольку он и сам будет им наслаждаться, а значит, такой дар не сигнализирует о его любви к супруге.

Сигналы могут включать смену имени, переезд и нанесение большой татуировки с именем возлюбленной или возлюбленного (и речь не о тех наклейках, которые можно смыть горячей водой!). Брак — это, очевидно, демонстрация обязательств, и это обязательство становится еще строже (и еще сильнее сигнализирует о любви), если развестись трудно. Брачный контракт, каким бы рациональным он ни был, имеет противоположный эффект: вы подаете четкий сигнал, что беспокоитесь, как бы отношения не закончились, и защищаетесь от связанных с этим потерь.

Если мужчина делает вазэктомию после того, как его жена лишается способности к деторождению, он подает сигнал, что не бросит ее и не заведет детей с женщиной помоложе (хотя если вазэктомия обратима, это не так романтично).

Все это признаки любви и привязанности, однако и говорить не стоит, что дорогостоящие сигналы такого рода не всегда приветствуются. Отрезать себе ухо — это типичное излишество, как и нанесение татуировок или членовредительство после первого свидания. Хотя такие действия успешно сигнализируют об интересе и преданности, они также свидетельствуют об отчаянии и душевном нездоровье.

Вторая интересная идея Миллера — о выборе “классного” партнера: когда мы выбираем себе пару, мы ищем тех, кто доставит нам удовольствие. Это может показаться очевидным на уровне личности, но Миллер видит проблему с точки зрения адапционистов и находит в таком выборе движущую силу эволюции, обуславливающую развитие определенных качеств.

Простой физиологический пример — пенис. В человеческом теле масса странностей по сравнению с другими приматами: у мужчин бороды, у женщин — большие груди и ягодицы, но узкая талия. Однако самая впечатляющая разница касается гениталий. У некоторых приматов гениталии визуальнее интереснее, чем у людей: например, у мандрилов — пурпурно-розовая мошонка и красный пенис, а у зеленых мартышек — голубая мошонка и красный пенис. Но у человеческого пениса есть преимущества: он длиннее, толще и более гибкий, чем маленькие, толщиной в карандаш, пенисы других приматов, обычно шести–восемь сантиметров в длину и приобретающие твердость за счет специальной косточки. Миллер высказывает спорное утверждение, что это результат полового отбора:

женщин притягивали мужчины, доставлявшие им сексуальное удовольствие, что эволюционным путем привело к появлению крупных пенисов.

Мозг, считает Миллер, во многом эволюционировал так, как и пенис. Люди ищут пару, способную развлечь их. Мы предпочитаем быть и спариваться с теми, кто делает нас счастливыми. Это представляет эволюцию в новом свете. Эволюционные психологи обычно рассматривают психику либо как научную машину для обработки данных, производящую умозаключения об окружающем мире, либо как интригана-макиавеллиста, пытающегося перехитрить других в игре с нулевой суммой за социальное доминирование. Но, может быть, наша психика — это еще и центр развлечений, сформированный половым отбором для того, чтобы доставлять другим удовольствие, чтобы уметь рассказывать истории, очаровывать и смешить.

Настоящая любовь

До сих пор речь шла о том, что сексуальное желание может быть “разумным”. Хотя эволюцией мы запрограммированы реагировать на овал лица и форму бедер, мы обращаем внимание и на менее очевидные вещи, в том числе на сексуальный опыт человека, знаки внимания, смекалку, теплоту и доброту.

Здесь я хочу подчеркнуть еще один аспект: нас притягивают не просто лица или тела, личность или интеллект. Нас привлекают конкретные люди, обладающие этими качествами. В конце концов, мы влюбляемся в индивидов, а не в грани личности. Как выразился Джордж Б. Шоу, “любовь — это грубое преувеличение различия между одним человеком и всеми остальными”.

Есть две причины, почему любовь такова. Первая причина — это сила обольщения. Если вы со мной из-за моего ума, богатства или красоты, а не из-за меня как такового, то наши отношения будут хрупкими. Психолог Стивен Пинкер так описывает тревогу на этот счет:

Как вы можете быть уверены, что потенциальный партнер не оставит вас в ту же минуту, как этот шаг станет разумным — скажем, когда поблизости объявится кандидат, превосходящий вас по всем пунктам? Один из ответов таков: не принимайте партнера, который хочет быть с вами по рациональным причинам; ищите такого, который останется с вами потому, что вы — это вы.

Такая привязанность может показаться иррациональной, но это приятная иррациональность, и если тот человек, в свою очередь, интересуется вами, это может быть очень привлекательный вариант. “Нежное признание, что внешность вашего возлюбленного, его заработок и ай-кью соответствуют вашим минимальным стандартам, может убить всю романтику, — пишет Пинкер. — Путь к сердцу человека — провозглашать нечто противоположное: что вы его любите, потому что не можете иначе”. И действительно: обнаружены специализированные системы, отвечающие за романтическую любовь и привязанность, а некоторые утверждают, что можно “подсесть” на определенного человека точно так же, как на кокаин (хотя речь тут идет не столько о романтической любви, сколько о любви матери к ребенку).

Сосредоточенность на индивидах — это не просто стратегия обольщения. Другая причина, почему мы влюбляемся в индивидов — в том, что мы сосредоточены на индивидуальности во всем, что представляется нам ценным. Так же мы рассуждаем о произведениях искусства, по-

требительских товарах и объектах, имеющих сентиментальную ценность. Если бы у меня была картина Шагала и кто-то заменил бы ее дубликатом, мне было бы неприятно, даже если бы я не мог отличить оригинал от подделки. Я хочу именно *эту* картину, а не что-то похожее на нее. Поддельный “Ролекс” гораздо дешевле настоящего, и неважно, насколько он хорош. И когда мы заменяем дубликатами некие привычные детям и успокаивающие их предметы либо любимых плюшевых мишек (см. следующую главу), они остаются не очень-то довольны.

Подумайте о человеке, которого сильнее всего любите. А теперь представьте, что есть некто, выглядящий практически так же — и большинство людей не смогут различить этих двоих. Представьте, что это генетически идентичный клон вашего любимого человека, которого воспитывали в том же доме те же родители.

Или представьте, что у вашего партнера есть однояйцевый близнец. Если вас привлекают внешние качества человека, а не сам человек, то ваше влечение должно распространяться и на близнеца. Но, что интересно, исследования с участием людей, состоящих в браке с близнецами, показывают, что этого не происходит. Романтическая привязанность касается вашего супруга или супруги, а не их внешности.

Сексуальное желание тоже настроено на индивидов, а не на их качества — хотя тут как раз *менее* знакомый индивид может вызывать более сильную реакцию. Это хорошо иллюстрирует пьеса Исаака Башевиса Зингера, в которой случайно происходит постельная подмена. Зингер рассказывает о глупце, который уходит далеко от своего городка Хелм, теряется, в итоге возвращается домой, но думает, будто оказался в другом городе, где люди выглядят совершенно так же, как у него дома. Он видит свою жену, которая давно

ему наскучила, и вдруг испытывает сильное возбуждение. На уровне ощущений она, конечно, знакома ему — но мы не мыслим ощущениями. Насколько я знаю, такие эксперименты не проводились, но я уверен, что люди были бы необычно взволнованы, даже возбуждены, при виде обнаженного близнеца своей супруги (супруга), хотя на уровне внешних ощущений тело было бы им совершенно знакомо.

Впрочем, некоторые версии этого эксперимента проводятся в Сети каждый день. Порносайты вывешивают фотографии обнаженных знаменитостей, выдернутые из фильмов или снятые с помощью телеобъектива. Эти фотографии, как предполагается, возбуждают не сами по себе (порой картинка размыта, а персонажи неузнаваемы): возбуждает понимание, кто именно изображен на фотографии. Если вам скажут, что это кто-то другой, возбуждение уляжется. Журналы заплатят целые состояния за фотографии обнаженных знаменитостей и не заплатят ничего за снимки кого-то очень похожего, даже если с физической точки зрения картинка идентична. Это сексуальный эквивалент истории о Вермеере и ван Меегерене.

Или возьмите активно развивающуюся отрасль теледилдоники*, позволяющую заняться сексом с реальным человеком по интернету с помощью приборов, обеспечивающих разного рода стимуляцию. Если бы меня спросили, куда вложить деньги, то я бы посоветовал инвестировать именно туда. Полагаю, что это занятие при эффективной технической поддержке станет чрезвычайно популярным. Оно обеспечит людям возможность секса с настоящим (пусть и далеким) человеком с минимальными последствиями. Это также хорошая иллюстрация “более глубоких” факторов сексуальной привлекательности, о которых я говорил.

* От англ. *dildo* — фаллоимитатор.

Удовольствие, которое человек получит, во многом будет зависеть от того, кто нажимает кнопки на другой стороне. Красивая кинозвезда? Кто-нибудь того же пола, что и вы? Ваша мама? Физиологические ощущения могут быть одинаковыми, но физиологией дело не ограничивается.

Последняя иллюстрация эссенциалистской природы желания — это редкое заболевание, синдром Капгра: страдающие им люди считают, что близкие, в том числе супруги, подменены точными копиями. Одна теория объясняет это тем, что у больных пострадала часть мозга, отвечающая за эмоциональную реакцию при встрече с любимыми. Больной может увидеть женщину, выглядящую точь-в-точь как его жена, но он не чувствует, что это она и есть. Возникает интуитивное ощущение, что это незнакомка, и проблема решается путем обозначения ее как самозванки — клона, пришельца, робота.

Типичная реакция — страх и гнев, и бывали случаи, когда больные даже убивали членов своей семьи. Но есть одно известное исключение — реальная история, произошедшая в 1931 году и напоминающая пьесу Зингера о потерявшемся глупце. Некая женщина жаловалась на любовника: он был неумел и не слишком щедро одарен природой. Но после травмы мозга она встретила кого-то “нового”. Он выглядел точно так же, как мужчина, которого она знала, но был “богатым, мужественным, красивым и аристократичным”. Сексуальные и романтические чувства глубоки, и ее болезнь позволила ей начать с начала, увидеть в своем любовнике другого, более привлекательного человека. Это яркий пример эссенциалистской природы привлекательности. Как писал Шекспир, “любовь глядит не взором, а душой”^{*}.

* “Сон в летнюю ночь” (пер. М. Лозинского).

Глава 4

Незаменимое

Сколько денег вы бы взяли за одну из своих почек? А за своего ребенка? А за секс? Допустим, миллиардер арестован или призван на военную службу. За какие деньги вы согласились бы отправиться в тюрьму или в армию вместо него?

В таких сделках люди участвуют уже давно, но сейчас в большинстве стран мира они нелегальны. Философ Майкл Уолцер написал интригующий текст, озаглавленный “Чего не купишь за деньги”. Он приводит перечень запрещенных в США товаров. Среди них:

1. Люди (то есть рабство),
2. Политическая власть и влияние,
3. Уголовное правосудие,
4. Свобода слова, прессы, вероисповедания и собраний,
5. Семейные и репродуктивные права,
6. Освобождение от военной службы и работы в суде присяжных,
7. Политические должности,
8. Вынужденное самоограничение (согласие не прибегать к защите законов о минимальной оплате труда, о защите труда и здоровья),

9. Награды и почести,
10. Божья благодать,
11. Любовь и дружба.

Эти запрещенные сделки представляют собой “табуированный обмен”. И дело не в том, что мы лично не хотим участвовать в таких транзакциях или что мы уверены, что если бы их разрешили, людям стало бы в некотором отношении хуже. Нет, все гораздо глубже. Многие люди считают такие сделки отталкивающими, неестественными, “морально разлагающими”. Психолог Филип Тетлок и его коллеги провели хитроумный эксперимент. Они рассказывали участникам исследования разные варианты истории о человеке, который столкнулся с возможностью табуированного обмена: о больничном администраторе, раздумывающем, потратить ли миллион долларов на спасение жизни пятилетнего ребенка. Вышло так, что участники эксперимента не одобрили решение администратора априори, вне зависимости от того, что он в конце концов решил. Мучительно даже думать о подобном выборе.

Подобные ситуации могут казаться исключительными. В конце концов, все вещи имеют свою цену. У нас нет проблем с покупкой и продажей вещей вроде автомобилей, рубашек или телевизоров. Мы приписываем ценность предметам обихода исходя из их полезности — того, что они могут нам дать. Ведь мы участвуем в рыночной экономике.

В этой главе я объясняю, что все не так просто. Начну с того, что наше сознание совершенно не приспособлено к рынку и мы часто отвергаем мысль, что тот или иной объект можно обменять на деньги. Затем я перейду к вопросу о том, почему нам нравится обладать определенными вещами, и покажу, что хотя практическая польза важна,

есть и факторы интереснее. Мы эссенциалисты, так что все мы, включая маленьких детей, думаем о вещах, которые нам принадлежат, в контексте их скрытой сути и их истории. Такого рода эссенциализм объясняет, что нам нравится в вещах, а также почему некоторые из них дарят нам сильное, долгое удовольствие.

Провалы рынка

Однажды летом кто-то проник в мой дом сквозь окно со двора, которое мы оставляли открытым. Окно маленькое, так что вор, скорее всего, не был взрослым. Рядом с окном стоит стол, а на столе были новый лэптоп (мой), старый компьютер (моей жены) и мой бумажник. Вор ничего из этого не взял. Более того, он (или она; я пробую составить портрет преступника и буду исходить из того, что это он) не стал красть телевизор или *DVD*-плеер, стоявшие в комнате. Но он забрал игровую консоль *Xbox* и все игры. Больше ничего.

Мы были сбиты с толку, как и полиция. Особенную загадку представлял собой оставленный бумажник — ведь он был полон денег. Простейшее объяснение — вор его не заметил. Но мне в голову приходит более интересная версия.

Возможно, вор не считал себя воров. Экономист Дэн Ариели установил, что деньги имеют особый статус. Он обнаружил, что выпускники Массачусетского технологического института и слушатели программы *MBA* в Гарварде скорее готовы украсть банку “Кока-колы”, нежели банкноты. И в этом есть смысл. Мне и в голову бы не пришло зайти в администрацию факультета психологии, взять из кассы пять долларов и купить по дороге домой что-ни-

будь детям. Я же не вор! Но зайти в факультетскую кладовую за какими-то расходными материалами и заодно прихватить скотч, ножницы и бумагу (общая стоимость — пять долларов) для младшего сына, чтобы ему было из чего выполнить школьный проект, — это совсем другое дело. Я не говорю, что мой вор считал себя невиновным, но, возможно, он полагал, что взять деньги — это уже преступление другого уровня, более серьезное, чем он намеревался совершить.

Антрополог Алан П. Фиске предложил подход, помогающий это осмыслить. Он отмечает, что в мире есть ограниченное число систем транзакций. Самые естественные, универсальные — это коммунальное распределение (*communal sharing*), которое имеет место в семьях и некоторых малых группах (мое — твое, а твое — мое), и выявление равенства (*equity matching*) — обмен сопоставимыми товарами и услугами (почеши мне спину, а я почесу тебе). Обмен этих типов наблюдается даже у нечеловекообразных обезьян. Наименее естественная система транзакций — это определение рыночной цены (*market pricing*). Оно включает деньги, долги, проценты, высшую математику и так далее. Возможно, это чудесная и оптимальная система, но она не универсальна, ею не пользуются виды животных, кроме человека, и понять ее можно, только получив значительный опыт.

Эти системы транзакций имеют разные психологические основания. Рыночное ценообразование — да и все, что имеет отношение к деньгам, — суровое и безличностное, это сфера закона. Исследование Ариели это подтверждает. Иллюстрируют это и мои исследования — не фактические выводы, а используемые методики. Когда аспиранту нужны какие-либо данные от студентов-бакалавров, ему иногда приходится сидеть за столом где-нибудь в кампу-

се и упрашивать студентов заполнить анкеты или ответить на несколько вопросов. Студенты Йеля — люди занятые, а часто и небедные, так что мало кто остановится, если мы предложим им два доллара. Вместо этого мы предлагаем сок “Снэпл” или конфеты *M&M's*. Это работает лучше денег, хотя и обходится дешевле двух долларов. Деньги сделали бы наше предложение коммерческим, а значит непривлекательным, а вот предложение сладкого пробуждает в людях лучшие чувства.

Точно так же невежливо прийти к кому-нибудь на обед с пустыми руками, но еще хуже — вручить хозяину несколько двадцаток или после еды удовлетворенно откинуться на спинку стула и заявить: “Все было прекрасно. Запишите на мой счет”. Деньги — обычно не очень подходящий подарок, хотя с точки зрения эффективности это *идеальный* подарок. Они лучше цветов, вина или украшений, потому что если вы дарите деньги, то получатель может купить себе цветы, вино, украшения или еще что-нибудь, либо сохранить их и купить себе что-нибудь после. Но тем, кого вы любите и кто вам нравится, нужно дарить нечто материальное.

Бывают исключения. Деньги могут быть подарком на свадьбу, знаком внимания к нуждам молодоженов. (Хотя этот вариант не очень подходит, если супруги старше или богаче вас.) Деньги можно подарить и ребенку — вероятно, из-за того, что разница в статусе между взрослым и ребенком столь велика, что это не покажется оскорблением.

Есть также разного рода уловки, позволяющие обойти денежное табу. Люди могут “зарегистрироваться” для получения подарков. Вместо того чтобы получить деньги и купить что-нибудь (табу), получатели заранее выбирают себе подарки, а дарители их преподносят (не табу). По мо-

ему опыту, многие супруги действуют примерно так же при наступлении дня рождения или юбилея: они сообщают друг другу, что именно нужно купить.

Или возьмем подарочные сертификаты — механизм, который помогает и дарителю (ему не приходится выбирать подарок), и получателю (у него появляется некоторая свобода выбора). Однако сходство сертификатов с деньгами словно кричит о странности таких подарков: ведь сертификат на пятьдесят долларов — это практически банкнота в пятьдесят долларов, причем его можно использовать лишь в одном магазине (сети магазинов), а срок его годности вскоре истечет. Это гениальное изобретение: компании ежегодно зарабатывают миллиарды долларов на сертификатах, не использованных вовремя.

Мы научились справляться с рыночным обменом. Мы можем установить цену и “айпода”, и шоколадного батончика. Мы производим такие денежные подсчеты даже в случае нелегальных или аморальных операций. В конце концов, люди порой проводят табуированные сделки вроде платы за секс, за голоса на выборах или за изъятую почку, так что они должны как-то представлять, сколько стоят эти услуги и вещи.

Люди совсем бы растерялись, если бы они не могли приписывать ту или иную ценность предметам обихода и услугам. Это нужно не только для определения рыночной цены, но и для коммунального распределения, а также для выявления равенства. Нам приходится проводить такие подсчеты, когда мы пытаемся разделить ресурсы — скажем, игрушки для наших детей. Мы не платим друзьям за то, что они приготовили для нас обед или приняли нашу почку, но дарим им подарки, а значит, нам приходится рассчитывать стоимость подарка. Насколько дорогой должна быть бутылка вина? Если некто будет месяц заботиться

о моей собаке, будет ужасно оскорбительно по возвращении вручить ему пачку жевательной резинки (куда вежливее не дать *ничего*), но вот подарить ему новую машину — это уже акт патологической щедрости.

Кроме того, у человека, живущего в мире ограниченных ресурсов, складывается интуитивное ощущение, что все имеет свою цену. Например, я не стану оценивать в долларах то время, которое провожу с семьей, — на явные действия такого рода наложено табу, с точки зрения Тетлока, — но, очевидно, я все же оцениваю это время, поскольку могу на какой-то срок покинуть семью, чтобы выступить с лекцией и немного заработать. Обручальное кольцо имеет для меня сентиментальную ценность, и я не продал бы его за сто долларов. (Однако продал бы за десять тысяч.)

Если говорить о более мрачных вещах, по всему миру люди вынуждены делать ужасный выбор: например, женщины торгуют телом, чтобы прокормить детей. Такие обмены неизбежны даже в самых благополучных обществах, где государство должно находить баланс между пользой для окружающей среды, обеспечением жилья бедных, финансированием искусства, здравоохранением и так далее. Жизнь может быть игрой с нулевой суммой, и каждый цент, что уходит на поддержку оперы, означает, что на цент меньше будет потрачено на вакцинацию детей. Страховые компании подсчитывают, какова должна быть компенсация за потерю ноги, руки или обоих глаз. Даже люди как таковые получают денежную оценку. Если правительство может спасти десять жизней, потратив десять миллионов долларов (речь может идти, например, о программе вакцинации), то стоит ли это делать? А если речь идет о миллиарде долларов? Трудно рассуждать на эти темы, не касаясь самого тревожного аспекта сферы опре-

деления рыночной цены — установления цены человеческой жизни.

Личная история

Рассмотрим сначала только те вещи, которые мы сравнительно легко обмениваем на деньги. Не секс и почки, а чашки и носки. Как мы вычисляем стоимость этих вещей?

Очевидно, есть утилитарное представление о том, чем вещь может быть полезна. Автомашина имеет ценность, поскольку везет вас туда, куда вам нужно. Пальто вас согревает, часы показывают время, в доме можно жить, а вином можно напиться. Эти качества основаны лишь на материальной природе вещей. Если бы кто-нибудь подменил мои часы точной их копией, полезность часов не изменилась бы.

Интереснее то, что биография вещи тоже имеет значение. Допустим, вы спросили кого-либо, сколько он заплатит за кофе, и, допустим, услышали в ответ: пять долларов. Вы забираете деньги и передаете человеку чашку, а затем спрашиваете, за сколько он продаст вам этот кофе. Рациональным ответом было бы пять долларов (или чуть больше, чтобы оплатить издержки на передаче ее туда-сюда). Если сделка состоится по цене шесть долларов, то это означает доллар за десять секунд работы. Но наше сознание работает не так, и люди обычно не согласны продать чашку за шесть долларов. Ее ценность для них радикально увеличивается. Теперь она иная. Теперь это *их* кофе, и это повышает его ценность — феномен, известный как эффект вклада (*endowment effect*). И чем дольше человеку принадлежит вещь, тем ценнее она становится.

Другой пример значения личного опыта касается решений, которые мы принимаем касательно тех или иных вещей. Можно подумать, что мы выбираем то, что нам нравится. Это, конечно, верно. Однако менее очевидно другое: нам нравится то, что мы выбираем. Это показал пятьдесят лет назад социальный психолог Джек Брем. Он попросил домохозяйек оценить, насколько им нравятся те или иные предметы обихода вроде кофеварок и тостеров. Затем он выбирал предметы, которые та или иная участница сочла одинаково привлекательными, и сообщал, что она может выбрать один и забрать его. После этого каждая женщина должна была заново оценить предметы. Брем выяснил, что оценка выбранного предмета росла, а оценки других — снижались. (Стоит заметить, что этические стандарты исследований тогда были иными: после эксперимента Брем сообщил домохозяйкам, что солгал и что домой взять ничего нельзя. Одна женщина разрыдалась.)

Итак, вам нравится то, что вы выбираете, и не нравится то, что вы не выбрали. Есть простой способ это продемонстрировать — скажем, в баре. Возьмите три идентичных предмета наподобие подставок для пивных кружек и положите два из них перед испытуемым. Попросите его выбрать. (Да, они все одинаковые, но все же пусть выберет.) Когда выбор будет сделан, вручите ему выбранный предмет, затем достаньте третий и попросите испытуемого выбрать между тем предметом, что он отклонил, и новым. Вероятно, отклоненный предмет к этому моменту упал в цене. Его запятнало то, что его не выбрали в первый раз, и поэтому люди будут склонны выбирать новый предмет.

Никто по-настоящему не знает, почему это происходит. Возможно, дело в склонности переоценивать себя.

Нам хочется чувствовать себя хорошими, поэтому мы преувеличиваем ценность сделанного выбора и пренебрежительно отзываемся о варианте, который не выбрали. Или, может быть, это развившийся со временем прием психики, позволяющий упростить повторяющиеся решения: как только вы выбрали между двумя близкими вариантами, ваше сознание оценивает разницу между ними как более серьезную, чтобы в будущем выбор было сделать проще. Третий вариант — теория субъективного восприятия: мы оцениваем свой выбор, как будто его совершил другой, так что когда я наблюдаю за собой, выбирающим А вместо Б, я делаю тот же вывод, как если бы выбор делал кто-либо другой: что А, вероятно, лучше Б.

Каким бы ни было объяснение, ясно, что история отношений человека и вещи влияет на то, как этот предмет оценивается. И это касается не только взрослых людей. Мы с моей аспиранткой Луизой Иган и моей коллегой Лори Сантос провели несколько экспериментов, касающихся выбора, по той же процедуре с тремя предметами, что описана выше. Мы увидели, что изменение ценности происходит и у четырехлетних детей, и у обезьян капуцинов.

Контакт

Еще одна важная особенность любой вещи — что с ней происходило до того, как она к вам попала: откуда она, для чего была создана, кто к ней прикасался, кому она принадлежала, кто ею пользовался. Иногда имеет значение контакт предмета с некоей известной личностью. Его можно изучать в психологической лаборатории, но феномен очевиден, если мы просто посмотрим на то, что люди решают купить или продать.

Всего несколько минут, проведенные на сайте онлайн-аукционов “И-Бэй”, показывают, что контакт со знаменитостью увеличивает стоимость вещи. В нашей культуре важна, например, подпись. На момент написания этих строк автограф Эйнштейна стоил 255 долларов, подписанное президентом Кеннеди письмо — три тысячи, подписанное Тупаком Шакуром письмо из тюрьмы — тоже три тысячи, плакат с автографами “звезд” сериала “Звездный путь: следующее поколение” — семьсот долларов. Эти подписи легко подделать, их невозможно отличить от оригиналов, однако подделки не стоят ничего. Оригиналы приобретают ценность лишь благодаря своей истории.

Повседневный контакт с важным человеком может добавлять ценности. В 1996 году, например, клюшки для гольфа президента Кеннеди были проданы на аукционе за 772 500 долларов, а рулетка из его дома — за 48 875 долларов. На аукцион выставляли недоеденный завтрак Барака Обамы (была предложена цена десять тысяч, но затем товар сняли с сайта — продажа еды там не разрешается), а также жевательную резинку Бритни Спирс. Что касается Бритни, то в октябре 2007 года ее автомобиль переехал ногу фотографу. Тот продал свой носок на сайте “И-Бэй” в разделе “Музыкальные сувениры”:

Подлинный носок, по которому проехала Бритни. Настоящий носок, который носил оператор *TMZ* в тот четверг, когда Брит проехала по его ноге. След от шины гарантированно подлинный.

Это явление не ново. В Средние века бойко торговали предметами, выдаваемыми за мощи святых или кусочки креста, на котором распяли Иисуса. После смерти Шек-

спира люди рубили деревья, растущие около его дома, чтобы сделать дорогостоящую мебель. Деревья, окружавшие могилу Наполеона, были распилены на сувениры. (Пенис Наполеона постигла сходная судьба: священник, отпевавший покойного, отрезал его.)

Мой любимый пример — это коллекция чистых листов, собранная Джонатаном С. Фоером. Он начал составлять это собрание, когда его друг, участвовавший в каталогизации личных вещей Исаака Башевиса Зингера, отправил ему верхний листок из пачки не использованной Зингером бумаги для пишущей машинки. Фоер связался с другими писателями и попросил их прислать ему чистые листы, на которых они собирались писать. Он получил страницы от Ричарда Пауэрса, Сьюзан Зонтаг, Пола Остера, Дэвида Фостера Уоллеса, Зэди Смит, Джона Апдайка, Джойс Кэрол Оутс и других. Ему даже удалось уговорить директора музея Фрейда в Лондоне передать ему верхний лист из пачки чистой бумаги со стола Фрейда. Это демонстрирует, как обыденные вещи (чистые листки!) могут стать ценными благодаря тому, что нам известно об их истории.

Волшебство

Согласно одной теории, люди оценивают вещи исходя из того, как их могут оценить другие. Мы можем, например, заплатить кучу денег за рулетку Кеннеди, потому что предполагаем: другие купят ее у нас еще дороже или будут впечатлены тем, что ее купили мы. Еще одно объяснение — эти вещи так высоко ценятся из-за своей способности вызывать воспоминания. Они напоминают нам о людях, о которых нам приятно думать, и поэтому приятны.

Хотя важны оба эти фактора, обоих недостаточно. Людям иногда приятны эти вещи сами по себе, а не как повод похвастаться или возможность заработать. Уж точно это касается личных вещей, которыми мы дорожим (например, пинетки наших детей), которые больше никому не нужны и которые никого не трогают тем, что принадлежат нам. И хотя правда, что с некоторыми предметами связаны положительные ассоциации, это не в полной мере объясняет то удовольствие, какое они нам приносят. Если бы все, чего мне хотелось — это напоминания о том, как мой сын был младенцем, копии этих пинеток сработали бы так же, а еще полезнее оказалась бы хорошая видеозапись. Если некто хочет иметь напоминание о Кеннеди, пусть повесит в комнате огромный плакат. Но здесь есть кое-что еще, и это связано с тем, какой контакт эти вещи имели с особенными людьми.

Может быть, это что-то — магия. Антрополог Джеймс Фрэйзер в книге “Золотая ветвь” говорит об универсальных верованиях. Среди них — “контагиозная магия”, “физическая основа которой (если о существовании таковой вообще можно говорить) — это материальная среда, которая якобы соединяет отдаленные предметы и передает их воздействия друг на друга”. Пример — вуду и “магическая симпатия, якобы существующая между человеком и частями его тела, волосами или ногтями. Тот, кто имеет у себя чьи-то волосы или ногти, может будто бы на любом расстоянии навязать свою волю их владельцу”^{*}.

Такого рода теории могут объяснить притягательность отдельных вещей: посредством физического контакта они “пропитываются сущностью” индивида. То есть объект

* Пер. М. Рыклина.

не просто вызывает в уме определенную идею, а на самом деле хранит некую часть личности.

Самые очевидные примеры — части тела. Литературовед Джудит Паско обращает внимание на удовольствие, которое многие коллекционеры получают от владения кусочками знаменитых людей. Среди ее примеров — пенис и кишки Наполеона, волосы Китса, а также сердце Шелли, которое сохранила его жена и которое оказалось предметом ожесточенного юридического сражения. Паско предполагает, что в эпоху романтизма люди верили, будто предметы, в том числе части тела, “пропитаны вечным духом их владельцев”. Я согласен — но думаю, что так было всегда.

И не обязательно это должна быть часть тела. Нечто, что было в тесном контакте с человеком, тоже подойдет. Это объясняет, почему можно заработать, выставляя на аукцион одежду знаменитостей. Также ясно, в каком состоянии она должна быть. Один благотворительный фонд, продающий такую одежду, предлагал отдавать ее в химчистку перед отправкой покупателю, но потом отказался от этого варианта из-за его непопулярности. Люди хотят одежду в том состоянии, в котором актеры ее носили, — пропахшую потом и так далее. Они не хотят стерилизовать сущность.

В ходе экспериментов вместе с моим коллегой из Йеля Джорджем Ньюманом и психологом Джил Дизендрук мы проверили эту теорию “положительного заражения” в ходе контролируемых экспериментов. Мы попросили испытуемых подумать о живущем ныне известном человеке, которым они восхищаются. (Названы были, в частности, Барак Обама и Джордж Клуни.) Затем мы спрашивали, сколько они заплатили бы за конкретный объект, который принадлежал этому человеку и ко-

торым он пользовался — скажем, свитер. Основная идея исследования была в том, чтобы оценить реакции людей на определенные условия продажи и трансформации предмета. Некоторым участникам сказали, что им нельзя будет перепродавать свитер или рассказывать кому-либо, что они его приобрели. В этом случае цена немного падала — то есть, видимо, одна из причин интереса к свитеру действительно связана с перепродажей или хвастовством. Другим испытуемым сказали, что свитер перед продажей был тщательно вычищен. Здесь мы предсказывали гораздо более сильный эффект — и получили его. Цена, которую люди готовы были заплатить, падала почти на треть. В другом исследовании участникам говорили, что “звезда” получила этот предмет в подарок, но никогда не носила его — и опять-таки свитер становился менее привлекательным, люди были готовы платить меньше. Таким образом, часть ценности объекта, к которому прикасалась знаменитость, определяется неявным предположением, что на нем остаются частицы “звезды”. Это соответствует результатам других исследований, показывающих, что люди охотнее купят товар, если его коснулся некто, весьма для них привлекательный.

Мы также спрашивали людей, большое ли удовольствие они получают от ношения свитера. Оказалось, что необходимость держать покупку в секрете и не перепродавать свитер никак не влияла на желание его носить. Но, как мы и предсказывали, знание, что предмет стерилизован или ни разу не был надет, уменьшает удовольствие от его ношения.

До сих пор мы обсуждали контакты с положительным исходом. Но есть сопутствующий феномен: контакт с осуждаемой персоной может снизить стоимость предмета. Психолог Брюс Худ начинает свою увлекательную

книгу “Сверхчувство” с описания того, как городской совет английского Глостера приказал снести дом Фреда и Розмари Уэст. В том доме они изнасиловали, замучили и убили несколько маленьких девочек, а потом похоронили их в подвале и в саду. Совет указал, что кирпичи нужно собрать, раскрошить и распылить на свалке в неизвестном публичном месте. Нечто подобное произошло с квартирой, где жил Джеффри Дамер: теперь там парковка. В некоторых районах США действуют законы, предписывающие риэлторам сообщать, что они продают “стигматизированный” дом. Этот эффект отмечен и в лабораторных исследованиях психолога Пола Розина и его коллег, выяснивших, что люди не хотели бы примерить свитер, который надевал Гитлер.

Но интересно, что возможно и восхищение подобными предметами. Некоторые получили бы кайф, проживая в квартире, когда-то принадлежавшей Джеффри Дамеру, надевая свитер Гитлера или купив кирпич из дома Уэстов. (Возможно, поэтому совет Глостера потребовал уничтожить эти кирпичи.) Предметы вроде волос Чарльза Мэнсона, картин Джона Уэйна Гейси* или личных вещей Саддама Хусейна регулярно продаются на специализированных аукционах, иногда за десятки тысяч долларов.

Но это удел немногих. Мы провели еще один вариант нашего исследования о Клуни/Обаме, в этот раз спрашивая людей, сколько бы они заплатили за свитер презираемого ими человека. Многие не заплатили бы ничего и сказали, что не получают никакого удовольствия от его ношения. Тех, кто хотел бы купить этот предмет, не беспокоила стирка, но если им говорили, что перепродавать его будет нельзя, цена резко падала. Это подсказывает, что ис-

* Серийный убийца.

пытуемые ценили эти презируемые предметы во многом потому, что думали, будто другие впоследствии захотят их купить.

Интерес к истории

Оценивают ли дети вещи исходя из их истории? Для этого они должны думать об объектах как об отдельных вещах. Это не пустяк. Естественный отбор запрограммировал мозг мотылька, чтобы того влекло к свету, или мозг собаки, чтобы тот реагировал на определенные запахи, или мозг ребенка — чтобы тот предпочитал красивое лицо уродливому. Любая простая нейронная сеть способна к обобщению, к сходным реакциям на сходные раздражители. Такого рода чувствительность к тем или иным свойствам настолько проста, что для этого даже не требуется мозг. И антитела способны различать категории. Они чувствительны к любому антигену со специфическими свойствами.

Некоторые ученые утверждали, что мозг — не более чем машина для обобщений. Мы наделяем смыслом объекты окружающего мира, откликаясь на свойства, которыми эти объекты обладают. Философ Джордж Беркли в 1713 году отлично суммировал этот подход: “Устрани ощущение мягкости, влажности, красноты, терпкости — и ты уничтожишь вишню. Так как она не есть бытие, отличное от ощущений, то вишня, я утверждаю, есть не что иное, как соединение чувственных впечатлений или идей, воспринимаемых разными чувствами”.

Беркли был неправ. Мы реагируем не только на свойства вишни. Мы можем думать о ягодах вишни как об отдельных предметах. Легко представить себе пару вишенок, каждая из которых будет мягкой, влажной, красной и терп-

кой — но вы знаете, что их две, а не одна. И это не потому, что мы воспринимаем лишь масштаб свойств: любой может отличить две маленьких вишенки от одной большой. Легко отследить индивидуальную вещь, даже если ее свойства нестабильны (например, когда гусеница превращается в бабочку, лягушка — в принца, а славные жители Метрополиса вглядываются в небо: “Это птица... Самолет... Супермен!”). И если взять вишенку, выкрасить в зеленый, вложить в нее соль и заморозить, она не будет обладать ни одним из тех качеств, о которых говорил Беркли, но она от этого не исчезнет. Индивидуально определенный предмет продолжает существовать, даже если его свойства изменились.

Младенцы могут тоже мыслить об индивидуальных предметах. Психолог Карен Уинн продемонстрировала это в изящном исследовании с участием шестимесячных детей. Экспериментатор показывает младенцу пустую сцену, а потом закрывает ее экраном. Затем показывает куклу Микки Мауса и прячет ее за экран. Потом берет еще одну, такую же, игрушку и тоже прячет за экран. Потом экран убирают. Дети ждут, что за ним окажутся две игрушки. Если там появляется одна или три, они смотрят дольше и выражают недоумение. Это обычно считают свидетельством того, что младенцы умеют считать (они знают, что $1 + 1 = 2$), но эксперимент говорит нам и о другом — что они могут выделять индивидуальные предметы.

Способность рассуждать об индивидуальном проявляется в языке к началу второго года жизни. Первые слова детей обычно включают местоимения вроде “это” и “то”, которые могут служить для указания на конкретные вещи вокруг. Это есть в любом из проанализированных языков, включая китайский, датский, финский, французский, иврит, итальянский, японский, корейский, кечуа, самоанский и шведский. Некоторые дети изобретают местоимения,

чтобы показывать на окружающие предметы. В двенадцать месяцев мой сын Макс указывал пальцем и произносил с восходящей интонацией: “До?” Он не обязательно хотел, чтобы мы что-то сделали с этими предметами — просто хотел их нам показать.

Способность мыслить об индивидуальном необходима, но недостаточна для объектного эссенциализма. Дети могут отличить одну вещь от другой, понимая, что два объекта с одинаковыми качествами — это не одно и то же. Но это не значит, что они верят, что у объектов есть сущности или что ценность объекта определяется его историей.

Чтобы изучить эту тему, я вместе с Брюсом Худом провел ряд исследований. Для этого нам понадобилась “копировальная машина” — нечто, что создает точные копии объектов реального мира.

Вообразите, что можно сделать с такой машиной. Можно разбогатеть, копируя золото, алмазы, изумруды и ценные предметы вроде часов и лэптопов. Но не все дубликаты будут стоить столько же, сколько оригиналы. Если вы скопируете пачку банкнот, у вас может появиться желание потратить эти деньги, но, поскольку для правовой системы важна история (подделка — это нечто, имеющее неправильное происхождение), вы можете надолго попасть в тюрьму. Вы можете поместить в копировальную машину Пикассо, свое обручальное кольцо или автограф Тупака, но тогда вам следует хранить дубликаты отдельно, поскольку они будут стоить гораздо дешевле оригиналов. А если вы скопируете своего хомячка, собаку или ребенка, это вызовет особые моральные и эмоциональные последствия.

Мы начали с малого: с изучения того, понимают ли дети, что нечто может быть ценным оттого, что принад-

лежало известному человеку. Поскольку задача была достаточно сложна, мы задействовали детей постарше — шестилетних. Но и в этой возрастной группе мы сразу столкнулись с проблемой: дети не знали никаких известных людей. (Гарри Поттер не считается — нам нужен был кто-то реальный.) Проблема решилась, когда в Бристоль, где мы проводили эксперименты, приехала Елизавета II. Сразу после ее визита мы начали исследование.

В том, что трехмерных дублицирующих машин не существует, не было особой проблемы. Брюс Худ — фокусник-любитель, и для него было элементарным делом собрать устройство с двумя ящиками перед занавесом.

Чтобы продемонстрировать работу машины, сначала мы открывали ящики. В один из ящиков помещался зеленый деревянный брусок, и обе дверцы закрывались. Экспериментатор что-то настраивал на панели управления и активировал зуммер. Через несколько секунд включался зуммер и на втором ящике. Экспериментатор открывал обе дверцы, чтобы показать, что теперь зеленый брусок есть в обоих ящиках. (“Дубликат” вставлялся другим экспериментатором, который прятался сзади.)

Когда мы демонстрировали детям машину, никто из них не подумал, что это обман. Это соответствует другим исследованиям, показывающим, что дети весьма доверчиво относятся к необычным механизмам. У них нет причины проявлять скептицизм. Они живут в мире гигантских летающих жестянок, разрезающих металл лазерных лучей, говорящих компьютеров. И у нас уже есть — хоть и в рудиментарной форме — двухмерные дублицирующие машины: можно взять бумажку с автографом Майкла Джордана, положить ее в копировальный аппарат, нажать кнопку и получить подпись, неотличимую от оригинала. Что же странного в трехмерной версии такой машины?

Для детей, с которыми мы работали, — ничего. Когда детей попросили объяснить, что они увидели, все ответили: машина скопировала брусок.

Мы предложили детям определить примерную стоимость предмета, раздав им по десять фишек и научив распределять фишки между парами объектов в зависимости от их ценности. Например, детям показывали привлекательную игрушку и камень, и, как только они соглашались, что игрушка дороже, они понимали, что ей нужно присвоить больше фишек.

Затем дети смотрели, как в машину клали маленький металлический кубок или маленькую ложку. Им говорили, что эти предметы — особенные, потому что принадлежали Елизавете II. После “трансформации” дверцы открывались, показывая идентичные объекты (кубки или ложки) в каждом ящике. Затем детям предлагали оценить, сколько фишек “стоит” каждый предмет. В другом случае детям сообщали, что копируемый предмет ценен, потому что он из серебра, а о королеве ничего не говорилось.

Как мы и предсказывали, предметы, принадлежавшие королеве, получали больше фишек, чем дубликаты. Дети знают, что такого рода контакт прибавляет предмету ценности — ценности, которая не переносится на копию. В другом случае, когда речь шла о том, что объект ценен, так как сделан из серебра, этого эффекта не было: ведь дубликат тоже из серебра. Субстанции можно копировать, историю — нет.

А как насчет людей?

Люди — особенно подходящие для эссенциализации индивидуальные объекты. У нас нет повода взглянуть на камень и задуматься, чем он отличается от похожего камня,

лежащего рядом. Но совершенно естественно обращать внимание на отдельных людей. У ребенка есть все основания серьезно отнестись к тому, является ли данная женщина его матерью, и у любой матери должен быть столь же острый интерес к вопросу, какой ребенок — ее. И, как обсуждалось подробно в предыдущей главе, для всех нас важно, к какому именно человеку мы привязаны сексуально или романтически.

Можно ли сказать, что дети особенно чувствительны к личности тех или иных людей? На этот вопрос отчасти отвечают другие исследования, которые мы с Брюсом Худом сейчас проводим с помощью дублицирующей машины. В этих исследованиях с участием четырех- и шестилетних детей мы копируем живых хомячков. Хомяки были из одного помета и, следовательно, внешне неразличимы. (Хотя в одном из наших исследований один хомяк, охочий до еды, набил щеки куда заметнее, чем его “дубликат”. Пришлось заменить.)

Исследования еще продолжаются, но пока мы приходим к выводу, что дети часто отвергают мысль, будто дубликат — в самом деле дубликат. Хотя они соглашаются, что мы успешно скопировали физическое тело хомяка, они не всегда готовы принять, что мы скопировали состояние его психики, включая то, что ему нравится, и то, что он знает. Они рассматривают машину как дубликатор тел, а не сознания. Дубликат — это другая личность.

Зачем останавливаться на этом? Что, если кто-то построит дублицирующую машину большего размера, где вместо ящиков — кабины, и человек сможет войти в одну из них, а затем, незаметно выбравшись, выйти из другой? Что, если бы вы проделали это с матерью ребенка, устроив так, что женщина, вышедшая из второго ящика, будет дубликатом, поддельной матерью? Как поступит ребенок:

съежится от страха, отпрянет в тревоге, закричит, призывая настоящую мать вернуться?

По этическим и практическим соображениям этот эксперимент мы не проводили. Но писатель Адам Гопник провел более мягкую его версию со своей пятилетней дочерью Оливией. Когда ее не было дома, аквариумная рыбка Блуи погибла. Гопник с женой принесли домой рыбку, неотличимую от Блуи. Но в последний момент они решили, что не будут лгать дочери — по крайней мере, не совсем, — и придумали историю: Блуи отправился в больницу, а это брат Блуи, его временный заместитель. Увидев эту идентично выглядящую (и ведущую себя так же) замену, Оливия не слишком обрадовалась.

“Я ненавижу эту рыбку, — сказала она. — Ненавижу. Я хочу Блуи”.

Мы пытались успокоить ее, но бесполезно.

“Но посмотри, он совсем как Блуи!” — слабо протестовали мы.

“Он похож на Блуи, — признала она. — Похож на Блуи. Но это не Блуи. Он чужой. Он меня не знает. Он не мой друг, я не могу с ним поговорить”.

Армии в облаках

Мы обсуждали случаи, в которых индивидуальные объекты приобретают особенное значение из-за контакта, обычно физического, с социальными существами, такими как знаменитости и те, кого мы любим. Мы также обсуждали случаи, когда объекты сами суть социальные существа, животные или люди. В следующей главе мы рассмотрим третий способ, позволяющий объектам стать особенны-

ми — благодаря той или иной связи с человеческими умениями, и это приведет нас в мир искусства.

Некоторые случаи наделения чего-либо ценностью очень необычны и интересны: индивидуальные вещи не являются социальными существами, но мы воспринимаем их в таком качестве. Не новость, что люди склонны очеловечивать, приписывать окружающим объектам человеческие качества. Дэвид Юм писал об этом в 1757 году: “Мы усматриваем на луне человеческие лица, в облаках — армии и в силу естественной склонности, если таковую не сдерживают опыт и размышление, приписываем злую или добрую волю каждой вещи, которая причиняет нам страдание или же доставляет удовольствие”. По словам одного специалиста по когнитивным исследованиям религии, у нас “гипертрофирован социальный интеллект”.

Это может помочь нам объяснить детскую привязанность к любимым объектам вроде плюшевых мишек, одеял и мягких игрушек (которая иногда сохраняется и во взрослом возрасте). Педиатр и психоаналитик Дональд Вудс Винникотт предполагал, что дети используют эти вещи как заменитель матери (или материнской груди). Он называл их “переходными объектами”, чтобы отразить мысль, что это промежуточная станция на пути от привязанности к независимости. Это многое объясняет: сильную привязанность к ним детей и то, почему эти вещи мягкие и приятные, прямо как мама. Это также объясняет кросс-культурные различия: у японских детей реже встречаются такие предметы, чем у американских — предположительно потому, что они чаще спят рядом с мамой и, значит, у них меньше нужды в заменителе.

* Пер. С. Церетели.

Если рассматривать такие объекты, как суррогаты человека, то дети должны быть привязаны к ним как к известным индивидам. Они должны быть незаменимы. И родители иногда сообщают, что дети ведут себя, будто так и есть: отказываются от починки объектов своей привязанности и упираются при предложении их заменить.

Чтобы исследовать этот вопрос, мы с Брюсом Худом использовали машину-дубликатор. Мы подбирали детей, у которых имелся объект привязанности. Он должен был соответствовать нескольким требованиям: кроме прочего ребенок должен был регулярно спать с этим предметом и обладать им хотя бы треть своей жизни. Родители приводили в лабораторию детей с этими предметами. В контрольную группу мы включили других детей, у которых объектов привязанности не было. Их родителей мы попросили принести какой-нибудь предмет, который ребенку просто нравится, например игрушку.

Участникам эксперимента было от трех до шести лет. Исследование было простое. В лаборатории им показывали “копировальную машину” и то, как она работает. Затем экспериментатор предлагал скопировать предмет, принесенный ребенком. Если тот соглашался, экспериментатор помещал объект в ящик, “копировал”, а затем (при закрытых дверцах) спрашивал ребенка, который из двух предметов тот хотел бы оставить себе. Большинство детей, не имевших объектов привязанности, выбирали дубликат: это же круто — копия, созданная машиной! Они были разочарованы, когда мы объясняли им, что это трюк и что их игрушки на самом деле не были скопированы. Дети с особыми объектами привязанности вели себя иначе. Некоторые вообще не позволили экспериментатору положить их вещь в “копировальную машину”. А большинство тех, кто позволил, предпочло забрать домой “оригинал”.

Когда эти исследования стали обсуждаться в прессе, Брюс получил следующее письмо:

Уважаемый д-р Худ!

...Моя 86-летняя мать все еще засыпает каждую ночь с подушечкой из ее детской колыбельки. Она разлучалась с ней лишь на одну ночь за все восемьдесят шесть лет, и это было в тот день, когда она забыла захватить ее с собой в бомбоубежище во время налета. Она взяла с нас обещание, что ее похоронят вместе с этой подушечкой. У нее даже есть имя — Билли.

Не думаю, чтобы она обменяла ее на копию.

Большинство предметов — не такие, как Билли. Мы готовы расстаться с ними или заменить их копиями. Но все вокруг нас — это либо социальные существа, либо нечто, что было в контакте с социальными существами, и даже у самых обыденных вещей есть история. Такова их сущность. А сущность некоторых из этих объектов — вроде Билли или Блуи, рулетки Кеннеди, свитера Джорджа Клуни, пениса Наполеона или пинеток моего ребенка — является источником грандиозного удовольствия.

Глава 5

Зрелища

Утром 12 января 2007 года молодой человек в джинсах, футболке с длинными рукавами и бейсболке зашел на станцию метро в Вашингтоне. Он вынул скрипку, поставил перед собой футляр, бросил туда несколько купюр, немного мелочи — и за следующие сорок три минуты сыграл шесть классических произведений. За это время мимо него прошло более тысячи человек.

Это был не обычный уличный музыкант. Это был Джошуа Белл — один из лучших в мире скрипачей, и играл он на своей скрипке стоимостью три с половиной миллиона долларов, сработанной в 1713 году Антонио Страдивари. Несколькими днями ранее Белл выступал в Бостонском симфоническом зале. Теперь же он стоял перед пассажирами метро, играя за монетки. Этот эксперимент придумал репортер “Вашингтон пост” Джин Вайнгартен. Он предложил провести “беспристрастную оценку общественного вкуса”: как люди отреагируют на высокое искусство в обычном контексте, когда некому подсказать им, что именно и кого они слышат?

Люди провалили экзамен. Мимо скрипача прошло более тысячи человек, и Белл заработал чуть больше тридцати

двух долларов. Неплохо, но ничего особенного. Пассажирам было все равно, что они слышат. Вайнгартен обсудил эксперимент с Марком Лайтхаузером, старшим хранителем Национальной галереи, и тот поместил это безразличие в широкий контекст:

Допустим, я возьму один из наших абстрактных шедевров — скажем, Элсворта Келли, — извлеку из рамы, спущу по пятидесяти двум ступеням, по которым люди поднимаются в Национальную галерею, пройду мимо гигантских колонн и принесу в ресторан. Эта картина стоит пять миллионов долларов. Допустим, мы в одном из тех ресторанов, где продаются оригинальные работы, написанные прилежными ребятами из Школы им. Коркорана*, и я повешу Келли на стену с ценником: “Сто пятьдесят долларов”. Никто не обратит внимания. Какой-нибудь куратор может бросить взгляд на картину и заметить: “Эй, а немного похоже на Элсворта Келли. Соль передайте, пожалуйста”.

Как выражается Вайнгартен, Джошуа Белл, спустившийся в подземку, предстал картиной без рамы.

В самом конце выступления мимо скрипача шла Стейси Фурукава. Она посетила концерт Белла несколькими неделями ранее и, смущенно улыбаясь, остановилась в нескольких метрах от музыканта. Когда он закончил играть, она представилась и протянула ему двадцать долларов. Вайнгартен не включил ее вклад в общую сумму как “вызванный узнаванием”: Фурукава отдала деньги потому, что узнала исполнителя, а не из-за музыки (или не совсем из-за нее).

* Колледж искусств и дизайна им. Коркорана в Вашингтоне.

Этот эксперимент — яркая иллюстрация того, как важен контекст при оценке выступления. В концертном зале с Джошуа Беллом музыка — одно дело, а в метро с каким-то нечесанным парнем в бейсболке — совсем другое.

Умно, но не так уж удивительно. Всем известно, что цена картины взлетает, если оказывается, что ее написал известный художник, и рушится, если обнаруживается, что это подделка. “Ночной дозор” — самая известная картина в Государственном музее в Амстердаме, но если завтра она окажется подделкой, ее цена упадет с безоблачных высот до нуля. Происхождение важно.

Это может показаться иррациональным. Если вам понравился “Ночной дозор”, когда вы думали, что автор — Рембрандт, почему картина должна вам нравиться меньше, если ее написал Вася Пупкин? Если вы заплатите большие деньги, чтобы послушать выступление Джошуа Белла, вам должно понравиться точно такое же выступление незнакомца. На холсте — та же краска. Вы слышите ту же последовательность звуков. Реагировать иначе — это значит выказать себя интеллектуально ленивым снобом со стадным мышлением.

Так считал Артур Кестлер, который в книге “Акт творчества” (1964) рассказывает историю о своей подруге Кэтрин. Она получила в подарок рисунок, который считала репродукцией Пикассо — его классического периода. Рисунок ей понравился, и она повесила его на лестнице. Но когда Кэтрин отдала его на оценку и оказалось, что автор — сам Пикассо, она перевесила рисунок на видное место. Она настаивала, что теперь видит картину в другом свете. Теперь она стала выглядеть лучше.

Кестлер отреагировал с раздражением: “Оказалось совершенно бесполезно повторять ей, что происхождение и редкость предмета не меняют его качеств — и, соответ-

ственно, не должны были изменить его ценность для нее, если бы речь, как она сама утверждала, шла о чисто эстетических критериях”. Он также пишет, что было бы отлично, если бы она просто признала: ее возбуждает сам факт обладания Пикассо. И ему ужасно не нравится, как она теперь настаивает, что произведение стало красивее, чем раньше, когда она считала его репродукцией.

Для Кестлера Кэтрин — сноб. Сноб — это человек, применяющий неадекватные стандарты. Социальный сноб — человек, который выбирает друзей, руководствуясь их статусом, а не личными качествами. Кестлер рассказывает и о сексуальном снобе — молодой женщине из Берлина еще догитлеровских времен, которая занялась бы сексом с любым писателем или писательницей, если их книги проданы тиражом более двадцати тысяч экземпляров. Кестлер находит это возмутительным: “У нее в голове безнадежно перепутались ‘Камасутра’ и список бестселлеров”. Кэтрин для него — сноб от искусства. Она получает удовольствие не от самого произведения, а от знания, кто его создал.

С этим согласился бы голландец Хан ван Меегерен. Он ненавидел современное искусство, и его карьера началась с картин в стиле Рембрандта. Успеха он не добился, и с критиками ему совсем не повезло. Один из них удивительным образом предвосхитил будущее: “У него есть все достоинства, кроме оригинальности”.

Отчасти из мести, отчасти чтобы разбогатеть, он начал писать Вермееров. Критики неистовствовали. “Христос в Эммаусе” был, вероятно, самой знаменитой в Голландии картиной. Ведущий знаток голландского барокко экзотически восклицал: “Мы столкнулись с шедевром — я склонен даже назвать его Шедевром — Яна Вермеера Делфтского”. Ван Меегерен, человек самовлюбленный, приходил

посмотреть на свою картину в Музее Бойманса — ван Бенингена и громко рассказывал другим посетителям, что это подделка — просто чтобы услышать, как они отвечают, что это чушь, что лишь гений уровня Вермеера мог так рисовать.

Может быть, его бы никогда не поймали, но он был арестован за продажу Вермеера нацисту Герману Герингу и обвинен в измене. Затем он признался, что продал не Вермеера, а ван Меегерена — и что многие другие Вермееры были ван Меегеренами.

Я начал книгу, описав этот эпизод с точки зрения Геринга, но представьте, как унижительно это было для критиков. Конечно, у некоторых из них в свое время имелись сомнения, а некоторые современные критики считают невероятным то, что вообще можно было в этом случае обмануться. (Среди прочих претензий такая: одно из лиц на картине подозрительно походит на лицо Греты Гарбо.) Но многие критики в то время пели дифирамбы красоте этих произведений. Впрочем, они отреклись от своих слов, как только выяснили, кто художник. Один эксперт написал, что “после разоблачения ван Меегерена стало очевидно — его подделки были гротескно уродливыми и неприятными картинами, совсем не похожими на Вермеера”.

Недавно мы, возможно, столкнулись с аналогичным случаем. В 2004 году на “Сотбис” после долгих дебатов об авторстве была продана картина “Молодая женщина, сидящая за клавесином”. Эксперты решили, что это Вермеер — отсюда и высокая цена. Но если окажется, что они ошиблись, как некоторые думают, то ее стоимость рухнет, и нам вновь доведется лицезреть весьма смущенных арт-критиков. Вероятно, кто-то из них заключит, что картина не столь чудесна, как они считали прежде.

Если картина окажется подделкой, она может закончить свой путь в Музее им. Брюса в Гринвиче, штат Коннектикут, в часе езды от моего дома. Именно там сейчас “Христос в Эммаусе” — как экспонат специальной выставки подделок. Это маленький приятный музей, и когда я стоял перед картиной, мне пришло в голову, что я могу снять ее со стены, пройти мимо пожилой смотрительницы и увезти полотно домой в своем минивэне. Если бы я попытался провернуть это в начале 1945 года, я бы совершил одну из крупнейших в истории краж произведений искусства. Теперь же это был бы просто анекдот. Воображаю газетные заголовки: “Сумасшедший профессор украл ничемную картину”.

Так что изменилось? Почему подделка радует нас куда меньше подлинника? Я попытаюсь ответить на этот вопрос. Эту главу мы начали с картин и музыки, дальше перейдем к искусству в целом, а после займемся удовольствиями вроде спорта. Я предполагаю, что наша одержимость историей и контекстом — то, что мы видим в эксперименте Белла, в истории Кэтрин и во взлете и падении “Христа в Эммаусе”, — не снобизм и не глупость. Удовольствие, которое мы получаем от искусства, во многом коренится в нашем понимании того, какая именно человеческая история связана с его созданием. Это его сущность.

Бальзам на уши

Как и с другими удовольствиями, которые мы обсуждали выше — секс, пища, потребительские продукты, — я признаю, что наша реакция на музыку и картины не всегда глубока в том смысле, в каком меня это интересует. Некоторые вещи просто приятно слушать или рассматривать —

по причинам, никак не связанным с эссенциализмом, историей и контекстом.

И мы не обязательно понимаем, почему. В 1896 году Дарвин охарактеризовал любовь к пению или музыке как одну из самых загадочных человеческих черт. Так обстоит дело и сейчас. Нет ничего загадочного в удовольствии от еды, воды, секса, тепла, отдыха, безопасности, дружбы и любви — все это хорошо и с точки зрения выживания, и с точки зрения воспроизводства. Но почему мы так любим ритмичные серии звуков? Почему люди повсюду посвящают столько времени и энергии танцам и песням? Женщины племени мекраноти в Амазонии поют от одного до двух часов в день, а мужчины — по два и более часа по вечерам. Они едва сводят концы с концами, но целыми часами поют! Это кажется пустой тратой времени, настолько пустой, что она может отвратить вас от эволюционной биологии и заставить поверить в божественное вмешательство. Курт Воннегут просил написать на своей могиле: “Для него необходимым и достаточным доказательством существования Бога была музыка”.

Музыка — исключительно человеческое удовольствие. Она может “усмирить дикаря”*, но только человека, а не крысу, собаку или шимпанзе. Возможно, есть контр-примеры (если вы скажете, что вашего кота восхищает ваша игра на гитаре, разве я смогу с этим поспорить?), но нет экспериментальных свидетельств, что животные (не люди!) проявляют какой-либо интерес к музыке. Это можно проверить так: поместить животное в лабиринт, где разным участкам соответствуют разные звуки, и определить, что нравится животным, наблюдая за тем, куда они идут. Используя этот метод, исследователи установили,

* Цитата из пьесы Уильяма Конгрива “Невеста в трауре” (1697).

что приматы вроде тамаринов и мартышек предпочитают тишину колыбельным и не предпочитают гармонию какофонии. Обезьянам все равно, ставите вы им рок-музыку или запись скрипа ногтей по классной доске.

Напротив, почти все люди любят музыку. Младенцев обследовать на этот счет сложнее, чем мартышек (не заставишь же их бегать по лабиринту), но есть методы, позволяющие определить их предпочтения. Например, проследить за тем, как младенцы поворачивают голову на звук, и отмечать, каким звукам они охотнее уделяют внимание. В таких экспериментах выяснилось, что младенцы предпочитают гармоничную музыку и любят колыбельные. Это удовольствие от музыки сохраняется и позднее, и, хотя степень удовольствия может варьироваться, совершенно равнодушны к музыке лишь люди с травмой мозга.

Психолог Стивен Пинкер характеризует музыку как универсальный человеческий феномен, весьма похожий на случайность. Для него музыка — это “акустический чизкейк”, изобретение, которое “щекочет” мозг так же, как чизкейк — небо: “Чизкейк наносит мощный вкусовой удар, как ничто другое в природе, потому что это смесь в огромных дозах приятных раздражителей, которую мы изобрели специально, чтобы нажимать на кнопки наслаждения”. Пинкер доказывает, что это касается и искусства в целом, за возможным исключением художественной литературы.

Каких же “кнопок” — или “струн”? — касается музыка? Пинкер предлагает несколько вариантов, в том числе язык, который объединяют с музыкой необычные качества: язык и музыка основаны на правилах и рекурсивны, опираются на ограниченный запас блоков (в языке это слова и морфемы, в музыке — ноты), позволяющий составлять

потенциально бесконечное число иерархически структурированных последовательностей. Но есть и различия. Язык — это система несущих смысл высказываний. Музыка может передавать эмоции (вспомните напряжение, создаваемое главной темой фильма “Челюсти”), но она совершенно не годится на роль коммуникационной системы, так как неспособна передать даже простейшие суждения. Музыка приносит удовольствие благодаря звучанию, язык обычно нет. Мы чаще наслаждаемся в языке тем, что сказано, а не тем, как именно сказано. С другой стороны, мы получаем удовольствие от пения, соединяющего музыку и язык, и любому младенцу нравится звук голоса матери.

Другие ученые предполагают, что музыка — это адаптация. Они не отрицают, что удовольствие от музыки в определенной степени основывается на других, эволюционно развившихся раньше участках мозга. В биологии новое всегда происходит из чего-то старого. Но говорить, что музыка есть адаптация — значит утверждать, что она существует потому, что предоставляла нашим предкам репродуктивное преимущество: гены тех, кто творил музыку и получал от нее удовольствие, распространялись лучше, чем гены тех, кто этого не делал.

Главный сторонник этого подхода сейчас — психолог Дэниел Левитин. Он предполагает, что синхронные танцы и песни эволюционировали как элемент социальной адаптации. Музыка может способствовать координации военных операций, может упростить выполнение коллективных задач, и, прежде всего, она помогает устанавливать эмоциональные связи с другими людьми. Если Левитин прав, то история эволюции музыки будет примерно такой же, как история эволюции других признаков, соединяющих человека с его группой — например, чувства солидарности и общности.

Но даже если бы музыка давала такие преимущества, обосновать адаптационный подход невозможно без доказательств, что она существует именно поэтому. Нужно убедительно аргументировать, что тех из наших предков, которые не знали музыки, неохотно принимали их товарищи, и им меньше везло с сексуальными партнерами, чем соседям, освоившим музыку. Еще понадобится обосновать, в чем специфические особенности музыки. Если, скажем, важна именно синхронность, то почему бы нам просто не ворчать, выть и вопить в унисон? Почему нас так трогает сложность музыки, тоны, аккорды и так далее?

В любом случае, подход Левитина указывает на нечто важное и глубокое в удовольствии от музыки, нечто, упускаемое из виду многими учеными. Это важность движения. В большинстве языков есть слово, обозначающее разом и танец, и пение, и когда люди слушают музыку неподвижно, участки двигательной коры и мозжечка — части мозга, отвечающие за движение, — активизируются. Вот почему мы раскачиваемся под музыку — это импульс, перед которым ребенок не может устоять. Было бы научной ошибкой разрабатывать теорию музыки исходя из тональных схем как центрального феномена, подлежащего объяснению. Это было бы нечто вроде теории полового поведения, построенной на изучении только секса по телефону, или теории пищевых предпочтений, основанной на исследовании людей, лишенных обоняния.

Есть данные, что если вы движетесь синхронно с другими людьми, то они вам больше нравятся, вы чувствуете связь с ними, вы щедрее к ним. Песни и танцы — идеальный инструмент тимбилдинга. Большинство из нас знакомы с тем эмоциональным возбуждением, которое происходит при соединении рук и танце на еврейской свадьбе, или когда вы танцуете на рейв-дискоотеке, или поете в пабе

с пьяными друзьями. Можно проникнуться этим опытом и опосредованно, наблюдая, как поют и танцуют другие, как в знаменитом видеоролике “Где это, черт возьми, Мэтт?”*, в котором восторженный, ничем не примечательный американец танцует с людьми из разных частей света. Этот эффект музыки может объяснить, почему религиозные обряды так часто сопряжены с танцами и пением: они обеспечивают солидарность с единоверцами.

Но говорить, что песни и танцы — элемент адаптации, потому что они связывают вас с сообществом, значит уходить от вопроса, почему мы так устроены, что чувствуем связь с теми, с кем танцуем и поем? Никто не знает. Есть адаптационные объяснения, но мне интересно — а не может ли это быть лишь сбоем в системе? Если я танцую с другими и они двигаются со мной, а их тела движутся так, как мое, то это вводит меня в заблуждение, и границы моего “я” раздвигаются.

Пока мы рассматривали музыку в общем ключе. Возможно, безнадежно общем. Пристрастие к определенной музыке отчасти определяется тем, что человек слышит вокруг: топ-40 в Индии — не то же, что топ-40 в США. Даже внутри страны между людьми есть различия. В моей семье очень разные взгляды на блюграсс, трэш, классический рок и оперу, так что долгие автомобильные поездки требуют серьезных переговоров о том, кто контролирует радио.

Мы знаем, что отчасти наши вкусы формируются в раннем возрасте. В ходе одного эксперимента матери давали своим детям, находившимся в утробе, послушать определенные музыкальные произведения (произведения

* См.: <http://www.youtube.com/watch?v=zlfKdbWwruY>.

Вивальди, “Бэкстрит бойз” и так далее) и затем не включали их до второго года жизни ребенка. Выяснилось, что годовалые дети предпочитали ту музыку, которую слышали до своего рождения.

Большую часть времени бодрствования люди слушают музыку пассивно. Можно ожидать — это очень простая гипотеза, — что нам нравится скорее та музыка, которую мы слышим часто. Это вариант того эффекта “привязанности к знакомому”, о котором мы говорили применительно к сексу. Знакомое — это хорошо. Проблема в том, что слишком знакомое приедается и становится неприятным. Правило удовольствия — это перевернутая буква *U*: когда вы что-то слышите впервые, оно с трудом поддается обработке и не доставляет удовольствия. По мере повторного воспроизведения мозгу становится легче обрабатывать музыку, и она становится приятной, а после она оказывается слишком простой, а значит, скучной и даже раздражающей. Мы можем относиться к какой-то пище сначала настороженно, потом есть ее часто и с удовольствием, но мало кому понравится есть одно и то же тысячу раз подряд. Что касается музыки, то пик перевернутой буквы *U* может “длиться” какое-то время, но любая песня станет невыносимой, если ее слушать достаточно часто. Эта кривая растягивается или сжимается в зависимости от сложности музыки. Сложная пьеса требует немало времени, чтобы понравиться, а потом немало времени, чтобы устать от нее, а песенка вроде “У Мэри был ягненок” пройдет по этой кривой гораздо быстрее.

Еще один фактор, объясняющий, насколько вам нравится песня (или музыкальный жанр в целом), — это в каком вы были возрасте, когда услышали эту музыку впервые.

В 1988 году невролог Роберт М. Сапольски провел неформальный эксперимент. Он связался с радиостанциями и спросил у их сотрудников, когда появилась большая часть той музыки, которую они ставят, и каков средний возраст их слушателей. Он выяснил, что большинство людей впервые услышали ту музыку, которая полюбилась им навсегда, в возрасте двадцати лет или младше. Если же вы старше двадцати пяти, когда появляется какой-то новый музыкальный стиль, он вряд ли вам понравится. По словам Сапольски, “не многие семнадцатилетние влюбятся в сестер Эндрюс, ‘Рейдж эгейнст зе машин’ нечасто звучит в домах престарелых, а самые преданные поклонники... Джеймса Тейлора не будут носить свободные джинсы”.

Почему? Есть искушение принять здесь простое неврологическое объяснение. Наши мозги вначале мыслят широко, а после “окаменевают”. Но, как отмечает Сапольски, нельзя сказать, чтобы в этом возрасте люди становились менее открытыми для новых впечатлений. Окно для новых музыкальных вкусов открывается в особый период жизни, отличный от того, что происходит, например, с едой.

У Левитина есть идея получше. Музыка — вещь социальная, и кристаллизация музыкальных предпочтений привязана к тому времени жизни, когда вы ассоциируете себя с определенной социальной группой, когда вы решаете, что вы за человек. В современных западных обществах это происходит поздно — примерно в конце второго десятилетия жизни и начале третьего. Это совпадает с данными Сапольски. Такого рода социальная теория может объяснить, скажем, и то, что из всевозможной музыки, воздействию которой подвергаются молодые люди, они выбирают новейшие стили. Это потому, что они хотят определенно

ассоциироваться со своими современниками. Как пишет экономист Тайлер Коуэн, “проблема старой музыки очень проста. Она кому-то уже понравилась. И даже хуже: этим кем-то могут быть ваши родители”.

Приятное взгляду

Как и в случае с музыкой, некоторые визуальные наслаждения поверхностны. Некоторые цвета и схемы просто приковывают взгляд. Родители не просто так украшают стены детских комнат повторяющимися яркими узорами. Детям они нравятся, и это никак не связано с эссенциализмом.

Такие предпочтения изучает научная область, именуемая экспериментальной эстетикой. Психологи рисуют геометрические фигуры, скажем, многоугольники, меняя такие параметры, как типичность и симметрия, и спрашивают у испытуемых, что они предпочитают. Такие исследования подкрепляют описанный выше подход (вспомните перевернутую букву *U*), также как и объяснение предпочтения красивых лиц, приведенное в главе о сексе: людям нравятся изображения, которые легко обработать.

Эти исследования, однако, не дают прочного основания для изучения визуальных наслаждений. Трудно понять, что можно узнать о визуальном удовольствии, показывая людям изображения, на которые они сами бы смотреть ни за что не стали. Я не хочу принижать значение этих исследований: в других целях, возможно, интересно понять, почему люди предпочитают одну геометрическую фигуру другой. Но мы не станем платить деньги и тратить время, разглядывая на дисплее черно-белые многоугольники. Они не доставляют нам удовольствия.

А что доставляет? Сразу приходит на ум, что людям нравится смотреть на реалистичные изображения мирных домашних сцен, цветов и пищи, красивые ландшафты и, прежде всего, на людей — в том числе тех, кого мы любим и кем восхищаемся. Если вы сейчас у себя дома или в офисе, то я уверен, что, взглянув на рукотворные изображения вокруг, вы увидите именно такого рода сюжеты. Ваша заставка на экране компьютера может показывать лес или пляж, на столе могут стоять фотографии любимых людей, и так далее. Масса произведений искусства не вписывается в эту схему, и я позже рассмотрю картины Джексона Поллока и подобные им, но стоит отметить, что многие визуальные сюжеты вокруг нас — это попытки изобразить все те же вещи, на которые нам в реальности нравится смотреть.

Простой пример: порнография. Многим нравится смотреть на привлекательных обнаженных людей по самым обыденным, дарвинистским причинам. Но такие привлекательные обнаженные люди далеко не всегда оказываются под боком, когда они нужны. И тогда мы создаем двухмерные суррогаты, чтобы симулировать этот опыт, и таким образом внушаем себе практически то же чувство, какое вызвали бы реальные люди. Вы реагируете на эти суррогаты не как на произведения искусства, а как на обнаженных женщин (или мужчин, или пары, или на тех, кто занимается сексом втроем, и так далее).

Удовольствие от бутафорской наготы получают не только люди. В недавнем исследовании самцов макак-резусов поместили в экспериментальную среду, где они могли движением головы выбрать, получить ли сладкий фруктовый сок или же посмотреть на картинку. Выяснилось, что есть два вида картинок, ради которых макаки готовы отказаться от сока: зады самок и морды самцов, обладающих высоким

статусом. Оказывается, порнография и поклонение знаменитостям свойственны не только людям.

Раньше считалось, что способность оценивать реалистичные изображения приходит только с обучением. И есть немало сказок об антропологах, находивших примитивные племена, не способные понять, что такое изображения, потому что никогда их не видели.

Один остроумный эксперимент, проведенный в 1962 году, доказывает, что это чепуха. Психологи Джулиан Хохберг и Вирджиния Брукс взяли ребенка и воспитывали его, не показывая никаких картинок, до 1 года 7 месяцев. (Ребенок был их собственный, но в статье об этом не говорится.) Потом они показали ему фотографии и карандашные рисунки знакомых предметов и попросили их назвать. Он легко справился с заданием. Недавние исследования показывают, что даже младенцы могут интуитивно постичь соответствие между реалистичным изображением и объектом, который на нем изображен. Если вы дадите пятилетнему ребенку поиграть с куклой, потом уберете ее и покажете два изображения — той же куклы и другой, то ребенок будет дольше смотреть на изображение неизвестной куклы. Это говорит о восприимчивости к соответствию между знакомой куклой и ее изображением.

Дети могут быть так захвачены картинками, что рассматривают их как сами предметы. Внимательные родители замечают в детях странное поведение — те пытаются наступить на изображение туфли или скребут картинку, пытаясь добраться до предмета. Тщательные экспериментальные исследования показали, что такое поведение наблюдается не только в США, где дети часто сталкиваются с изображениями, но и, скажем, в необразованных и бед-

ных семьях в Кот-д'Ивуаре, где изображения редки. Дети могут отличить картинку от реальных предметов (они с гораздо меньшей вероятностью станут тянуться к картинкам), но притягательности, обусловленной сходством, иногда просто трудно противостоять.

Это касается и взрослых. Иногда нам трудно не думать об изображении как о той вещи, которую оно изображает. Психолог Пол Розин и его коллеги провели ряд чудесных исследований: они просили людей подержать во рту резиновые комки рвоты или съесть помадку в виде собачьих фекалий. Для многих из нас это трудно: это же рвота, это же фекалии! Мы с коллегами недавно провели серию исследований, где фотографировали драгоценные для людей предметы, например обручальные кольца, а потом просили их разрезать эти фотографии. Они были готовы это сделать, но измерения электропроводимости кожи показали, что подопытных посещала легкая тревога, как будто они уничтожали сами предметы. А если попросить людей бросать дротики в фотографии младенцев, они будут промахиваться.

Демонстрация и приспособленность

Вот несколько причин, почему люди могут высоко ценить картину.

1. Она может быть привлекательна на базовом уровне. Очертания и цвета могут радовать глаз.
2. Она может напоминать что-то привлекательное — яркие цветы, красивое лицо.
3. Она может быть знакомой. Это эффект “привязанности к знакомому”: знакомство порождает удоволь-

стве. Отмечается ли этот эффект в случае живописи? Психолог Джеймс Каттинг спрашивал, почему люди любят тех или иных французских импрессионистов. В ходе одного исследования он выяснил, что взрослые (не дети) обычно предпочитают те картины, репродукции которых часто публиковались, менее известным. Конечно, это может быть не эффект знакомства. Может быть, все наоборот: картины, которые публикуют чаще, действительно лучше других, и взрослые реагируют именно на это высокое качество, а не на частоту появления картины. Эту гипотезу Каттинг проверил в другом исследовании: он показывал слушателям своего курса по визуальному восприятию картины менее известных импрессионистов — каждую всего на несколько секунд, без каких-либо комментариев, в презентациях “Пауэрпойнта” по другим темам. Потом, в конце семестра, он проверял студентов, спрашивая, какие из картин им понравились больше. Выяснилось, что эти короткие показы переворачивают обычную схему предпочтений. Теперь студенты стали предпочитать менее известные картины более известным лишь из-за того, что видели их недолго. Таким образом, один лишь взгляд на картину побуждает ценить ее выше.

4. Картина может ассоциироваться с приятным воспоминанием. Это очень важно для фотографий, которые запечатлели события вроде свадеб, выпускных вечеров и восхождений на Эверест.
5. Она может хорошо вписываться в интерьер. (В конце концов, форма картины влияет на ее цену.)
6. Она может повышать ваш статус, производя впечатление на тех, кто видит, что вы — ее владелец. Изображение Христа на кресте или за столом сигнализирует о вашей набожности. Модернистская картина показы-

вает, как много вы знаете об искусстве и как им интересуетесь. Провокационная картина может говорить о религиозной или сексуальной утонченности. А оригинал известного художника — простой, некрикливый способ показать окружающим, насколько вы богаты и успешны. Конечно, это приносит удовольствие.

7. Она может приобретать ценность от “положительного заражения”. Как мы обсуждали в предыдущей главе, сам факт контакта вещи с кем-либо знаменитым и уважаемым может увеличивать ее ценность.

В этом списке нет одного критически важного фактора. Мы также интересуемся тем, как именно были созданы картины, и получаем удовольствие от того, что мы считаем природой этого творческого процесса.

Этот подход философ Деннис Л. Даттон обосновывает в важной книге “Инстинкт искусства”. Для Даттона очарование произведений искусства отчасти состоит в том, что они выступают как “дарвинистская проверка на приспособленность”. Он обосновывает это в контексте теории полового отбора, которую выдвигал Дарвин, а затем развивал психолог Джеффри Миллер, чью работу мы обсуждали в контексте секса. Согласно этой теории, искусство сродни павлиньему хвосту. Оно развилось как признак приспособленности, как способ привлечения партнера.

Лучшей аналогией искусства в животном мире Миллер считает шалашников — птиц, обитающих в Новой Гвинее и Австралии. Их самцы — художники. Они строят своеобразные шалаши, собирают яркие вещицы — ягоды, ракушки, цветы — и украшают ими постройки. Самки — жестокие и привередливые критики. Они осматривают шалаши, выбирая самые творческие решения, и спариваются с их создателями. Успешный самец может спариться

с десятью самками, а неудачливому грозит целибат. После спаривания самка улетает, чтобы отложить яйца, и самец больше не встречается с ней. Жизнь успешного самца шалашника во многом напоминает жизнь Пабло Пикассо.

Таким образом, половой отбор поощряет творчество самцов шалашника: самки рассматривают шалашники как знак приспособленности — наличия интеллекта, умений, дисциплины и так далее (хорошо ведь, если потомство унаследует эти признаки). Миллер и Даттон считают, что человеческая тяга к искусству формировалась под влиянием таких же факторов. Хорошее произведение искусства трудно создать. Отличный художник умеет планировать и учиться, демонстрирует интеллект и творческие способности, а также достаточно успешен в решении элементарных жизненных проблем (пища, убежище и так далее), чтобы найти время и ресурсы для неутилитарных задач. Самкам шалашника это по вкусу, как и женщинам. Вот лозунг Ренуара: “Я пишу свои картины penisом”.

Дарвин высказывал аналогичную догадку насчет музыки. Он предположил, что она возникла отчасти ради привлечения внимания противоположного пола. Нетрудно увидеть, чем могут впечатлить песни и танцы: сохранение ритма в течение длительного времени — практическая демонстрация ума, изобретательности, выносливости и контроля над телом (конечно, все это положительные качества мужчины). И не нужны эмпирические исследования, чтобы показать, что в наши времена успешные музыканты, от Мика Джаггера до Джошуа Белла, не испытывают особых проблем с поиском партнеров. Музыкальные способности влекут к себе, и теория полового отбора — вполне возможный вариант объяснения происхождения музыки.

Но, хотя я и согласен с Даттоном и Миллером в том, что искусство может быть демонстрацией приспособлен-

ности и что тяга к творчеству и наше удовольствие от таких произведений в определенной степени могли сформироваться под влиянием полового отбора, у этой теории есть изъяны. Она не может объяснить, например, почему нам нравится искусство.

Очевидный факт: у самцов павлина пышный хвост, а у самок его нет. Самцы шалашника строят шалаши и украшают площадки перед ними, а самки их оценивают. Так работает половой отбор. Издержки секса для женщины обычно выше (у большинства животных самки воспитывают потомство, тогда как мужчины вкладывают лишь сперму и немного времени), и поэтому отбор идет в одном направлении: самцы соревнуются за внимание самок, а самки судят самцов.

Эта модель совсем не подходит для людей. Миллер доказывает, что мужчины больше мотивированы творить, чем женщины, и что женщины лучше мужчин приспособлены к тому, чтобы судить об искусстве. В какой-то мере, может, это и верно, но в обществах, где шанс создавать произведения искусства есть у каждого, совсем немало поэтесс, писательниц, художниц, певиц и так далее.

Логичный ответ: люди — не павлины. Мы относительно моногамны, и у нас половой отбор может работать в обе стороны, оба пола могут демонстрировать свою приспособленность и оценивать потенциальных партнеров. Но остается проблема: оценка искусства зачастую ничего общего не имеет с сексуальным интересом. Мужчине не обязательно быть геем, чтобы восхищаться работами Пикассо. Дети, которым еще нет дела до поиска партнеров, — одни из самых заинтересованных художников на свете, да и пожилые люди, в том числе женщины, давно вышедшие из репродуктивного возраста, получают удовольствие от творчества.

Есть и более общее соображение. Теория полового отбора может объяснить, почему Пикассо было так легко искать партнеров: его творения были отражением его дарвинистских достоинств. Однако это объясняет привлекательность художника, а не удовольствие, которое люди получают от искусства. Почему людям так нравятся картины Пикассо, хотя его самого давно нет в живых?

Рассмотрим теперь модифицированную теорию — в двух частях. Во-первых, демонстрация ума, дисциплины, силы, скорости и так далее привлекает наше внимание, потому что она открывает соответствующие качества человека.

Разве не в этом аргумент Миллера и Даттона? Да, отчасти. Мужчины демонстрируют что-то в надежде привлечь женщин к спариванию, а женщины оценивают эти демонстрации, чтобы выбрать партнера с лучшими генами. Но дело не только в сексе. Мы оцениваем, каковы другие люди в качестве друзей, союзников, лидеров. И хотя все это хладнокровные расчеты, нам часто приходится оценивать качества наших детей, чтобы понять, у кого больше шансов на выживание и воспроизводство в дальнейшем. Героине романа «Выбор Софи» Уильяма Стайрона приходится выбирать, кого отправят в газовую камеру в Аушвице — ее младшую дочь Еву или сына, голубоглазого блондина Яна. Она решает пожертвовать Евой: чудовищное, но логичное решение, учитывая, что у Яна больше шансов выжить в лагере. И даже в мире избытка такие дилеммы существуют, но в мягкой версии: родителям часто приходится перераспределять ресурсы между детьми, и они не всегда выбирают совершенно справедливый вариант. Соответственно, в интересах детей впечатлить маму и папу своими умениями.

Здесь стоит подчеркнуть, что теория оценки приспособленности — это утверждение о том, как искусство эволюционировало, почему нас тянет творить и наслаждаться творчеством. Это не утверждение о психологической мотивации, сознательной или бессознательной. Когда ребенок гордо показывает отцу рисунок, он не имеет в виду: “Это его впечатлит, и он даст мне еды больше, чем моему брату”. Когда вы восхищаетесь картиной, вы едва ли думаете: “Виртуозность и уровень этой работы говорит о высоких качествах художника. Я попытаюсь с ним спариться или подружиться”. Эволюционные функции никак не связаны с психологической мотивацией. Уильям Джемс давным-давно отметил это применительно к пище: ни один человек не думает во время еды о пользе. “Он ест, потому что пища приятна на вкус и побуждает его хотеть еще. Если вы спросите его, почему он должен хотеть еще пищи, похожей на эту, вместо уважительного взгляда, какого заслуживает философ, он осмеет вас как глупца”.

Вторая часть теории состоит в том, что благодаря эволюции мы научились получать удовольствие от виртуозного демонстрационного поведения. Это мотивирует нас искать такие демонстрации, побуждает нас к ним и формирует психологический механизм, лежащий в основе притяжения к художникам: они способны создавать предметы, дающие нам столько удовольствия, а нам нравятся те, кто дарит нам радость.

Если картины и прочие статичные произведения — это демонстрация тех или иных качеств, то мы понимаем и оцениваем их отчасти исходя из того, что мы думаем о процессе их создания. Историчность произведений искусства подчеркивали многие ученые, но наиболее твердо высказался Даттон около двадцати пяти лет назад:

Произведения искусства, как и зрелища, отражают способности, с помощью которых художники решают проблемы, преодолевают препятствия, добиваются чего-то, используя доступные материалы. Конечный продукт создается для нашего созерцания, как предмет особого интереса, возможно, изолированно от других объектов искусства или другой деятельности художника. Но такая изоляция, которая часто характеризует нашу модель внимания к эстетическим объектам, не должна заслонять от нас тот факт, что произведение искусства имеет истоки в человеческой деятельности и должно рассматриваться именно с этой точки зрения.

Идея, таким образом, в том, что определенные способы демонстрации, включая произведения искусства, дают нам ценную и положительную информацию о другом человеке. В ходе эволюции мы научились получать удовольствие от таких демонстраций. Это еще один пример действия эссенциализма, еще один случай, когда вещи кажутся соединенными с невидимыми сущностями, которые делают их тем, чем они являются. Возьмите, например, кусок мяса: его сущность материальна. А сущность человеческого творения вроде картины — лежащее в его основе предполагаемое исполнение.

Действительно ли люди думают, что у произведений искусства есть невидимые сущности, укорененные в их истории? Я думаю, да, — и даже маленькие дети так считают. Я заинтересовался психологией искусства больше десяти лет назад, когда мой двухлетний сын размазал краску по картону и гордо сообщил мне, что получился “самолет”. Меня как специалиста по возрастной психологии это удивило: ученые в моей сфере пришли к консенсусу, что дети называют предметы исходя из их внешнего вида,

и для ребенка слово “самолет” должно было относиться к чему-либо похожему на самолет. Но рисунок Макса совсем не был похож на самолет, это было цветное пятно. Поведение моего сына не уникально. Сверившись с литературой, я выяснил, что это совершенно типично для детей — рисовать картинки и называть их: “собачка”, “день рождения”, “мама” (хотя картинки ни на что из перечисленного не похожи).

Вместе со своей аспиранткой Лори Марксон я исследовал идею, что названия возникают не потому, что картинки на них похожи; их выбирают исходя из истории рисунка. Это был самолет, потому что Макс хотел нарисовать самолет. Гипотеза подтвердилась в серии исследований, показавших, что даже трехлетние дети называют свои рисунки исходя из того, что собирались нарисовать. Мы также выяснили, что это касается и рисунков, созданных другими людьми. Если трехлетний ребенок видит, что некто смотрит на вилку и рисует каракули, то он потом назовет каракули “вилкой”, а если модель смотрела на ложку, то “ложкой”. В позднейших исследованиях, проведенных при участии Мелиссы Аллен, я выяснил, что даже двухлетние дети обращаются к истории рисунка, когда решают, как его назвать.

Исполнители

Внимание к истории помогает объяснить, почему мы предпочитаем оригиналы копиям.

В XX веке философы доказывали, что развитие технологий репродукции уничтожит это стремление. Вальтер Беньямин считал, что “впервые в человеческой истории механическая репродукция освобождает мир искусства от его паразитической зависимости от реальности”. Андре

Мальро утверждал, что оригиналы утратят свое значение, поскольку любой музей сможет заполучить все произведения искусства в мире. Да и зачем теперь нужны музеи? В доме Билла Гейтса в Сиэтле на стенах висят большие экраны, на которых демонстрируются произведения искусства. Представьте себе, что такие экраны есть в каждом доме и они способны показать любую картину, какую хотите.

Но оригинал по определению всего один, так что с его созерцанием (а еще лучше — с обладанием им) всегда будет связан определенный статус. К тому же оригинал соприкасался с художником, и, как я указывал в предыдущей главе, такого рода положительное заражение очень привлекательно. И, главное, у оригинала есть история, поскольку он рождается в процессе творчества, куда более впечатляющим, нежели технические навыки фальсификатора. Именно наша восприимчивость к истории объясняет, почему любовь к оригиналам никогда не ослабеет.

Внимание к исполнению также поможет нам понять разногласия по поводу искусства. Например, возьмем абстрактные картины Джексона Поллока. На многих они не производят впечатления. Негативная реакция связана в том числе с тем, что эти картины не демонстрируют каких-то очевидных навыков автора. Они выглядят простыми (обычная реакция: “Такое и мой ребенок сумеет”). Специалист по образованию в сфере искусства Филип Йенавин возражает. Он описывает одну из работ Поллока — “Один: № 31” (1950). Он напоминает об ее огромных размерах (около трех метров в высоту, более пяти метров в ширину) и восхищается техническими и творческими задачами, которые нужно было решить: изобразить стремительные линии, собрать воедино элементы, и так далее. Если вы думаете, что это просто, замечает он, почему бы вам самим не попробовать?

Разногласия по поводу Поллока, таким образом, отчасти представляют собой разногласия по поводу истории его работ. Если бы Йенавин мог убедить скептика, что создавать такие картины сложно, то работа Поллока приобрела бы для скептика вес. Точно так же, если бы Йенавин увидел, как шестилетний ребенок в течение десяти минут льет краску на огромный холст, создавая нечто неотличимое от “Один: № 31”, то, я уверен, он бы никогда не смог наслаждаться работами Поллока, как прежде.

На что мы обращаем внимание, оценивая исполнение? Грубое, но обоснованное соображение: это предполагаемый объем затраченных усилий. Психолог Джастин Крюгер с коллегами проверил это, демонстрируя испытуемым стихотворение, картину или боевой доспех и рассказывая истории о том, сколько времени ушло на их создание. Например, участникам эксперимента показывали абстрактную картину Деборы Клевен; половине говорили, что на ее создание ушло четыре часа, половине — что двадцать шесть. Как и следовало ожидать, те, кому сообщили, что художнице потребовалось двадцать шесть часов, выше оценили качества и ценность картины, она им понравилась больше.

(Я полагаю, это отчасти объясняет стоимость картин: размер имеет значение. Чем крупнее картина, тем она обычно дороже. Это может отражать представление, что большую картину нарисовать труднее, чем маленькую. Больше усилий — больше удовольствия, выше ценность.)

Усилия имеют значение и при оценке наших собственных творений. Смеси для выпечки, появившиеся в 50-х годах, были непопулярны, пока производители не изменили рецептуру так, что домохозяйкам приходилось проделывать кое-какую работу самостоятельно: добавлять яйцо. Это делало продукт лучше. Рост ценности из-за приложения

нами усилий психолог Майкл Нортон и его коллеги назвали “эффектом ‘ИКЕА’”. Психологи продемонстрировали это в лаборатории. Они установили, что участники эксперимента оценивают выше собственные творения — простые фигурки лягушек, сложенные из бумаги, — чем такие же объекты, созданные другими.

Усилия — важный фактор, но не самый важный. В конце концов, мы предпочитаем Вермеера ван Меегерену не потому, что думаем, будто Вермеер работал дольше и усерднее. На первый план выходят наши представления о творчестве и гениальности.

Поразительный пример — Марла Олмстед. Ее абстрактные картины продавались за десятки тысяч долларов. Отчасти продажи шли так хорошо, потому что Марла была ребенком. “Карманный Поллок” провел первую личную выставку в возрасте четырех лет. Картины Марлы, вероятно, были неотличимы от многих других, но она в силу возраста не имела специального образования и была изолирована от мира искусства. Казалось, что на ее работе лежит отпечаток гения. Но произошло следующее: слава Олмстед привлекла к ней внимание редакторов телепередачи “Шестьдесят минут”, сделавших сюжет о художнице. Из видео стало ясно, что отец учил ее рисовать. Это изменило впечатления людей о характере ее работы, и ценность картин маленькой Марлы рухнула.

Страх неудачи

Может ли эта эссенциалистская теория объяснить нам, что является искусством, а что — нет?

Вероятно, не может. Не существует четкой грани между искусством и не-искусством. Даттон писал, что предмет ис-

куста обычно обладает определенными свойствами, и если у объекта есть лишь некоторые, то нет однозначного ответа, что перед вами. Кроме того, искусство — весьма самокритичная сфера, и как только та или иная теория приобретает популярность, какой-нибудь нахальный художник тут же бросается ее опровергать. Самый яркий пример — одно из важнейших произведений искусства XX века, “Фонтан” Марселя Дюшана, созданное отчасти для того, чтобы высмеять теорию, будто искусство непременно красиво.

И все же, если искусство — это демонстрация, то из этого следуют два факта.

1. Произведение искусства создается сознательно.
2. Произведение искусства создается для определенной аудитории.

Первое. Мы можем оставлять после себя следы на песке, скомканную бумагу в мусорных корзинах и незаправленные кровати. Как правило, все это — не искусство. Но все это может стать искусством, если создано намеренно, и творения такого рода попадают в музеи. “Моя кровать” (1999) Трейси Эмин, например, представляет собой незаправленную кровать с разными вещами. Она выставлялась в Тейт. Исходя из психического состояния создателя одно из двух идентичных творений может быть признано искусством, а второе — нет.

Так, во всяком случае, рассуждают некоторые философы. Я и психолог Сьюзан Гелман заинтересовались тем, отвечает ли это здравому смыслу. Мы поставили эксперимент с трехлетними детьми, показывая им предметы и рассказывая об их происхождении. Например, мы показывали пятно краски на холсте и говорили, либо что ребенок пролил краску, либо что ребенок старательно рисовал. Как и мож-

но было предположить, это повлияло на реакцию: “случайное творение” дети позже описывали словами вроде “краска”, а когда им говорили, что пятно — результат интенции, дети отзывались о нем скорее как об искусстве — перед ними был “рисунок”.

А как относиться к “произведениям” животных — слонов или шимпанзе? Многие из этих вещей симпатичны, но трудно увидеть здесь искусство. Проблема в том, что животные *не знают, что творят*. Если я вымажу краской лапы своего хомяка и посажу его на холст, может получиться красиво — но это не картина. И я сомневаюсь, что достижения слонов и шимпанзе выгодно отличаются от этого. Слоны и шимпанзе не планируют свою работу и не восхищаются ею, когда она закончена. Обученным животным требуется человеческая помощь: не только в том очевидном смысле, что им нужно дать инструменты, но и потому что их нужно вовремя останавливать: если никто не отнимет у животных краску, они будут продолжать рисовать, пока им просто не надоест. То, что эти животные делают, резко отличается от поведения маленьких детей, которые иницируют создание произведений искусства, останавливаются, когда закончат, восхищаются своей работой и показывают ее другим.

Это подводит нас ко второму соображению: искусство создается для показа, для аудитории. Это отличает его от других интенциональных видов деятельности, таких как марафонский бег, заварка кофе, расчесывание волос или проверка электронной почты. В этом разница между “Фонтаном” Марселя Дюшана и обычным унитазом; между “Коробками ‘Брилло’” Энди Уорхола и реальными коробками “Брилло”; между сочинением Джона Кейджа 4' 33" и созерцанием некоего парня, неподвижно сидящего за пианино 4 минуты 33 секунды потому, потому что у него приступ паники.

Я согласен, что возможны контрпримеры. Есть произведения, которые изначально и не предполагалось выставлять — например, наброски Родена, — но их все же воспринимают как искусство. И потом, есть объекты, которые создаются специально для показа публике, но никто не назовет их искусством. (Моя книга создавалась специально для аудитории, но это не произведение искусства в обычном смысле слова.)

Но все же одно из достоинств теории демонстрации (с акцентом на интенциональность и наличие аудитории) заключается в том, что она во многом верна. Утверждение, что мы интуитивно рассматриваем произведения искусства как демонстрацию, может подсказать нам, почему люди способны оценить искусство, необычное для своего времени — как работы Дюшана, Уорхола и Кейджа. И это помогает нам осмыслить реакцию на еще более спорные работы.

Вспомним, например, старшекурсницу Йеля, чей выпускной арт-проект, как она сообщала, включал несколько самопроизвольных выкидышей. Как она утверждала, в начале менструального цикла она осеменяла себя спермой добровольцев. На 28-й день цикла она принимала abortивные средства, испытывала спазмы и кровотечение. Кровь была частью выставки, как и видеозаписи. Ее проект попал на общенациональное телевидение и вызвал жаркие дискуссии, а в университете спорили, действительно ли она все это сделала. Администрация Йеля утверждала, что это мошенничество.

Или возьмем самую знаменитую работу Пьеро Мандзони: набор из девяноста баночек с фекалиями художника. Они неплохо продавались. В 2002 году галерея Тейт заплатила за один такой предмет шестьдесят одну тысячу долларов. Это интересное во многих отношениях произведе-

ние, и оно отлично вписывается в тематику эссенциализма. Это идеальный пример положительного заражения — связи удовольствия от определенных объектов с убеждением, что они содержат остаточные следы его творца или того, кто их использовал. Как выразился Мандзони, “если коллекционерам действительно нужно что-то интимное, подлинно личное для художника, то вот, пожалуйста: дерьмо художника”. И тут есть чудесный комический элемент. Мандзони специально не стал подвергать банки автоклавной обработке, так что как минимум половина их впоследствии — будучи гордо выставленными в музеях и частных коллекциях, — взорвалась*.

Люди реагируют на такие выходки по-разному. Некоторые считают их шокирующими и возмутительными, а другие восхищаются и получают от них огромное удовольствие. Моя цель здесь — не осуждать либо защищать, но указать, что даже самый суровый критик способен признать, что это своего рода творческие акты. Мы понимаем, почему происходили выкидыши (если они вообще происходили) или почему художник раскладывает по банкам свои какашки.

Далее, как и в случае с Поллоком, разность мнений о качестве подобных работ во многом объясняется тем, что мы думаем об их исполнении. Если вы невысокого мнения о способностях художника, то сочтете такое искусство дурным и не получите никакого удовольствия — разве что радость насмешки. Мы не реагируем на работу Мандзони так же, как на творение Рембрандта (хотя, как выясняется из дискуссии на сайте галереи Тейт, оказывается, удивительно трудно сохранить какашки в банке).

* По сообщению газеты “Гардиан” (2007), один из помощников Мандзони объявил, что банки заполнены гипсом. Но проверить это затруднительно, поскольку коллекционеры не готовы передать свои банки на экспертизу.

Нужно быть замороженным идеей, что можно быть замороженным искусством.

Вот почему люди негативно реагируют на современное и постмодернистское искусство: искусственность художника им не очевидна. Как объясняет критик Луи Менан, художественный интерес сместился от того, что изображается, к тому, как это изображено. Традиционное искусство посвящено тому, что есть в мире. Более современные работы посвящены процессу запечатления. Оценка большинства произведений современного искусства, таким образом, требует особых навыков. Любой остолоп может восхищаться Рембрандтом, но только немногие представители элиты способны увидеть смысл в работах вроде “Фонтан / После Марселя Дюшана” Шерри Ливайн, так что только эти немногие и будут ими наслаждаться. Мандзони когда-то перевернул пьедестал вверх ногами, объявив, что вся планета теперь его произведение. (Когда я прочитал об этом случае, я нашел его довольно забавным, но с моей точки зрения это шутка десятилетнего ребенка. Кто-то, причастный к миру искусства, возможно, видит это иначе.)

Пьеса “Искусство” — иллюстрация этой напряженности в отношении между новичками и экспертами. Пьеса начинается с того, что Серж покупает белый холст без рамы с едва различимыми диагональными рубцами и показывает его своему другу Марку:

МАРК. Ты заплатил за это дерьмо двести тысяч франков?

(Позже Серж жалуется другому приятелю.)

СЕРЖ. Я не виню его за то, что он не отреагировал должным образом на эту картину. Он не обучен этому, тут надо пройти целый курс ученичества.

Не обязательно признавать правоту Сержа. Может быть, Марк прав, когда позже указывает: Серж видит в картине нечто несуществующее. Марк восхищается реальными историями, когда эксперты ошибаются. Например, Дэвид Хензел представил свою скульптуру “На день ближе к раю” — голову смеющегося человека — на открытую выставку современного искусства в Королевской академии в Лондоне. Он упаковал голову вместе с подставкой — сланцевой плитой. Судьи же посчитали, что это два самостоятельных произведения. Они отвергли голову, но приняли плиту. Заметим, что представления экспертов об истории и исполнении не всегда верны.

Спорт

Мы начали с музыканта, играющего в метро, перешли к знаменитым подделкам, а затем к искусству в целом. Мы обсудили немало способов получить удовольствие от искусства, но главное внимание уделили демонстрации, идее, что удовольствие, получаемое нами от произведения искусства, происходит отчасти из нашего представления о том, как оно было создано.

Удовольствие этого типа вызывает не только искусство. Древние греки относили искусство и спорт к одной категории: о таком современные ученые и не мечтают. В рамках некоторых университетских курсов спорт изучают теми же методами, что и искусство. Есть профессора, которые специализируются на музыке эпохи барокко или поп-арте, но нет никого, кто бы занимался изучением прыжков с шестом или футбола.

Сбрасывать спорт со счетов может быть ошибкой. Конечно, спорт и искусство во многом — и очевидным об-

разом — различаются. Искусство не утилитарно, иногда оно подчеркнуто бесполезно. У спорта более практические основания. Удовольствие от спорта — это отчасти удовольствие от овладения навыками, которые были полезны в среде, в которой мы эволюционировали (скажем, бег или борьба). Так что люди, возможно, занимались бы спортом, даже если бы демонстрация не имела к нему отношения. Возможно, из-за этого искусство обычно предполагает наличие у аудитории каких-то ожиданий, а спорт — нет. Если вы играете с другом в сквош и никто на вас не смотрит, это все равно игра в сквош.

И все-таки оба феномена есть демонстрации более глубоких человеческих качеств, так что и параллели между ними довольно глубокие. В обоих случаях наша оценка исполнения зависит от того, где и когда все происходит. Если бы я подписал своим именем писсуар и отправил его на конкурс, я бы не выиграл: Дюшан сделал это еще в 1917 году. Один художественный критик отметил: “Создать что-то новое — это достижение. Эйнштейн первым увидел, что $E = mc^2$. После этого любой мог бы напялить косматый парик и накорять такую же формулу на доске. Это не делает его Эйнштейном”.

Первенство важно и в спорте. Отчасти дело в оригинальности, как в случае техники, которую применил Мохаммед Али против Джорджа Формана в боксерском матче в 1974 году. Но в спорте быть первым важно и по другим причинам. В 1954 году, когда Роджер Баннистер установил рекорд по бегу (одна миля [1609 метров] за четыре минуты), это не было актом творчества (как нельзя и сказать, будто люди не подозревали, что можно бегать так быстро), но, тем не менее, это было уникальное и важное событие. Что сделало его таким особенным? Вспомните, как Даттон пишет, насколько наша оценка искусства зависит от “спо-

собов, которыми художники решают проблемы, преодолевают препятствия, добиваются чего-то, используя доступные материалы”. Так вот, это верно и для спорта. У Баннистера не было тренера. Он, будучи студентом-медиком, тренировался с друзьями во время обеденных перерывов. Теперь же любой бегун, всерьез претендующий на рекорд, должен пользоваться услугами врача, тренера, диетолога и массажиста. Это работа в условиях полной занятости, а не хобби. Мы восхищаемся Баннистером отчасти и потому, что его забег стал превосходным зрелищем.

Поскольку и искусство, и спорт — это примеры демонстрации, и там, и там можно сжульничать. Такое жульничество — это намеренное искажение природы собственного выступления. Стандартный пример жульничества в искусстве — это изготовление подделок, но есть и другие способы. Нас завораживает скорость игры в записи “Мефисто-вальс” Листа — пока мы не обнаружим, что этого добился звукозаписывающий инженер. Толпы восторженно кричат на концертах, но выражают шумное неодобрение, когда обнаруживают, что музыкант поет под фонограмму, как случилось с “Милли-Ванилли” в 1989 году. Жульничество в спорте — очевидная проблема. Поклонники спорта перестали изумляться тому, как Рози Руис пробежала городской марафон в Нью-Йорке в 1980 году меньше чем за 2 часа 32 минуты, когда выяснилось, что она преодолела часть пути на метро. Выступление питчера сильно страдает, если становится ясно, что он пользовался модифицированным мячом, точно так же, как победа боксера, когда выясняется, что у него в перчатках был гипс.

Выступления, которые “модифицированы” с помощью стероидов и других средств, вызывают возмущение. Как отмечает писатель Малколм Гладуэлл, стероиды рас-

сматриваются как нарушение правила “честных усилий”. Атлет на стероидах уже не может рассматриваться как подлинный автор своего достижения. Но чем стероиды хуже витаминов, занятий на тренажерах или дорогих купальных костюмов? Мой аспирант Иззат Джаруди проинтервьюировал американцев из Нью-Хейвена и Нью-Йорка насчет аморальности использования стероидов и выяснил, что они их очень не одобряют. Но что интересно — они не смогли объяснить, почему. Некоторые говорили о негативном эффекте для здоровья, но когда их спросили о совершенно безопасных стероидах, они все равно настаивали, что эти средства должны быть запрещены и что спортсмен, который их использует — обманщик.

Может быть, за этими соображениями нет никакой рациональной логики. Такого рода инстинктивные ощущения, как известно, легко поддаются внешнему влиянию. Искусственное оплодотворение сначала шокировало публику, а теперь против него будет возражать только безумец. Вероятно, многое из того, что шокирует нас сегодня, станет обычным делом в будущем, и возмущение, связанное со стероидами, на самом деле коренится в инстинктивном консерватизме, в страхе перед новым.

Кроме того, отмечает Гладуэлл, есть нечто извращенное в тревоге, что такое усовершенствование может дать человеку неоправданное преимущество. Почему это преимущество не столь справедливо, как то, что некоторые рождаются с генами, позволяющими им стать сильными? Да, мы чувствуем, что между этими вещами большая разница. Но может быть, дело в том, что мы привыкли ценить природный дар, поскольку такие качества передаются от родителей к детям. Мы восхищаемся естественным и презираем искусственное так же, как предпочитаем естественную красоту пластической хирургии и транс-

плантации волос. Эти предпочтения обоснованы с дарвиновской точки зрения, и их сложно преодолеть. Но это не делает их справедливыми.

Что-то пошло не так

Искусство и спорт — это зрелища, которые мы особенно ценим. Существуют социальные структуры, поддерживающие их: школы изящных искусств и спортивные лагеря, журналы “Роллинг стоун” и “Спортс иллюстрейтед”, Лувр и стадион “Янки”, разделы в ежедневных газетах. Но радость от исполнения — удовольствие от наблюдения за ним и удовольствие от того, что занимаешься этим, — более общая и примитивная вещь.

Специалисты по возрастной психологии давно изумляются, как дети естественным образом начинают указывать, махать и кричать, чтобы привлечь внимание к интересным вещам вокруг себя. Это может показаться простейшим навыком, если не учитывать, что другие виды животных этого не делают. По некоторым данным, это желание делиться своими мыслями отвечает за многое, что делает нас людьми, включая язык и нашу изощренную культуру.

Есть еще один аспект, возможно, столь же важный — побуждение демонстрировать определенные навыки. Младенец кувыркается, складывает кубики один на другой так, чтобы они не упали, и стоит на одной ножке. Это демонстрация навыков. Иногда это делается специально ради родительского одобрения, но дети делают это и в одиночестве. Есть удовольствие и в уединенной игре.

В некоторых случаях демонстрации развивается дух соревнования. В каждом обществе есть состязания в беге

и борьбе. Почвой для соревнования может быть что угодно. Один ребенок отрыгивает, потом отрыгивает другой, и вот уже начинается состязание по рыганию. Один семилетний ребенок рассказывает историю, другой пытается превзойти его: зарождение художественной литературы. Подростки садятся в кружок, рассказывают по очереди шутки, питаюсь смехом окружающих: зарождение стендап-комедии. Вы можете соревноваться с самим собой: бегуны пытаются побить свои прошлые рекорды. (Мой сосед, экономист Рэй Фэйр, бегун-марафонец, сравнивает свои показатели с тем, как они должны ухудшаться с возрастом.) Кроссворды и sudoku — примеры того, как мы пытаемся преуспеть при полном отсутствии зрителей.

Мы — извращенный и творческий вид, и нет пределов числу приемов демонстрации, которые мы можем измыслить. В восемь лет я знал, что никогда не стану самым быстрым на свете, но я был без ума от ходули “пого” (“кузнечика”) и месяцами безуспешно пытался побить мировой рекорд по числу прыжков. Я знал, к чему стремиться, потому что у меня была “Книга рекордов Гиннеса” (это, замечает Даттон, чудесная демонстрация известных человечеству способов добиться совершенства).

Не все способы демонстрации одинаковы, отчасти потому, что не все они в равной мере являются демонстрацией приспособленности. Приятно быть экспертом по sudoku, однако этому занятию недостает интеллектуального богатства шахмат. Кто-то может восхищаться победительницей мирового чемпионата по поеданию жареного сыра (Соня Томас по прозвищу “Черная вдова”, вес — сорок шесть килограммов), но это не совсем то же, что наблюдать за Рудольфом Нуреевым или Майклом Джорданом. Конкурсы на знание орфографии — это здорово, но национальный чемпион по правописанию вряд ли вызовет

у меня восторг при отборе аспирантов. Можно признать, что для завоевания титула мирового чемпиона в видеоигре “Донки конг” нужна огромная дисциплина и координация, но любое удовольствие от наблюдения за таким выступлением омрачается мыслью о том, что человек попусту трачивает свою жизнь.

У некоторых демонстраций есть парадоксальный оттенок. Давно существует искусство, изображающее уродства — скажем, картины Иеронима Босха. Или возьмите писсуар Дюшана, фекалии Мандзони, гниющую коровью голову Херста и бесчисленные современные работы, использующие телесные выделения и части животных. Есть история (возможно, вымышленная) о скульптуре Эда Кинхольца, которую пришлось убрать из Музея современного искусства Луизианы, потому что людей рвало от одного ее вида. Одна из мотиваций такого уродливого искусства — отрицание идеи, что искусство должно быть прекрасным. Есть ощущение, что красота слишком предсказуема, проста, доступна и буржуазна. Смелое и изобретательное искусство должно уйти от этого. Многие художники были бы не в восторге, если бы вы сказали, что их работы поднимают настроение. Шоу уродов тоже притягательны. Люди испытывают извращенное удовольствие от безобразного, которое, возможно, коренится в менее приятной части человеческой природы, в тяге к садизму и издевательствам.

Но иногда уродство может иметь и более позитивный смысл. В сельской Англии бывают соревнования по гримасам, где люди состязаются в придании своим лицам ужасного вида. Правила простые. Участники состязания просовывают головы в хомут, и у них есть немного времени, чтобы соорудить настолько страшное или глупое выражение лица, какое только возможно. Вставные челюсти можно оставить, вынуть или перевернуть.

В этом есть что-то весьма впечатляющее. Люди тратят немало энергии на изобразительное искусство, музыку, спорт и игры, и, как я указывал выше, обычно это демонстрация качеств, важных для воспроизводства, то есть лучших человеческих качеств: ума, творческих способностей, силы, хитрости и так далее. Мы — эссенциалисты, которых естественным образом притягивает история зрелищ, и поэтому мы получаем удовольствие от демонстрации таких природных даров. При этом мы достаточно умны, чтобы все перевернуть и иногда получать удовольствие от демонстрации того, чего с дарвинистской точки зрения нам совсем не хотелось бы иметь. Это уравнивает нас, и весьма приятным образом. Гримасничанье еще не стало олимпийским видом спорта, но я надеюсь, что когда-нибудь станет.

Глава 6

Воображение

Как американцы проводят досуг? Ответ может вас удивить. Самое распространенное добровольное занятие — это не прием пищи, не употребление алкоголя или наркотиков. Это не общение с друзьями, не спорт и не отдых в кругу семьи. Люди иногда считают самым предпочтительным времяпрепровождением секс, однако исследования по тайм-менеджменту показывают, что средний взрослый американец тратит на секс четыре минуты в день — почти столько же, сколько на заполнение налоговых деклараций.

Главное занятие американцев на досуге — это приобретение впечатлений, которые, как мы знаем, не являются реальными. Когда у нас появляется возможность делать то, что хочется, мы обращаемся к воображению — к мирам, созданным другими, будь то книги, фильмы, видеоигры или телевидение (для среднего американца — более четырех часов в день), или к мирам, которые мы сами создаем, когда грезим и фантазируем. Хотя жители иных стран могут меньше смотреть ТВ, исследования в Англии и других странах Европы обнаруживают сходную одержимость не-реальным.

Для животного это странный способ проводить время. Ведь мы добились бы большего, если бы занимались чем-нибудь более полезным с точки зрения адаптации: ели, пили, совокуплялись, завязывали отношения, строили жилища, учили детей. Вместо этого двухлетние дети изображают львов, аспиранты ночи напролет играют в видеоигры, молодые родители прячутся от своих отпрысков, чтобы почитать, а многие мужчины тратят на порнографию в Сети больше времени, чем уделяют его реальным женщинам. Один психолог формулирует эту загадку так: “Меня интересует, когда и почему люди могут предпочесть сериал ‘Друзья’ общению с настоящими друзьями”.

Один из ответов гласит: воображение приносит нам удовольствие, потому что оно “оккупирует” психические системы, развившиеся ради подлинного удовольствия. Нам нравятся воображаемые впечатления, потому что на некоем уровне мы не отличаем их от реальных. Это далеко идущая мысль, и в целом, я думаю, она верна. В этой главе я буду обосновывать ее и анализировать некоторые наиболее удивительные ее следствия. Но я не думаю, что это верно *в полной мере*, и в следующей главе рассматриваю некоторые феномены вроде фильмов ужасов и мазохистских фантазий, которые требуют объяснения иного рода, впрочем, опирающегося на ту же эссенциалистскую теорию, приложимую к пище, сексу, предметам обихода и искусству.

Великие притворщики

Все нормальные дети любят играть и притворяться. Типы и частота игр различаются в разных культурах. Ребенок из Нью-Йорка может изображать самолет, а ребенок

из племени охотников и собирателей — нет. В 50-х годах американские дети играли в ковбоев и индейцев, а сейчас почти не играют. В некоторых культурах игра поощряется, в других же детям приходится играть тайком. Но игра есть всегда. Неспособность играть и притворяться — это признак неврологических проблем, один из ранних симптомов аутизма.

Специалисты по возрастной психологии давно интересовались тем, насколько хорошо дети понимают различие между игрой и реальностью. Мы знаем, что четырехлетние дети уже довольно тонко это чувствуют, поскольку когда мы прямо спрашиваем их, что реально, а что — нет, они обычно не ошибаются.

А как насчет совсем маленьких? Двухлетние дети изображают животных и самолеты и понимают, когда другие делают то же самое. Девочка видит своего отца, рычущего и крадущегося, как лев, и может убежать, однако она ведет себя не так, как если бы заподозрила в отце льва. Если бы она в самом деле так подумала, то перепугалась бы. Удовольствие, которое дети получают от такой деятельности, было бы невозможно объяснить, если бы они не обладали довольно тонким пониманием того, что игра — это не реальность.

Насколько рано это понимание развивается — открытый вопрос, и на эту тему есть весьма любопытные экспериментальные исследования. Мне лично кажется, что даже у младенцев есть зачатки притворства, и это дано увидеть в обычной жизни. Вот как можно проводить время с годовалым ребенком: придвинуться к нему поближе и подождать, пока ребенок не схватит вас за очки, нос или за волосы. Как только контакт установлен, отдерните голову и зарычите в притворном гневе. В первый раз вы заметите некоторое удивление, может быть, беспокойство,

чуточку страха; примите прежнюю позу и ждите, пока ребенок не начнет снова. А он начнет, и тогда снова изобразите удивление. Многие дети находят это уморительным. (Можно вместо этого побороться за ключи.) Но чтобы это сработало, ребенок должен понимать, что вы не разозлились, он должен знать, что вы притворяетесь.

Дети, конечно, не профессионалы в этом деле. Иногда любому из нас трудно отличить дуракаваляние от серьезного поведения, и не следует ожидать слишком многого от существа размером с русский роман. Чарльз Дарвин рассказывал о своем первенце Уильяме: “Когда этому ребенку было около четырех месяцев, я издавал в его присутствии массу странных звуков, изображал загадочные гримасы и пытался выглядеть дикарем; но и звуки, если они не были очень громкими, и гримасы воспринимались как добрые шутки; я в то время приписывал это тому, что их сопровождала — или предшествовала им — улыбка”. Уильяма смогла обмануть няня: “Через несколько дней после того, как ему исполнилось шесть месяцев, его няня притворилась плачущей, и я видел, как его лицо немедленно приобрело расстроенное выражение, а уголки рта сильно опустились”.

Являются ли игра и притворство сугубо человеческими феноменами? Собаки и волки общаются похожим на игру образом и даже могут сигнализировать друг другу, что нападение — ненастоящее, посредством игровых поклонов: животное приседает на передние лапы и держит голову ниже, чем животное, с которым оно коммуницирует. Это значит примерно: “Хочу играть” или “Продолжаем играть”. В широком смысле это сойдет за притворство. Но такого рода игра, вероятно, запрограммирована у животных как способ отработать важные навыки, которые пригодятся в жизни. Им не нужно мысленно кодиро-

вать это поведение — на каком бы то ни было уровне — как воображаемую версию реальной борьбы.

Конечно, так иногда бывает и у людей. Когда в парке ребенок и собака бегают вместе, оба могут думать примерно одинаково, то есть почти ни о чем не думать. Но дети могут вести себя умнее. Их воображение настолько гибкое, что любая реальная вещь может рассматриваться как притворство. Вы можете показать ребенку новое действие, вроде разрезания листа бумаги пополам, и потом продемонстрировать притворную версию этого действия (пальцы, как ножницы, разрезают пустое пространство), и если вы сделаете это достаточно ловко, ребенок поймет: вы изображаете, будто режете бумагу. Это может казаться простым, но сомневаюсь, что это поймет любое другое животное.

Метарепрезентация

Держать нечто в голове, рассуждать об этом, эмоционально реагировать, зная, что это нечто — ненастоящее, требует особого умения. Его наличие свидетельствует о способности оперировать метарепрезентациями — представлениями о представлениях.

Чтобы понять, о чем идет речь, рассмотрим простую мысль:

Зонт в шкафу.

Подобные утверждения (высказывания) объясняют человеческие действия. Если идет дождь и вы не хотите промокнуть, то вы можете взять из шкафа зонт, потому что уверены: зонт в шкафу. Нечто в вашей голове соответ-

ствуует приведенному предложению. Другие животные могут делать подобное. Например, крысы могут оперировать утверждениями вроде:

Еда за углом.

Теперь смотрите: Мэри говорит, что не желает промокнуть и хочет взять зонт, поэтому она идет к шкафу. Вы видите это, и у вас возникает мысль:

Мэри думает, что зонт в шкафу.

Эта мысль особого рода, потому что вы можете держать ее в голове, даже будучи уверенным, что вложенное предложение неверно: вполне можно считать, что Мэри думает, будто зонт в шкафу, *и при этом* знать, что зонта в шкафу нет (на самом деле он в гостиной).

Способность размышлять о чем-либо ложном представлении важна. Она дает возможность учить: этот навык предполагает, что вы держите в голове, что другой знает меньше вас. Эта способность позволяет лгать и обманывать: когда я говорю, что не получил ваше письмо (а на самом деле — получил), я пытаюсь вложить вам в голову представление, не соответствующее истине. Детям трудно рассуждать о ложных представлениях, хотя недавно было показано: если формулировать задачу достаточно просто, то даже годовалые дети могут с ней справиться.

Метарепрезентация — это центральный феномен воображаемого удовольствия. Мы смотрим пьесу и знаем, что Иокаста — мать Эдипа, но история эта хороша для нас постольку, поскольку мы знаем и о том, что Иокаста и Эдип этого не знают. Лайза Заншайн, литературовед и специалист по когнитивистике, упоминает о серии

“Друзей”, в котором Фиби узнает, что у Моника и Чандлера роман, и решает шутки ради флиртовать с Чандлером. Моника выясняет, что Фиби знает о романе, так что она говорит Чандлеру — в порядке мести, — чтобы он ответил на приставания Фиби, так что той пришлось бы с позором отступить. Но Фиби понимает, что задумала Моника. Она говорит друзьям: “Они думали, что могут с нами шутки шутить. Они пытаются с нами шутки шутить? Они не знают, что мы знаем, что они знают, что мы знаем!”

Откуда берется способность к метарепрезентациям? На этот счет есть две правдоподобных и непротиворечивых версии. Первую иллюстрируют приведенные выше примеры. Поступки других людей обуславливает не то, каков мир на самом деле, а то, каков он по их мнению. Поэтому осмысление их поведения требует размышлений об известных вам фактах, не являющихся истиной. Метарепрезентации, таким образом, могут развиваться в контексте понимания психики других.

Вторая версия гласит, что способность воображать не-реальное позволяет нам строить планы на будущее, оценивать миры, которых не существует и которые могут никогда не появиться. Как выразился Энтони Д. Наттолл: “Думаю, самое умное, что Карл Поппер когда-либо сказал — это его замечание о том, что наши гипотезы ‘гибнут вместо нас’. Человеческая раса нашла способ если не остановить, то замедлить, притормозить дарвиновское колесо смерти. Мы посылаем в бой гипотезы. Мы пускаем эту армию гипотез в расход и смотрим, как они гибнут”.

Чтобы увидеть этот механизм в действии, представьте, что вы планируете отпуск. Возможно, вы хотите поехать на остров Ко-Самет в Таиланде. Вы размышляете об этом и делаете умозаключения, основываясь на своем знании об этом месте. Вы знаете, например, что окажетесь неда-

леко от пляжа. Прекрасное место для отдыха! А потом вы сравниваете эту перспективу с радостями недели в Лондоне, где вы сможете прогуляться по прекрасным музеям. Эти заключения отделены друг от друга и от реальности:

Если я поеду на Ко-Самет, я смогу отправиться на пляж.

Если я поеду в Лондон, я смогу посетить отличные музеи.

Эти умозаключения вы делаете, невзирая на наличие уверенности, что вложенные предложения верны. В *настоящий момент* нет уверенности ни в том, что

я смогу отправиться на пляж,

ни в том, что

я смогу посетить отличные музеи.

Это может показаться очевидным, однако способность создавать эти отдельные миры позволяет нам строить планы так, как не способно ни одно другое существо: мы можем сравнивать альтернативные варианты будущего. Зачастую все происходит быстро и на подсознательном уровне, как, например, когда вы решаете не пить второй martini, потому что вечером еще придется работать:

Если я выпью второй martini, я опьянею.

Но этот процесс может быть более осознанным: вспомните из главы 3, как Чарльз Дарвин оценивал плюсы и минусы женитьбы на Эмме Веджвуд.

Обе эти теории происхождения метарепрезентаций соответствуют адаптационному подходу. Но как только эта

система включается, силу воображения можно использовать для целей, не имеющих адаптивной пользы — для грез, походов в кино и чтения.

Метарепрезентация — ключевой элемент символической игры (*pretend play*). Психолог Алан Лесли провел изящное исследование, в котором двухлетние дети изображали, будто наливают воду в чашку, а затем переворачивают ее на плюшевого медведя. Ученый убедился в том, что дети знают: медведь на самом деле сухой. Но они знают и то, что в воображаемом мире медведь промок и его нужно вытереть, потому что *в этой игре чашка полная*.

Дети также знают, что в воображаемом мире (как и в реальности), если вы опрокинете на человека чашку, он промокнет. Когда моя трехлетняя племянница указывает на меня пальцем и говорит: “Бах!”, я падаю на землю и высываю язык: мертвый и в то же время — она это прекрасно знает — живой.

Время сказок

Пример с возгласом “Бах!” показывает, что воображаемые удовольствия не обязательно сложны. Но часто они бывают именно такими: я говорю о выдумке.

Полезно рассматривать выдумку с позиций, близких к исследованиям Ноама Хомски и его коллег. Эти ученые пишут о различиях языка как об ограниченных вариациях лингвистических (языковых) универсалий. Универсалии связаны с определенными аспектами смысла и специфическими путями его передачи. В случае выдумки речь идет об универсальных сюжетах.

Выше я привел пример: сексуальные уловки давно увлекают людей, и сюжетные повороты, когда кто-то при-

творяется в постели кем-то другим, появляются везде: от древних индуистских текстов и Ветхого Завета до сериала “Баффи — истребительница вампиров”. Истории с постельными подменами “кочуют” из культуры в культуру. Название фильма “Жестокая игра” (*The Crying Game*), говорят, перевели на китайский язык так, что, увы, выдали главный сюжетный ход: “О нет! У моей девушки пенис!” Хорошие истории котируются везде. Хотя носитель культуры, совершенно отличной от американской, многого не поймет в сериале “Клан Сопрано” (например, иронические намеки на то, как телеканалы изображают американцев итальянского происхождения), основные темы — тревога за детей, конфликт с друзьями, предательство и его последствия — универсальны. Романист Йэн Макьюэн развивает эту идею универсальности, предполагая, что можно найти все темы английского романа XIX века в жизни карликовых шимпанзе: “Союзы заключенные и разорванные, восхождение одних и падение других, заговоры, месть, благодарность, уязвленная гордость, успешное либо неудачное ухаживание, тяжелые утраты и скорбь”.

Эту универсальность легко упустить из виду. Макьюэн напоминает, что в каждом новом поколении критики и художники настаивают, будто они делают нечто, чего никто не делал прежде. Ведь когда мы перестаем мыслить как философы и ученые, то именно различия выходят на первый план. Если я в Сеуле попрошу кого-либо указать дорогу, а собеседник меня не поймет, то меня вряд ли утешит то, что для лингвиста английский и корейский — лишь варианты одного универсального языка. Если я в книжном магазине выбираю роман, неважно, что на определенном уровне абстракции все истории суть одно и то же. Уильям Джемс однажды процитировал “неграмотного плотника” (с его разрешения), который сказал: “Между одним челове-

ком и другим разница очень небольшая, но эта небольшая разница *очень важна*”.

Так что не стоит заходить слишком далеко с аналогией между языком и выдумкой. Многие лингвисты объясняют универсальность языка наличием отдельного органа или модуля, отвечающего за язык. Истории похожи, потому что у людей схожие интересы. Популярность тем секса, семьи и предательства объясняется не столько особыми функциями воображения, сколько тем, что люди и в действительности постоянно думают о сексе, о семье и предательстве.

Очень тронуты

Зачастую полезно думать о мире, как будто его нет, но мы не объяснили, почему нам это нравится. Разве не странно, что нашу душу тревожат выдуманные истории, что мы испытываем некие чувства по отношению к событиям и персонажам, которых, как мы знаем, никогда не бывало? Почему нас трогает судьба Анны Карениной?

Эмоции, вызванные художественной литературой, реальны. Когда Чарльз Диккенс сообщил о смерти малютки Нелл, люди рыдали — и я уверен, что гибель персонажей книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере вызвала такие же слезы. (После публикации последней книги цикла писательница в интервью рассказывала о письмах — и не все они были от детей — с просьбами сохранить жизнь любимым персонажам вроде Хагрида, Гермионы, Рона и, конечно, самого Гарри Поттера.) Один мой друг сказал мне, что не помнит, кого из реальных людей он ненавидел бы столь сильно, как одного из персонажей фильма “На игле” (*Trainspotting*). Люди не выносят некоторые произведения, потому что те вызывают слишком сильные эмоции. У меня

тоже были проблемы с фильмами, где страдания персонажей показаны слишком реальными, а многим трудно смотреть комедии, замешанные на смущении и позоре. Чувствовать страдания других слишком неприятно.

Эти эмоциональные реакции обычно приглушены по сравнению с реальностью. Просмотр фильма, в котором кого-либо съела акула — менее интенсивное переживание, чем зрелище того, как акула ест кого-либо на самом деле. Но на всех уровнях — физиологическом, неврологическом, психологическом — эмоции реальны, а не притворны.

Они настолько реальны, что психологи используют воображаемые переживания для изучения и манипуляции реальными эмоциями. Если психолог-экспериментатор хочет понять, помогает ли грустное настроение логически мыслить или мешает (неплохой вопрос!), необходимо огорчить испытуемых. Но для этого не нужно вмешиваться в их реальную жизнь. Вместо этого психолог может показать им сцену из кино — например, из фильма “Язык нежности” (*Terms of Endearment*), где героиня Дебры Уингер умирает от рака в больничной постели и видит своих детей в последний раз. Если кто-нибудь приходит к психотерапевту и рассказывает о своей боязни змей, первый шаг состоит не в том, чтобы помочь пациенту справиться со страхами, бросив ему на колени змею. Нет, психотерапевт начинает с того, что просит пациента *вообразить* объект его страха, а затем может постепенно прийти до реального объекта. Это имеет смысл только в том случае, если реакция на воображаемую змею и реакция на реальную змею соответствуют определенным пунктам на одной и той же шкале — и то, и другое относится к страхам.

Если эмоции реальны, выходит, люди до некоторой степени уверены, что и события реальны? Бывает ли так, что мы думаем, будто вымышленные персонажи существу-

ют, а вымышленные события имеют место? Конечно, мы можем обмануться — как дети, которым родители рассказывают о Санта-Клаусе, зубной фее и пасхальном кролике, или как взрослые, принявшие художественный фильм за документальный, и наоборот. Но тут идея поинтереснее: даже если совершенно ясно, что нечто является вымыслом, на некотором уровне мы верим, что это реально.

Может быть дьявольски трудно отделить вымысел от реальности. Существует несколько исследований, показавших, что если вы узнаете из рассказа о каком-либо факте, то вероятность, что вы посчитаете этот факт истинным, возрастет. И в этом есть смысл, потому что рассказы и романы действительно *в основном* правдивы. Если вы прочли бы роман, действие которого происходит в Лондоне в конце 80-х годов XX века, то вы многое узнали бы о людях того времени и того города — как они разговаривают друг с другом, что едят, как ругаются, и так далее, потому что хороший рассказчик вынужден включить эти правдивые обстоятельства в свою историю. Представления среднего человека о юридических конторах, отделениях реанимации, полицейских управлениях, тюрьмах, подводных лодках и бандитских налетах не проистекают из реального опыта или из документальных произведений. Они основаны на рассказах. Человек, смотревший сериалы о полицейских, много узнает о современной работе полиции (“У вас есть право хранить молчание...”), а зритель реалистических фильмов вроде “Зодиака” узнает еще больше. И многие выбирают определенные литературные жанры (например, исторические романы), потому что им хочется найти безболезненный путь, позволяющий больше узнать о реальности.

Иногда мы заходим слишком далеко. Фантазия может смешиваться с реальностью. Публикация “Кода Да Винчи” вызвала бум туризма в Шотландии — люди поверили тому,

что говорится в романе о местонахождении Святого Грааля. Особая проблема — когда люди путают актеров с их персонажами. Леонарда С. Нимоя, родившегося в Бостоне в семье эмигрантов из России, говоривших на идише, часто путали с его самым известным персонажем — мистером Споком с планеты Вулкан. Это было настолько неприятно, что он опубликовал книгу “Я — не Спок” (а двадцать лет спустя еще одну: “Я — Спок”). Или возьмем актера Роберта Янга, который снимался в одном из первых сериалов о врачах “Доктор Маркус Уэлби”: он говорил, что получает тысячи писем с просьбой дать медицинский совет. Потом он воспользовался этой путаницей, появляясь в роли доктора в белом халате в телерекламе аспирина и кофе без кофеина. Значит, иногда границы между вымыслом и реальностью стираются.

И все же те, у кого судьба Анны Карениной вызывала слезы, вполне отчетливо понимали, что она — персонаж романа, а люди, рыдавшие, когда Роулинг прикончила Добби, прекрасно знали, что его не существовало. И, как я упоминал, даже дети умеют отделить реальность от вымысла. Когда вы спрашиваете их: “То-то и то-то — это настоящее или придуманное?”, они все понимают правильно.

Почему же тогда нас так трогают истории?

Дело привычки

Дэвид Юм рассказывал о человеке, которого подвесили в железной клетке к верхушке высокой башни. Тот знает, что находится в безопасности, и все же “не может не содрогаться, окидывая взором простирающуюся перед ним пропасть”. Монтень приводит сходный пример: “Человек не может не начать моргать глазами, когда ему грозит удар. Он не может не задрожать всем телом, как ребенок, оказав-

шись на краю пропасти”. Моя коллега, философ Тамар Гендлер, описывает стеклянную смотровую площадку над Большим Каньоном (*Grand Canyon Skywalk*), которая выступает на двадцать один метр над западным краем пропасти. Стоять там — очень волнующее ощущение. Настолько волнующее, что некоторые люди, специально проехав несколько километров по грязной дороге, понимают, что слишком боятся ступить на стеклянный пол. Люди знают, что они в полной безопасности, и, тем не менее, напуганы.

Гендлер в своих статьях вводит термин для описания состояния психики, вызывающего такие реакции: она называет это “привычным представлением” (*alief*). Представления — это установки, которые вырабатываются как реакция на то, каковы вещи *в действительности*. “Привычные представления” примитивнее: это реакция на то, какими вещи *кажутся*. Люди в предыдущих примерах понимают, что они в безопасности, но у них есть “привычные представления”, говорящие им, что их жизнь под угрозой. Или возьмем данные Пола Розина: люди часто отказываются есть суп из совершенно нового и чистого больничного судна, пробовать помадку в форме фекалий или приставлять к голове незаряженный пистолет и спускать курок. Гендлер пишет, что представления здесь следующие: судно — чистое, помадка — это помадка, а пистолет не заряжен. Но “привычные представления” кричат: “Опасно! Держись подальше!”

Эта концепция отражает тот факт, что наша психика во многом равнодушна к контрасту между событиями, в реальности которых мы убеждены, и теми, которые кажутся реальными или о которых мы думаем как о реальных. Это распространяется и на воображаемые удовольствия. Те, кто получает удовольствие от подглядывания за любовниками, получают удовольствие и от просмотра фильма, в котором персонажи занимаются сексом. Те, кому нравит-

ся наблюдать за взаимодействием умных людей в реальном мире, получают то же удовольствие от наблюдения за актерами, изображающими умных людей по ТВ. Воображение — облегченная версия реальности, полезный заменитель, когда реальное удовольствие недостижимо, слишком рискованно или требует слишком многих усилий.

Мы изобрели много способов эксплуатировать “привычные представления”, создавать суррогаты приятных реальных впечатлений. Мы можем делать это в рассказах или даже в бессловесных играх (родитель подбрасывает ребенка в воздух, создавая у отпрыска ощущение полета). Мы можем опираться на актеров как на воображаемых помощников, сужающих разрыв между реальными и виртуальными впечатлениями. В грезах мы можем создавать наши собственные, приятные “привычные представления”. Если вам хочется выиграть Чемпионат мира по покеру (*World Series of Poker*), полетать над Метрополисом или заняться любовью с кем-то определенным, вы можете для этого просто закрыть глаза.

(Это может показаться несложным, но сомневаюсь, что другие животные так делают. Да, собаки спят, но грезят ли они? Моя собака проводит большую часть времени, не делая ничего. Сейчас, когда я пишу, она сидит рядом, уставившись на меня. Когда людей оставляют в одиночестве, они планируют, мечтают и фантазируют, но я сомневаюсь, что моей собаке Тесси доступно что-либо из этого. Я не знаю, что происходит в ее голове. Тот же вопрос можно задать и нашим ближайшим родственникам: обезьяны, как известно, с энтузиазмом занимаются мастурбацией, но сопровождается ли она сексуальными фантазиями? Прав ли писатель Линь Юйтан, предположивший: “Разница между людьми и обезьянами в том, что обезьянам просто становится скучно, а у людей есть и скука, и воображение”?)

Нередко мы видим себя главным персонажем воображаемого события. Таковы фантазии: вы воображаете, что выигрываете приз, а не наблюдаете за собой, выигрывающим приз. Некоторые видеоигры устроены по этому же принципу: они создают иллюзию, что вы бегаєте и стреляете в пришельцев или выполняете трюки на скейтборде, посредством визуальной симуляции, которая создает у вас впечатление, будто вы сами движетесь. Психологические исследования показывают, что это естественная установка при чтении. Вы испытываете переживания, будто находитесь в голове у персонажа.

Но что касается историй, то у вас есть информация, которой персонажи не располагают. Философ Ноэль Кэрролл приводит в пример первую сцену фильма «Челюсти». Вы не можете просто принять точку зрения девушки, которая плывет в темноте, потому что она испытывает восторг, а вы напуганы. Вы знаете то, чего она не знает. Вы слышите мрачную музыку, а она нет. Вы знаете, что она — в фильме, где акулы едят людей, а она думает, что просто живет.

Так работает сопереживание и в жизни. Вы почувствуете примерно то же, если увидите, как некто радостно плещется в море, а к нему приближается акула. Значит, и в вымышленной, и в реальной ситуации вы одновременно рассматриваете происходящее и со своей точки зрения, и с точки зрения персонажа.

Ни на что не годны

Этот подход позволяет объяснить притягательность историй. Они о людях, а нас интересуют люди и их поступки. Нетрудно представить с эволюционной точки зрения, зачем нам интересоваться социальной вселенной. Было показано,

что важнейшая сила в эволюции человеческого языка — то, что это уникально мощный инструмент для передачи социальной информации, и в том числе сплетен и слухов.

Люди присутствуют не во всех придуманных мирах. В 2007 году вышла книга “Мир без нас”, показывающая, какой стала бы Земля, если люди исчезли бы. Такие совершенно “несоциальные” миры — редкость, и многие истории, которые на первый взгляд кажутся лишенными социального аспекта, на самом деле представляют собой истории о людях: нередко научно-популярные книги и документальные фильмы, по крайней мере успешные, рассказывают о самих ученых, их биографиях, личных конфликтах и так далее. Лайза Заншайн говорит о том же: совершенно лишенные социальности описания природы редко встречаются в романах — даже в тех, авторы которых к этому склонны. “Возможно, — пишет она, — мы воспринимаем некоторые художественные тексты как полные таких описаний потому, что какими бы редкими описания ни были, они выделяются на общем фоне”. А когда такие описания и появляются (как в романах Тургенева), то это не случайность: они демонстрируют антропоморфизм, или, по выражению Джона Рескина, “патетическое заблуждение” — наделение природных объектов мыслями, ощущениями и эмоциями.

Наш интерес к людям проявляется порой в весьма причудливых удовольствиях. На протяжении большей части истории нашего вида значение имело лишь то, что происходило с важными людьми. Эти люди господствовали над нашими жизнями, нам нужно было учиться у них, добиваться их благосклонности, бояться их гнева, и так далее. Человеческие общества росли — сначала тысячи, потом миллионы и миллиарды людей, — но это положение сохранялось. Смерть принцессы Дианы неожиданно за-

тронула очень многих жителей Земли, как и развод Брэда Питта и Дженнифер Энистон в 2005 году. Мы жаждем социальной информации. Светская хроника и беллетристика кормят нас неуместными рассказами о людях, которые для нас не важны или вовсе не существуют. Как будто мы ужасно проголодались и теперь с жадностью поглощаем низкокалорийные заменители сахара.

И это все? Действительно ли удовольствие от вымысла — лишь случайность, побочный продукт того, что нашим эмоциям все равно, идет ли речь о настоящем или придуманном человеке либо событии?

Некоторым этого мало. Ученые пытаются проанализировать удовольствие, которое приносит нам вымысел, с адаптационной точки зрения. Заншайн доказывает, что истории доставляют нам удовольствие, потому что помогают нам развивать социальные навыки, думать о том, как думают другие. Психологи Рэймонд Мар и Кит Оутли предполагают, что функция вымысла — приобретение социальной компетенции. Деннис Даттон и Стивен Пинкер рассматривают варианты того утверждения, что вымысел помогает нам исследовать и узнавать решения дилемм из реального мира. Как выражается Пинкер, “клише ‘жизнь имитирует искусство’ на самом деле верно, потому что функция некоторых видов искусства состоит в том, чтобы побудить жизнь их имитировать”.

Я не сомневаюсь, что вымысел может и это, и многое другое. Он может утверждать моральные ценности и вызывать изменение морали. В некоторых других работах, вслед за Мартой Нуссбаум и другими учеными, я доказывал, что истории — главный механизм, позволяющий обществу стать добрее и облечь новые моральные открытия вроде того, что рабство есть зло, в форму, способную убедить других и в конечном счете заставить их принять

это как статус-кво. Истории могут смягчать наше одиночество. Они могут помочь завоевывать друзей и привлекать потенциальных партнеров: хорошие рассказчики всегда привлекательны. Истории (мы поговорим об этом в следующей главе) — это механизм, позволяющий безопасно практиковаться и психологически готовиться к определенным неприятным ситуациям.

Вымысел способен дать нам все это. Но он существует не поэтому. С эволюционной точки зрения подобные объяснения поверхностны. Если есть существо, которое реагирует удовольствием на определенные впечатления от реального мира и не вполне отличает реальное от воображаемого, то способность наслаждаться историями — это бесплатный бонус, счастливая случайность.

Грустные и могущественные

В предисловии к собранию сочинений Шекспира Сэмюэл Джонсон пишет: “Восхищение трагедией проистекает из осознания ее вымышленности. Если бы мы считали убийства и измены действительными, то они уже не приносили бы нам удовлетворения”.

Джонсон — блестящий писатель, но он ничего не слышал об О. Дж. Симпсоне. Если бы он услышал, то понял бы, что мы получаем массу удовольствия от реальных трагедий. И трагедии Шекспира описывают как раз такие события, от наблюдения которых в реальном мире мы получаем больше всего наслаждения — сложные, напряженные социальные взаимоотношения, вращающиеся вокруг секса, любви, семьи, богатства и общественного положения.

В случае с трагедией, да и вообще в случае негативных событий жизнь оказывается интереснее вымысла. Когда

выясняется, что мемуары содержат вымысел, их продажи падают, а не растут. Несколько последних десятилетий после многих ужасных событий (например, когда Сюзан Смит утопила своих детей или снайперы в Вашингтоне убивали случайных людей) немедленно начинали снимать фильм о них. Разумно предположить, что реальность событий подогреет интерес к кино.

Выше я писал, что наши эмоции отчасти не чувствительны к контрасту реального и воображаемого, но не потому, что нам все равно. Обычно реальные события трогают нас сильнее, нежели придуманные. Дело отчасти в том, что реальные события могут повлиять на нас (воображаемые снайперы не могут застрелить тех, кого вы любите, а настоящие — могут), а отчасти в том, что мы склонны размышлять о последствиях реальных действий. Когда фильм или телесериал заканчиваются, с персонажами тоже покончено. Было бы странно беспокоиться о том, как друзья Гамлета переживут его смерть, потому что этих людей не существует. Думать о них — значит творить новый вымысел. Но у каждого реального события есть прошлое и будущее, и это трогает нас. Довольно логично задуматься о семьях тех, в чьем убийстве обвиняли О. Дж. Симпсона.

Но и у воображения есть свои приятные особенности. Точно так, как искусственные подсластители могут быть слаще сахара, вымышленные события могут тронуть нас сильнее реальности. И вот три причины, почему.

Во-первых, вымышленные персонажи обычно умнее и остроумнее ваших друзей и родных и их приключения обычно гораздо интереснее. Я контактирую с окружающими — профессорами, студентами, соседями и так далее. Эти люди составляют очень малую часть человечества и, возможно, не самую интересную. В моем реальном мире нет эмоционально травмированных полицейских, идущих

по следам серийных убийц, нет проституток с золотым сердцем, нет язвительных вампиров. Насколько я знаю, никто из моих друзей не убивал отца и не женился на матери. Но в воображаемых мирах я могу встретиться со всеми этими людьми.

Во-вторых, жизнь обычно идет своим чередом, и, бывает, долго не происходит ничего особенного. Суд над О. Дж. Симпсоном длился несколько месяцев и был по большей части смертельно скучен. Вымышленные истории решают эту проблему. По словам критика Клайва Джеймса, “художественная литература — это жизнь за вычетом скучных моментов”. В том числе поэтому сериал “Друзья” интереснее жизни ваших настоящих друзей.

Наконец, воображение стимулирует нас так, как в реальном мире не бывает. Действие романа может охватывать время от рождения до смерти персонажа и показывать вам, как он ведет себя в ситуациях, которые вы иначе не смогли бы наблюдать. В реальности вы не сможете точно узнать, что думает человек, а беллетрист может об этом поведать.

Такая психологическая близость не ограничивается литературой. Актер может повернуться к залу и произнести драматический монолог о том, что он (она) думает. В мюзикле мысль можно пропеть, а в телесериалах и кино звучит закадровый голос. Сейчас это обычное дело, но когда этот прием был изобретен, он, вероятно, показался настоящим откровением. Интересно, что думают маленькие дети, когда впервые сталкиваются с тем, как некто озвучивает свои мысли. Это должно быть волнующе.

Еще один случай близости — крупный план. Вуайеризм давно стал темой кино — от “Окна во двор” (*Rear Window*) до “Паранойи” (*Disturbia*), — но и сама по себе техника кино дает уникальный способ удовлетворить наше любопытство о том, что у других на уме. Где, как не в кино,

можно взглянуть человеку в лицо, а он не сможет посмотреть на тебя в ответ? “Некоторых зрителей волнует возможность заглянуть в спальню или в туалет, — пишет философ Колин Макджин, — но кинозритель может оказаться еще ближе к.. герою (или жертве): он может заглянуть ему в душу”.

Так что хотя реальность по-своему очаровательна, книги, пьесы, кинофильмы и телесериалы имеет особую силу. И хорошо, что нам не приходится выбирать между вымыслом и действительностью. Мы можем взять лучшее от обоих этих миров и превратить события, известные людям как реальные, во впечатления куда более сильные и интересные, чем обычные ощущения при восприятии реальности. Лучший пример — реалити-телевидение: изобретенная в наше время (и захватывающая, как показывает успех передач вроде “Последнего героя” и “Фактора страха”) форма искусства. Что может быть лучше реалити-шоу?

Глава 7

Боль и безопасность

Понравилось бы вам смотреть фильм об операции на мозге юной девушки, которая начинается с того, что кожу ее лица стягивают с черепа? Сомневаюсь. Когда психолог Джонатан Хейт и его коллеги показали такой фильм студентам, те охарактеризовали его как отвратительный, и немногие досмотрели его до конца. Фильм об обезьяне, которую избили до потери сознания, а затем извлекли ее мозг и подали его на тарелках, вызвал аналогичную реакцию.

В предыдущей главе мы рассмотрели простую теорию удовольствия от вымысла: наше сознание в какой-то мере равнодушно к тому, является ли опыт реальным. Если вы возбуждаетесь, видя реальный секс, вы будете возбуждаться, наблюдая за сексом актеров. Если вас интересуют любовь и предательство, то вас заинтересует роман, описывающий любовь и предательство. Удовольствия воображения “паразитируют” на удовольствиях реальной жизни.

Но такая теория объясняет не все. Иногда то, что в реальности было бы ужасным, скучным или навевающим тоску, чрезвычайно радует нас, когда происходит в воображении. Нам нравятся художественные произведения,

которые заставляют нас плакать, преследуют нас во сне или внушают омерзение. В виртуальных мирах мы занимаемся тем, что шокировало бы нас в реальности, и наши грезы далеко не всегда симпатичны. Даже счастливых людей могут преследовать страхи. Я попробую объяснить, почему.

Лучшие истории

Поскольку истории — суррогаты реальных событий, лучшие из них те, которые позволяют забыть, что это вымысел. Многие писатели стремятся к этому. Элмор Леонард советует писателям избегать всякого “бу-бу-бу”, то есть того, что привлекает внимание к автору и отвлекает от сюжета. Ричард Райт желал “зацепить читателя так крепко, чтобы тот забыл о словах и осознавал только свою реакцию на них”.

Чтение требует от читателя усилий. В кинофильме раствориться проще. Бывает, зрители во время фильма ужасов подсакивают в кресле и закрывают лицо руками. А помните историю времен начала кинематографа, когда зрители с криками побежали к выходу из зала, увидев, как ствол пушки на экране поворачивается в их сторону? Кино — самое близкое к виртуальной реальности зрелище, и, как подчеркивал Колин Макджин, лучше всего смотреть фильмы на большом экране. Сила впечатления теряется, если вы смотрите кино по телевизору или, еще хуже, в уголке компьютерного дисплея, рядом с почтовой программой и веб-браузером.

Техника может достичь того, что единственным различием между реальностью и вымыслом будет наше явное знание о том, что есть что. А может быть, в один прекрас-

ный день мы сможем обходиться и без этого знания. Люди начнут платить за виртуальное удовольствие, которое, подобно сну, будет восприниматься как реальность. Может быть, это происходит с вами как раз сейчас. Рене Декарт тревожился: вдруг все его впечатления фальшивы, его обманывает злокозненный демон? Или, возможно, мы лишь мозги, плавающие в резервуаре, или живем внутри Матрицы. Философ Роберт Нозик превращает эту тревогу в технологию получения удовольствия: он придумал машину виртуальной реальности, способную дать человеку иллюзию жизни, полной чрезвычайного наслаждения, и стирающую воспоминание пользователя о том, что он предпочел воспользоваться этой машиной. (Вы счастливы? Возможно, вы в машине Нозика прямо сейчас.)

Более примитивная версия: представьте, что ваши друзья наняли актеров, чтобы те погрузили вас в придуманный ими мир — в сюжет триллера или романтической комедии. Вы — главный герой, но не знаете, что это постановка. В конце вы испытаете разочарование, но процесс может быть столь же увлекательным, сколь и сама жизнь.

Но чего-то может и не хватать. Отчасти удовольствие, получаемое от книг, фильмов и так далее, требует понимания, что этот воображаемый мир создан кем-то намеренно.

Допустим, вы попадаете в странный дом. Вы заходите в гостиную и замечаете через окно на лужайке ребенка в подгузнике, спящего на одеяле. Вы подходите к окну и видите, что это вовсе не окно, а очень реалистичная картина в технике *trompe l'oeil**. В этот момент происходит переключение. По мере изучения картины вы испытываете волнение: на ребенка было приятно смотреть, но теперь вас действительно захватила эта потрясающая работа. Вы

* Буквально — “обман зрения” (фр.).

переключились на другой режим оценки, имеющий более мощный источник.

Или представьте, что вы летите на самолете и случайно услышали шепот пары, сидящей по соседству. Он может быть захватывающим (“Ты пытался поцеловать ее? — Нет, но хотел. — *Ублюдок*”) или банальным (“Ты купил новые лампочки? — У нас есть лампочки на кухне в буфете. — Нет, нету. — *Нет, есть*”). Но в любом случае диалог не предназначен ни для вашего слуха, ни для чье-либо еще. Он реален, и его притягательность в его подлинности.

Но что если вы обнаружите, что это своего рода уличный театр, что слова были произнесены в расчете на то, что их услышите именно вы? Щелкает переключатель, и вы видите происходящее в новом свете. Теперь у диалога есть смысл, он может повлиять на вас, впечатлить вас своей интеллектуальностью и изобретательностью или разочаровать своей примитивностью или предсказуемостью. Это совсем другая реакция, чем если бы вы думали, что диалог реален.

Вымысел — это форма демонстрации, и поэтому мы наслаждаемся виртуозностью и умом его автора. Не говоря уже о волнении от того, что вы находитесь в руках кого-то, кто контролирует сюжет, убеждает, приводит вас в восторг и запутывает, — кого-то, кто (в своей области, по крайней мере) умнее вас.

Лучшая иллюстрация этого — юмор. Смех вызывают социально значимые события. Физическая реальность редко когда бывает забавна. Если вы увидите, как некто идет один и смеется, то или он говорит по телефону, или вспоминает забавное событие, или он шизофреник. Достойные смеха ситуации часто возникают, потому что люди их придумывают, как в классическом сценарии “парень поскольз-

нулся на банановой кожуре”. Стандартная версия: человек идет; камера переключается на кожуру; общий план: человек приближается к кожуре; снова кожура; нога на кожуре; человек падает. Это может быть смешно, особенно если вы не видели это уже тысячу раз и если актер умело изображает удивление. Но такие ситуации обычно не очень забавны, когда речь идет о действительности. Я провел большую часть своей жизни в Монреале и много раз видел, как люди поскользываются на улицах. Прохожие вздрагивают, пытаются помочь или же отворачиваются, но обычно не смеются. (Я должен отметить: наверное, все-таки люди станут смеяться, если некто поскользнется на *банановой кожуре*, но именно потому, что это будет инстинктивно казаться намеком на жанр эксцентрической комедии.)

Чарли Чаплин как-то придумал версию шутки с кожей: человек идет; камера переключается на кожуру; общий план; снова кожура... и вот, когда его нога уже почти на кожуре, человек перешагивает ее — и проваливается в открытый люк. Однажды я видел другой вариант: человек перешагивает кожуру, и его сбивает грузовик. В любом случае это смешно, с одной стороны, из-за отсылки к вымышленной насильственной смерти (об этом чуть позже), но прежде всего потому, что режиссер обманул нас. Наш смех сродни аплодисментам. Это похоже на трюк из фильма ужасов, когда крупным планом показывают подростка, открывающего шкаф, звучит зловещая музыка, напряжение нарастает, затем бум! — громкий шум, резкое движение, — но это всего лишь кошка. И опять же люди смеются, потому что понимают интеллектуальный характер этого творения, они знают, что их водили за нос. В реальности все не так.

Конечно, мы иногда игнорируем тот факт, что воображаемый мир создан специально, с какой-то целью. Можно погрузиться в фильм или книгу, перенестись туда и пото-

му не замечать великолепной работы, проделанной, чтобы придать им сходство с реальностью и замаскировать присутствие писателя или режиссера. Присутствие автора особенно заметно, когда что-то идет не так и костюм выглядит неуместным или диалог — нереалистичным.

И даже если мы сознательно не думаем о вымышленном мире как о мире, созданном намеренно, мы чувствительны к решениям его творца. Мы реагируем на них, и наши реакции учитывают наш опыт восприятия этого жанра. Закадровый смех был ловким изобретением, эксплуатирующим заразительность смеха для того, чтобы комедии становились смешнее, но в последние годы он стал восприниматься как дешевая манипуляция, и теперь многие сериалы обходятся без него. В действительности изменилась наша реакция на смех в телешоу, а не на смех вообще, точно так же как за последние сто лет западные вкусы касательно портретов изменились вне всякой связи с изменением нашего отношения к лицам людей.

Журналист Арнольд С. Джейкобс отмечает, что во Франции XIX века театры нанимали клакеров, в том числе специалистов по смеху, плачу и вызыванию на бис, и выдвигает остроумную идею: добавить к телесериалам записанный заранее плач. Вы смотрите сериал о врачах, “и вдруг появляется игрок в софтбол со щепкой от биты во лбу, и вы слышите всхлипывание на заднем плане, которое превращается в рыдания”. Поначалу такие записи будут выглядеть странно и отвлекать, но как только они станут общим местом, мы будем поражаться, что некоторые сериалы обходятся без них.

Ученый и писатель Стивен Джонсон в провокационной книге “Все, что плохо, хорошо для вас” делает более общий вывод о том, как изменились наши ожидания. Он указывает, что смотреть сериалы двадцати- или тридцати-

тилетней давности с их болезненно медленным темпом, простецкими сюжетами и раскатами хохота за кадром может быть мучительно. Он сравнивает их с современными сериалами вроде “24 часа”, где переплетаются несколько сюжетных линий, диалоги сложнее и реалистичнее, и так далее. Вкусы аудитории изменились. Джонсон высказывает провокационное соображение, что эти перемены говорят о развитии нашего интеллекта. Я ограничусь скромным заявлением: мы поумнели в том, что касается телевидения. У нас развилась способность получать больше в этой медиасреде, и наш опыт повлиял на наши предпочтения.

Таким образом, когда мы наслаждаемся неким вымыслом, наша эстетическая реакция зачастую представляет собой реакцию на ум, знания, остроумие его создателя. И так же, как в случае спортивных зрелищ, музыки, изобразительного искусства, они могут доставлять удовольствие.

Есть и другие формы приятного человеческого взаимодействия. Ребенку может быть приятно слушать историю, рассказываемую матерью, просто из-за интимности этого события. А некоторые художественные произведения внушают нам восхищение, даже благоговение, перед взглядами автора на мораль. Литературовед Джозеф Кэрролл обосновывает эту мысль с помощью вымышленного персонажа — диккенсовского Дэвида Копперфильда, который обнаруживает ряд книг, принадлежавших его покойному отцу: “То, что Дэвид находит в этих книгах — не просто психологический чизкейк, возможность фантазии, в которой его собственные желания исполняются. Он обнаруживает яркие и сильные образы человеческой жизни, наполненной чувством и пониманием изумительно талантливых и сложных человеческих существ, написавших эти книги”.

Безопасность

Переход от естественного к искусственному делает возможными определенные эстетические удовольствия. Если вы понимаете, что имеете дело с вымыслом, вы можете ожидать, что ваши впечатления будут безопасными или хотя бы безопаснее, чем в действительности.

Что значит “безопасными”? Безопасными в буквальном смысле. Человек, наблюдающий за настоящей дракой в настоящем баре, может получить бутылкой по лицу, а тот, кто подслушивает разговор двух настоящих людей, сталкивается с реальным риском, что его заметят и пристыдят. С книгами и фильмами такой проблемы нет. И, как отмечалось в предыдущей главе, одна из поразительных характеристик вымысла такова: можно безопасно наблюдать за людьми в самые интимные моменты, приближаясь к ним так близко, как в реальной жизни ни за что не получится. Только в романах или в кино вы можете заглянуть в глаза тому, кто вас не увидит.

При знакомстве с художественной литературой вы понимаете, что в безопасности находятся и другие люди. Вы можете быть расстроены, когда что-нибудь ужасное происходит с вымышленными персонажами, потому что мы реагируем на воображаемые события как на реальность. Но огорчение это смягчается твердым знанием, что реальные мужчины, женщины и дети все-таки не пострадали. Это снижает эмоциональную цену вымысла.

Вымышленные истории безопасны еще в одном отношении. Реальный мир просто *есть*. Жизнь по большей части не имеет смысла, если вы, конечно, не видите повсюду руку Господню. Вас будит телефонный звонок, и выясняется, что кто-то неправильно набрал номер, и вы

не можете заснуть. Это просто неудачное стечение обстоятельств. Если утром на стене вы видите ружье, оно вовсе не обязательно выстрелит в обед. Но в вымышленных историях не бывает случайностей. Если вы смотрите фильм, в котором телефон будит героиню посреди ночи, то это не просто так. Кто-то проверяет, дома ли она. Или это ее двойник! Или и вправду кто-то ошибся номером. Но, проснувшись, она идет в ванную, смотрит в зеркало и вдруг понимает, что Боб никогда не любил ее.

Люди проводят большую часть жизни во сне, проверяя почту, сидя в туалете или перед телевизором, но все это редко показывают в кино, потому что это редко совпадает с задачами автора. (Некоторые режиссеры-экспериментаторы подчеркивают эти неинтересные или случайные аспекты жизни — тоже сознательно.) Наше понимание того, что в вымышленной истории все имеет смысл, влияет на наши ожидания и предпочтения.

Такого рода предсказуемость, к сожалению, отчасти портит нам удовольствие от “слишком безопасного” кино. Преследуя убийцу — красавца-датчанина, — убегающего по крышам албанских трущоб, Джеймс Бонд перепрыгивает со здания на здание. Это, должно быть, весело, но не так уж волнующе, потому что кто угодно, имеющий элементарное представление о кино, скажет, что Бонд не может упасть. Он неуязвим. Было бы здорово увидеть фильм о Джеймсе Бонде, в котором после вступительных титров он преследует убийцу, бежит к краю крыши, поскользывается на банановой кожуре и с воплем падает вниз. Финальные титры. Но этого не будет, и наше знание, что этого не будет, ослабляет удовольствие от сцены. В этом смысле дети могут получить больше удовольствия от триллеров, чем взрослые, потому что они не настолько хорошо знают правила игры.

Небезопасно для детей

Как и в случае с взрослыми, вступление “Жили-были...” что-то переключает в мозгах детей. Они отличают вымысел от реальности. Они знают, что Бэтмена не существует и что их лучший друг реален. Они знают, что фантастические события из сказок не могут произойти в реальности и что сказочные создания вроде драконов не обязательно следуют обычным законам природы. Они знают, что настоящее печенье можно съесть, а воображаемое — нельзя, и считают призраков, монстров и ведьм “придуманными”, в отличие от “настоящих” собак, домов и медведей.

В ходе ряда экспериментов мы с психологом Диной Сколник-Вайсберг выяснили, что даже дошкольники, как и взрослые, понимают, что вымышленных миров *множество*. Мы исходили из наблюдения, что у взрослых на уровне здравого смысла существует сложная космология реального и воображаемого: есть реальный мир, есть мир Бэтмена и Робина, мир Гамлета, мир клана Сопрано и так далее. Эти миры могут соприкоснуться. Например, мир Тони Сопрано и его мафиозной семьи вступает в контакт с миром Бэтмена, но только в том смысле, что Тони, как и мы, считает Бэтмена вымышленным персонажем.

Мы выяснили, что четырехлетние дети отчасти понимают эти сложности. Дети соглашаются с тем, что Бэтмен, Робин и Губка Боб Квадратные штаны придуманы. Они также понимают, что Бэтмен считает Робина реальным (поскольку они принадлежат к одному миру), а Губку Боба — вымышленным (потому что они живут в разных мирах).

Таким образом, когда речь идет о воображении, дети умны. Однако и уязвимы. Главная проблема — в “привыч-

ных представлениях”, в том факте, что мозг не вполне воспринимает разницу между тем, что считается реальным, и тем, что считается вымышленным. Никому еще не удавалось, читая о перестрелке, словить шальную пулю, однако нас может расстроить и даже травмировать то, что мы считаем нереальным. В предыдущей главе я рассмотрел это обстоятельство с точки зрения человека, пассивно воспринимающего вымышленный мир, но это еще вернее для того, кто играет вымышленную роль. Представьте, что вы пришли к любимому человеку и говорите, что вам нужно немного поактерствовать. Объясните, что будете кричать: “Я тебя ненавижу! Надеюсь, ты сдохнешь!” Убедите его, что это эксперимент и что эта строчка заранее прописана в его условиях. (Покажите эту страницу.) И все же, думаю, это будет неприятно произносить и неприятно слышать, так что я не рекомендую проделывать подобное. С другой стороны, если говорить о приятной стороне дела, то порой актеры, играющие влюбленных, действительно влюбляются друг в друга. И психотерапевты иногда советуют больным депрессией вести себя так, будто они счастливы. Улыбка оказывает позитивное влияние на настроение. Вот сила “привычного представления”.

Дети принимают это еще ближе к сердцу. Было бы безнравственно просить своего пятилетнего ребенка сыграть в игру, в которой вы притворяетесь, что ненавидите его, и кричите, что он бесполезен. Дети могут понять, что вы притворяетесь, но им труднее, чем взрослым, заблокировать эмоциональную силу вымышленных впечатлений. Притворное оскорбление станет настоящим.

Более мягкий вариант: психологи показывали детям ящик и просили представить, будто в ящике монстр. Потом им позволяли подойти к ящику. Многие дети отказывались засовывать туда пальцы. Не то чтобы они действи-

тельно поверили в монстра. Просто воображаемый монстр оказывает такое влияние на ребенка, что ему кажется, будто монстр реален. Дети слишком легко погружаются в воображаемое. Вот почему мы ограждаем их от определенных произведений. Не нужны никакие исследования, чтобы понять, что от фильмов ужасов у детей могут начаться кошмары.

В этом отношении дети отличаются от взрослых, но не кардинально. Я уверен, что если бы взрослые стали участниками эксперимента с монстром, то прежде чем опустить пальцы в ящик, они бы колебались секунду-другую, точно так же, как мы не хотим есть помадку в форме фекалий, хлебать суп из больничного судна, даже нового и чистого, или пить из сосуда с этикеткой “Цианид”, даже если мы точно знаем, что там просто вода.

Дети уязвимы и потому, что они меньше знают. В ходе серии экспериментов Дина Сколник-Вайсберг, Дэвид Собел, Джошуа Гудстайн и я рассказывали дошкольникам начало истории и просили их выбрать подходящее продолжение. Некоторые варианты начала были реалистическими (например, мальчик ехал на скутере), другие — фантастическими (мальчик умел становиться невидимым). Мы ожидали, что дети либо решат, подобно взрослым, что реалистические истории должны заканчиваться реалистично, а фантастические — фантастично, либо выберут фантастические продолжения для всех историй (в соответствии с идеей, что дети склонны к магическому мышлению). К нашему удивлению, дети продемонстрировали предубеждение против фантастического: они предпочли реалистические продолжения независимо от того, каким было начало.

Детское невежество делает вымысел менее безопасным. Несколько лет назад я смотрел с семьей “Освободите Вил-

ли — 2". В фильме есть сцена, когда персонажи оказываются на тонущем плоту. Мой пятилетний сын Закари начал шептать, что сейчас они утонут. Я объяснил ему, что все будет хорошо. Он спросил, откуда я это знаю — ведь мы не видели фильм раньше. Я сказал, что знаю, как бывает в таких фильмах: в хорошем семейном фильме чудесные детишки не могут погибнуть. Я оказался прав, и теперь Закари тоже это знает.

В тот же год мы плавали на каноэ по реке у нашего дома, и лодка перевернулась. Закари запаниковал и закричал, что мы утонем. На нас были спасательные жилеты, да и река в том месте не глубже метра, но его замечание во все не было необоснованным. В реальности — если только мы не верим, что некое божество руководит нашими жизнями, — нет рамок, присущих художественным произведениям. Жизнь — не фильм для семейного просмотра, и иногда чудесные детишки все-таки гибнут.

Садизм и ужасы

Как безопасность меняет впечатления от вымысла?

Для начала, она помогает нам получать удовольствие от боли и гибели других. Вы можете хохотать над сценой, когда пешеход проваливается в люк, потому что вы не беспокоитесь, что он умрет или останется калекой, вы не думаете о горе его жены и детей, потому что знаете, что персонаж этот вымышленный.

Повышенная терпимость к насилию очевидна в видеоиграх. Часто они предлагают выхолощенные версии приятных впечатлений реального мира — авиа- и автосимуляторы имитируют удовольствие от полета и гонки. С этой точки зрения можно объяснить и большую часть насилия

в видеоиграх. Обычно в игре вы попадаете в симуляцию, где герой занимается чем-то увлекательным, при этом морально безупречным: защищает мир от злых пришельцев, нацистов, зомби, зомби-нацистов. Игроки с удовольствием занялись бы чем-то подобным и в действительности, если бы это было безопасно.

Но есть и более мрачные удовольствия. Безопасность видеоигр позволяет людям реализовать свои худшие замыслы. Большинство игроков порой стреляют членам своей команды в голову, давят пешеходов или таранят своим самолетом здания (в игре *Microsoft Flight Simulator*, выпущенной в 1982 году, самой простой целью были Башни-близнецы в Нью-Йорке). Некоторое время тому назад, играя в *The Sims*, компьютерную игру, где вы создаете собственный воображаемый мир, мои дети и я лишили человека еды и сна на несколько дней и наблюдали, как он кричит, просит и плачет. Когда он умер, мы приветствовали это событие радостными возгласами.

Бывает и хуже. В *Grand Theft Auto* можно убивать проституток. А есть игры вроде японской *Rape Lay*, в которых главная цель — творить зло. Задумываешься, кто же играет в эти игры. В любом случае, безопасность этих игр (физическая, юридическая, избавление от волнений за других) позволяет реализовать садистские побуждения, на что люди предположительно не пошли бы в реальной жизни.

Эта идея может помочь нам решить давнюю загадку об удовольствии от вымысла, которую сформулировал в 1757 году Дэвид Юм:

Кажется, зрители хорошо написанной трагедии получают неизмеримое наслаждение от печали, ужаса, тревоги

и других страстей, которые сами по себе неприятны и тревожны. Чем больше они тронуты и задеты, тем больше они восхищены спектаклем... Они удовлетворены в той мере, в какой огорчены, и никогда не бывают столь счастливы, как когда они выпускают вздохи, всхлипывают и плачут, чтобы выпустить свою печаль и облегчить душу, переполненную сильнейшей симпатией и состраданием.

Юм изумляется тому, что зрители трагедии получают удовольствие от эмоций, обычно не очень приятных — печали, ужаса или тревоги и так далее, — но чем больше они их испытывают, тем становятся счастливее.

Эта загадка становится еще острее, когда мы обращаемся к тому, что философ Ноэль Кэрролл называет парадоксом ужаса. В отличие от трагедий, фильмы ужасов редко отличаются выдающимися эстетическими или интеллектуальными качествами. Но людям они нравятся, и они выстраиваются в очередь, чтобы посмотреть, как невинных людей убивают, пытаются и едят зомби, психопаты с топорами, садистски настроенные пришельцы, болотные твари, злобные младенцы и — в давнем фильме “Бешеная” (*Rabid*) — фаллическое жало под мышкой привлекательной женщины. Последнее десятилетие принесло нам фильмы вроде “Хостела” и “Пилы”, в которых центральную роль играет изображение садистских пыток. И смотрят их не только немногочисленные извращенцы: фильмы о пытках (в жанре *torture porn*) показывают в мультиплексах наряду с серьезными драмами о том, как разведенные женщины снова находят любовь, и дурацкими комедиями с участием нахальных осликов, помогающих главному герою.

Имейте в виду, что загадка тут — не только в том, как мы преодолеваем неприятные ощущения от смерти

и боли. Вопрос в том, почему они нравятся нам так сильно. “Пятница, 13-е” не стал бы более популярным фильмом, если бы Джейсон напал на людей с бейсбольной битой марки *Nerf*, как и “Гамлет” не стал бы выдающейся пьесой, если бы главный герой жил долго и счастливо. Люди любят фильмы ужасов именно потому, что они страшны. И, по крайней мере, на грубом, примитивном уровне современные фильмы куда страшнее, чем фильмы прошлого, и это отражает динамику спроса и предложения. Чем страшнее фильм, тем лучше. Как выразился бы Юм, если бы он жил в наши дни, негативные эмоции — это не баг, а встроенная функция.

Неприятные эмоции такого рода вовсе не обязательно притягательны в силу своей низкопробности. В 2008 году в “Нью-Йорк таймс” была опубликована дискуссия по поводу “Подорванных” (*Blasted*) — очень популярной пьесы, билеты на которую были задолго распроданы, а отзывы были восторженными. В статье описывалась сцена, где один мужчина насилует другого, а затем высасывает его глаза. Аудитория этой пьесы — люди старшего возраста, довольно утонченные и преуспевающие, а не улюлюкающие подростки, пытающиеся доказать друг другу, кто круче. Но никто, интересующийся этой постановкой, не сказал бы, что пьеса стала бы популярнее, если бы темы изнасилования и каннибализма были немного приглушены. Аудитории нравится эта сцена, и пьеса успешна в том числе благодаря ей.

Одно объяснение выдвинул Аристотель (Фрейд доработал его и сделал популярным). Речь о *катарсисе*: определенные события инициируют процесс психологического очищения, по ходу которого мы избавляемся от страха, тревоги и грусти и после этого чувствуем себя лучше, спокойнее и чище. Таким образом, мы испытываем отталки-

вающие впечатления ради позитивной отдачи в конце — ради облегчения.

Возможно, так и вправду бывает — есть люди, утверждающие, что им становится лучше, если они поплачут. Однако теория катарсиса не подтверждается научными данными. То, что эмоции якобы очищают — это неверно. Возьмем хорошо исследованный случай: просмотр жестокого фильма не расслабляет зрителя и не приводит его в мирное состояние, а, напротив, возбуждает. Люди не выходят с фильма ужасов, испытывая добродушие и спокойствие, а просмотр трагедии не приводит нас в легкомысленное настроение. Испытавший неприятные ощущения человек обычно чувствует себя хуже, а не лучше. Удовольствие от ужасов и трагедий, таким образом, нельзя объяснить восторженным остаточным ощущением.

Готовьтесь к худшему

На минуту оставим художественный вымысел и рассмотрим другую загадку: почему молодые животные, в том числе люди, затевают игровые схватки? Почему дети получают удовольствие от того, что толкают и сбивают друг друга с ног? Это не просто желание потренировать мускулы: в этом случае они скорее выполняли бы отжимания и приседания. Это не садизм и не мазохизм. Радость приносит сама борьба, а не боль и не причинение боли.

Разгадка такова: игровая схватка — это вид практики. Борьба — полезный навык, и практика позволяет его развить. Если вам многократно доведется драться, вы будете драться лучше. Но если вы проиграете, вы можете погибнуть или стать калекой, да и победители ломают себе пальцы, расквашивают носы и страдают. Как получить нужное,

не страдая? Вот остроумное решение: животные, которые дружат или состоят в родстве, могут использовать друг друга, чтобы развить свои боевые навыки, при этом сдерживая себя, чтобы никто не пострадал. Вот зачем нужны игровые схватки.

В целом игра — безопасная практика. Чем больше вы в чем-то практикуетесь, тем лучше что-то делаете. Но реальный опыт может быть дорогостоящим, так что люди стремятся при условии безопасности участвовать в определенных физических, социальных и эмоциональных “тренировках”. Спорт — физическая игра, развлекательные игры — интеллектуальная, а рассказы и мечты — социальная, в которой мы опосредованно и безопасно исследуем новые ситуации.

Во многом наши игры происходят у нас в голове, и это помогает осмыслить наше стремление к вызывающему отращиванию вымыслу. Подобно тому, как игровая схватка предполагает помещение ее участника в ситуацию, опасную в реальном мире, наши игры с воображением часто заводят нас в ситуации, включающие элементы неприятные, а иногда и ужасные — если бы они имели место в действительности. Стивен Кинг утверждает: мы выдумываем ужасы, чтобы помочь себе разобраться с реальными ужасами. Это “способ, помогающий практическому уму справиться с жуткими проблемами”.

Таким образом, нас притягивают худшие повороты событий. Детали не так уж важны. Мы любим фильмы о зомби не потому, что готовимся к восстанию зомби. И нам нет нужды планировать что-либо на тот случай, если мы случайно уьем отца или женимся на матери. Но даже такие экзотические ситуации — полезная практика на случай чего-либо ужасного, психологическая тренировка на тот случай, если мир превратится в ад. С этой точки зрения не сами зомби делают увлекательными фильмы о зомби.

Просто тема зомби — это ловкий способ рассказать историю о нападении незнакомцев и предательстве со стороны тех, кого мы любим. Вот что нас привлекает, а поедание мозгов — лишь бонус.

Некоторые люди избегают киноужасов, так же как некоторые никогда не вступают в игровую схватку. Но есть другие способы подготовиться к худшему, и каждый сам выбирает себе яд. Вам, может, и не понравится “Резня бензопилой — 3”, зато увлечет исследование потерь в “Языке нежности” (мать умирает от рака) или “Славном будущем” (*The Sweet Hereafter*): дети, школьный автобус, утес.

Также вы можете остановиться на дороге, чтобы поглазеть на аварию. Об этом пороке писал еще Платон. В “Государстве” он упоминает об афинянце Леонтии, который увидел у городской стены трупы казненных. Он хочет посмотреть на них, но отворачивается, борется с собой и в конце концов бежит к трупам и говорит своим глазам: “Вот вам, злополучные, насыщайтесь этим прекрасным зрелищем!”* Трупы реальны, но их можно безопасно разглядывать с расстояния, и желание посмотреть на них аналогично тому, что притягивает нас к воображаемой крови и воображаемой смерти.

Пол Розин указывал и другие случаи, когда мы целенаправленно подвергаем себя боли в контролируемых дозах. Например, исключительно человеческое удовольствие от специй вроде острого перца и напитков вроде черного кофе. Сюда же относятся слишком горячие ванны, поджаривание себя в сауне, борьба с тошнотой и страхом на американских горках, причинение себе умеренной физической боли — надавливание языком на больной зуб или помещение тяжести на растянутую лодыжку.

* Пер. А. Егунова.

Может ли этот “безобидный мазохизм” объясняться стремлением к безопасной практике? Возможно, нет: зачем практиковаться в поедании острой пищи или приеме горячих ванн? Эти примеры Розина могут иметь утилитарное объяснение. Вспомните шутку о человеке, который бился головой о стену. Когда его спросили, зачем это делать, он ответил: “Так приятно останавливаться”. В некоторых примерах Розина первоначальная боль может быть оправдана, так как ее перевешивает последующее удовольствие. Мы можем развить в себе способность наслаждаться горячей баней, потому что за нею всегда следует блаженство, когда температура опускается до нормального уровня.

Не столь безобидный мазохизм

Мы еще не рассмотрели тех, кто занимается старым добрым мазохизмом, кто заставляет других бить себя, пытать и унижать. Это необычные люди, и теория, работающая для тех, кому нравятся “Пятница, 13-е” и самый что ни на есть острый перец, к ним может быть неприменима.

Возможностей здесь масса. Некоторые мазохисты могут настолько пресытиться, настолько погрязнуть в повседневности, что выброс адреналина от боли и страха им просто необходим, чтобы сохранить интерес к жизни. Или, как в случаях, когда люди причиняют себе вред и калечатся, это может быть сигналом бедствия, указанием, что они отчаялись. Или, как предполагают некоторые, это странная форма научения: боль приводит к выбросу приглушающих ее опиатов, но со временем некоторые могут получать больше удовольствия от опиатов, нежели собственно от боли. “Теория горячей ванны” доведена в этом случае до предела.

Или, может быть, это самобичевание? Желание наказывать развивается в раннем возрасте, и это универсальная черта. Недавно совместно с психологами Карен Уинн и Кайли Хэмлин я обнаружил, что дети еще до двухлетнего возраста готовы наказывать (отнимая еду) человека, который украл у другого мяч. И есть много доказательств (полученных и в лаборатории, и в обыденной жизни), что взрослые готовы участвовать в так называемом альтруистическом наказании: жертвовать чем-либо (например, деньгами), чтобы наказать злодея. Фрейд предполагал, что мазохизм — это садизм, обращенный вовнутрь. Здесь сходная идея: возможно, жестокий мазохизм — это наказание, обращенное на себя.

Вымышленный пример — домовый эльф Добби. Он причиняет себе вред, когда делает что-то не так: “О нет, нет, сэр, нет... Добби должен наказать себя самым мучительным образом за то, что пришел повидать вас, сэр. Добби должен прищемить себе уши печной дверцей”. Но так бывает не только в вымышленных историях. В рамках одного исследования студентам предлагали наносить себе удар током, поворачивая рукоятку. Интересно, что сила удара возрастала, если до подключения к машине участников просили вспомнить какой-нибудь грех, что-либо, что они сделали в жизни не так.

Одна из параллелей между жестоким и повседневным мазохизмом состоит в том, что в обоих случаях нужно контролировать интенсивность боли. Любитель острой пищи должен следить за тем, что он кладет в рот. Поклонник хоррора сам выбирает фильм и решает, зажмуриваться ли ему. В садомазохизме (С/М) крайне важно, чтобы “М” мог подать “С” сигнал остановиться, и тот моментально отреагировал. Сигнал этот иногда называют “безопасным” словом.

Значит, философ Жиль Делез может быть отчасти прав, настаивая на том, что мазохизм направлен не столько на причинение боли и унижения, сколько на создание интриги и фантазий. Контроль исключительно важен, и именно это отличает мазохистское удовольствие от обычного удовольствия. Дэниел Бергнер излагает неприятный сюжет: закупщик лошадей по имени Элвис попросил, чтобы его полили медом, приправили имбирем и поджаривали на вертеле в течение трех с половиной часов. Это очень больно. Однако готов спорить, что если бы Элвис однажды утром вылез из постели и больно ушиб ступню, ему бы это совсем не понравилось, потому что на такое он не подписывался.

Пределный случай — визит к стоматологу. (В чем разница между стоматологом и садистом? У первого журналы свежие.) Одна статья о садомазохизме описывает женщину с высокой потребностью в боли, которая, однако, терпеть не могла походов к стоматологу. Ее бойфренд попытался убедить ее представить стоматологический осмотр как эротическое приключение, но ничего не вышло. Тут никак нельзя было обойти факт, что лечение зубов — это вынужденная боль, а не то, что она выбрала сама.

Грезы

Наш ум склонен блуждать. Когда сознание не занято чем-либо другим, мы обдумываем наше прошлое, планируем отпуск, скромно принимаем награды, выигрываем споры, занимаемся любовью и спасаем мир. Трудно узнать точно, какую часть жизни мы тратим на это. Около тридцати лет назад были проведены эксперименты, в ходе которых люди по псевдослучайному графику в течение дня слышали сиг-

нал и записывали, что они делали. Около половины времени бодрствования заняли грезы.

Недавнее исследование с помощью томографа позволило ученым пойти дальше: изучить активацию разных участков мозга во время выполнения человеком рутинной, повторяющейся задачи. Исследователи обнаружили в мозге участки, которые активируются, когда люди сообщают, что они отвлекаются, и заключили, что активация этой части мозга — его обычное состояние. Эти участки выключаются только тогда, когда люди делают что-либо, требующее сосредоточенности.

Грезы предполагают создание воображаемых миров. Вы можете представить себя в лесу, гуляющим по пляжу или летающим по воздуху. Тут мы сами себе и художники по декорациям, и специалисты по подбору актеров, и сценаристы — мы создаем воображаемых существ и населяем ими эти миры. Это индивиды, которые взаимодействуют с нами, будто живые люди. Экстремальный вариант — шизофрения, когда изобретение другого себя происходит помимо воли человека и больной верит, что эти сущности — реальные внешние актеры вроде сатаны, пришельцев или ЦРУ. Но обычно человек контролирует их и знает, что они созданы им, и каждый, наделенный даром речи, иногда пользуется этим даром, разговаривая с несуществующими людьми.

Иногда определенное воображаемое существо остается с нами и превращается в регулярно являющегося персонажа. Когда такое происходит с детьми, мы характеризуем эти альтернативные сущности как воображаемых друзей или компаньонов. Психолог Марджори Тейлор изучила этот феномен лучше, чем кто-либо еще, и она отмечает, что, несмотря на стереотипы, дети, выдумывающие таких компаньонов — не неудачники, не одиночки и не находятся на грани пси-

хоза. Более того, они могут быть даже лучше подготовлены к социальной жизни, чем дети без таких компаньонов. И они никоим образом не безумны. Дети прекрасно понимают, что эти персонажи лишь в их воображении.

Для взрослых существование таких устойчивых воображаемых компаньонов нетипично, хотя и такое бывает. Тейлор отмечает: писатели, выпускающие серии книг с одними и теми же персонажами, зачастую утверждают, будто эти персонажи отчасти решают свою судьбу.

Грезы могут приносить удовольствие самого разного толка. Наш абсолютный контроль над ними делает их идеальной площадкой для болезненных игр, о которых мы говорили выше. Многие грезы носят мазохистский характер. Люди воображают худшее: неудачи, унижение, гибель любимых. Бывают удовольствия и попроще: симуляция наслаждений из реального мира. Когда мы грезим, мы запускаем в голове фильмы для частного просмотра, в которых сами играем главную роль. Здесь нет бюджетных ограничений, никаких цензоров, здесь совершенная свобода в выборе актеров и отличные спецэффекты.

Но тут сразу возникают вопросы: если наши грезы столь прекрасны, зачем мы вообще выходим из дома? Зачем нужны другие удовольствия, воображаемые и реальные?

Слабость воображаемого опыта заключается, во-первых, в том, что он менее ярок, чем реальные удовольствия. Вообразите, каково это — прикусить язык. А теперь прикусите. Почувствовали разницу? Изображения на экране могут вызывать столь сильные эмоции (сексуальное возбуждение, ужас, отвращение), каких не даст воображение.

Во-вторых, в своих воображаемых “фильмах” я одновременно и режиссер, и сценарист. Это плохо, по-

тому что я не отношу себя к одаренным сценаристам или режиссерам. Стивен Спилберг и Педро Альмодовар лучше меня снимут фильм, братья Коэны сочинят более интересный сценарий, а Шекспир писал пьесы лучше, чем смогу я на пределе своих сил. Они в состоянии придумать для меня фантазию, которую я не смогу вообразить. Или сочинить увлекательные взаимоотношения между людьми. Или даже вообразить за меня достаточно болезненный мазохистский опыт.

Третья слабость грез — отсутствие пределов. Как отмечает психолог Джордж Эйнсли, мечты страдают от “нехватки дефицита”. Это ослабляет их мазохистскую силу, потому что самого себя невозможно неприятно удивить. Это ослабляет и радость от симуляции реальных удовольствий, потому что очень многие из них предполагают некую утрату контроля, а в мечтах вы контролируете все. Нет буквально ничего, что вы не смогли бы. Вы терпите неудачу только потому, что так решили. Так в чем же тогда ценность победы?

Эта мысль отражена в эпизоде сериала “Сумеречная зона”, где жестокий бандит погибает и оказывается в месте, где исполняются все его желания. Его настигает шок от попадания в рай, и сначала он прекрасно проводит время. Но затем он испытывает разочарование и скуку и через месяц говорит своему проводнику: “Мне не место в раю, понимаешь? Я хочу пойти в другое место”. Проводник отвечает: “А с чего вы взяли, что вы в раю, мистер Валентайн? Это и есть то самое *другое* место”. Момент для маниакального смеха.

Грезы, таким образом, — противоположность снам, поскольку во сне вы обычно ничего не контролируете. Это значит, что хороший сон может быть приятнее хорошей мечты, тогда как кошмар может быть действительно ужасным.

Есть немало способов сделать мечты лучше. Философ Йон Эльстер отмечает, что можно мечтать с друзьями. Бонус в том, что друг может придумать сценарии получше, но главное — присутствие другого человека накладывает ограничения. Нужно разбираться с конкурирующими интересами и желаниями. Такое ограничение может усилить удовольствие.

Есть и возможность погрузиться в виртуальные миры, от упрощенных физических миров авиасимуляторов и гоночных игр до полноценных вселенных вроде *Second Life* или *World of Warcraft*. Это может выглядеть как улучшенная форма грез: вы — действующее лицо в нереальном мире, но в этом мире есть ограничения, и вы не всегда можете получить то, что хотите. Вы также можете воспользоваться воображением других людей: в той же *Second Life* можно получить такие впечатления, какие я сам и придумать бы не смог.

Такие миры становятся все популярнее: они населены гуще многих стран. Есть люди, которые проводят там большую часть дня, и, я подозреваю, по мере развития технологий это будет все более распространенным образом жизни. Мой знакомый психолог попросила одну из своих сотрудниц попробовать пожить в одном из этих миров и составить отчет о том, каково это, как люди ведут себя там. Сотрудница так и не вернулась. Она предпочла виртуальную жизнь реальной.

Воображение меняет все. Оно возникло для планирования будущего и размышлений о том, что думают другие, но теперь, когда мы обладаем им, это для нас главный источник удовольствий. Мы можем получать впечатления, которые лучше реальных. Мы можем восторгаться людьми, создающими воображаемые миры. Мы можем в уме отрабатывать сценарии одновременно безопасные и ужасные.

Так будет происходить все чаще. Виртуальные миры станут расширяться, делая интерактивные грезы все привлекательнее, и технические достижения размоют грань между реальностью и воображением. Однажды у нас у всех будут голографические приставки и оргазматроны — или хотя бы телевизоры получше.

Но у воображения есть ограничения. Наши амбиции не останавливаются на приобретении новых впечатлений. Они выходят далеко за пределы нашего разума. Тот, кто тренируется в марафонском беге, не просто хочет добиться ощущения бега или убеждения, что он бежит марафон, — он хочет пробежать эту дистанцию. При прочих равных условиях управлять самолетом лучше, чем играть в авиасимулятор; секс лучше мастурбации; слухи лучше, чем остроумные, но выдуманные диалоги телеперсонажей. Воображаемые удовольствия — важнейшая часть жизни, но их одних недостаточно.

Глава 8

Зачем нам удовольствие

На протяжении большей части истории нашего вида не существовало ни телевизора, ни интернета, ни книг. У наших предков не было ни ресторанов “Макдоналдс”, ни противозачаточных таблеток, ни “Виагры”, ни пластической хирургии, ни ядерного оружия, ни будильников, ни флуоресцентных ламп, ни тестов на отцовство, ни писаных законов. Тогда на свете не было миллиардов людей.

Наши мозги — не современные творения, и многие наши неприятности объясняются несовпадением психологии каменного века и условий, в которых мы сейчас живем. Простой пример — ожирение. Человеку было трудно добывать пищу почти всю свою историю. Еще несколько веков назад средняя европейская семья тратила более половины своего бюджета на пропитание, да и получала в итоге немного: например, француз в XVIII веке ежедневно потреблял в среднем столько же калорий, сколько получает современный гражданин голодающей африканской страны. В мире, где еда в дефиците, разумно есть, когда есть что есть, и запастись жир. Тогда было самоубийственным отказываться от свежих фруктов или мяса. Но сейчас многие люди живут в условиях, когда еда дешева, обильна

и производится так, чтобы быть максимально приятной на вкус. Трудно — а для многих невозможно — противостоять дарвинистскому императиву: слопать все.

Еще пример. Было бы разумно рассматривать оскорбления и провокации со стороны незнакомцев — грубое поведение на дороге, грязные замечания в интернете — как несущественные. Нет ни малейшей выгоды в том, чтобы злиться. Однако человек, как и прежде, не приспособлен думать о незнакомцах, поэтому мы пристально (слишком пристально) следим за тем, что люди о нас говорят. Вот откуда агрессивное поведение на дорогах и войны в блогах.

Наконец, люди жили и эволюционировали в мире львов, орлов, куропаток и всего такого. Мы получаем удовольствие от природы. Многие наши современники упускают это из виду, ведь мы проводим свои дни в искусственной среде. Биолог Эдвард О. Уилсон доказывал, что это отчуждение от природы плохо на нас сказывается: “Мы... забываем, как много значит для нас мир природы”. Некоторые исследования показывают, что даже ограниченная доза чего-то естественного — вроде возможности посмотреть на мир через окно — полезна для здоровья. Тогда в больницах люди выздоравливают быстрее. Заключение реже болеют. Возня с домашними животными улучшает жизнь любого, от детей-аутистов до тех, кто страдает болезнью Альцгеймера.

Эти расхождения интересны и важны, и на них сосредоточены многие исследования и теоретические разработки в эволюционной психологии. Но ученые иногда упускают, что мы — не посторонние. Мы не крысы в лабиринте экспериментатора и не цирковые слоны. Мы сами построили этот искусственный мир. Это люди придумали “Биг-Мак” и печенье “Твинки”, скоростные шоссе, интернет и небоскребы, государство, религию и законы.

До этого момента книга была посвящена тому, что нам нравится и почему нам это нравится. В последней главе я рассмотрю некоторые следствия эссенциалистской природы удовольствия и его влияние на мир, в котором мы живем.

В сущности — нонсенс

Артур Кестлер рассказывает о двенадцатилетней девочке, дочери своего друга, которую сводили в Морской музей в Гринвиче, а потом попросили назвать самое красивое, что она там увидела. Она ответила, что это рубашка адмирала Нельсона. Как она выразилась, “рубашка с кровью просто прекрасна. Здорово: настоящая кровь на настоящей рубашке по-настоящему важного человека”.

Так и слышишь вздох Кестлера, когда читаешь его замечание: “Мы можем сопротивляться магии внутри нас не больше, чем земному притяжению”. Слово “магия” нагружено ассоциациями с иррациональностью, но может быть, это и правильно. Одно дело — предпочитать то или иное кресло, потому что оно удобнее, или радоваться картине, потому что вы поражены ее красотой. Это бессмысленно. Но не странно ли, что мы радуемся вещам (вроде рубашки покойника) не потому, что они могут принести нам пользу, и не благодаря их неким осязаемым качествам, а из-за их истории, в том числе из-за их незримой “сути”? “Сути”, которой нет! И не кажется ли тогда эта книга каталогом человеческой глупости? Разве это не длинный перечень доводов в пользу того, что на наслаждение влияют разные пустяки?

Некоторые психологи так и сказали бы. Мой соавтор Брюс Худ высказывает мысль в духе Кестлера, что это извра-

щенные привязанности того же рода, что и тревога, которую вызывают черные кошки и дома с привидениями. Они неразумны. Обсуждая оригиналы и подделки, Худ пишет: “Когда художественные критики и владельцы галерей говорят о сущности какого-то произведения искусства, это, в сущности, нонсенс”. В экспериментальной работе о том, почему нам нравятся или не нравятся предметы обихода, Худ и его коллеги противопоставляют “рациональные экономические решения”, связанные с утилитарной пользой для реального мира, “явно иррациональным суждениям”, под которыми они имеют в виду придание ценности объекту по сентиментальным причинам, таким как привязанность ребенка к знакомым предметам.

Демонстрация человеческой иррациональности — не новое занятие. Вспомните исследования Амоса Тверски и Дэниела Канемана, за которые последний получил в 2002 году Нобелевскую премию по экономике. Тверски и Канеман установили, что нередко нам не даются дедукция и вероятностные рассуждения. Мы можем заплатить 99,99 долларов за новые динамики, но пройдем мимо, если они будут стоить ровно сотню. Мы одержимы опасностью, которую представляет собой хранение дома оружия, но не обращаем внимания на куда более серьезную угрозу, которую таят в себе бассейны. Наше несовершенство не удивительно: мы ведь животные, а не ангелы. Естественный отбор сформировал наше сознание так, чтобы мы извлекали пользу из знания о мире, однако эволюция подготовила нас к удовлетворению потребностей, а не к их оптимизации. Вспомните также, что наша психика предназначена для жизни в другом, ушедшем мире, а не в том, в котором мы живем сейчас. Вполне объяснимо поэтому, что мы можем рассуждать не просто несовершенным образом, но еще и неэффективно. Психолог

Гэри Маркус прелестно сформулировал: наш мозг содержит “ляпы”.

Может быть, эссенциализм — один из таких “ляпов”? Конечно, у людей есть неверные эссенциалистские убеждения. Секс с девственницей не излечивает от СПИДа, а поедание трупа человека, владевшего английским, не улучшит ваше собственное знание этого языка. У человеческих групп, например чернокожих или евреев, нет “сущностей”, явно отличающих их от всех прочих. В ходе недавнего судебного процесса в Британии “Проктер энд Гэмбл” доказывала, что “Принглз” — не картофельные чипсы (и поэтому не подпадают под правила обложения НДС), поскольку они не содержат достаточно картофеля, чтобы иметь “картофельную сущность”. Верховный суд правомерно отклонил этот аргумент, указав, что аристотелевские концепции здесь неприменимы: у “Принглз” нет “сущности”.

Таким образом, многое из того, что мы думаем о сущностях, ошибочно. Но это не значит, что ошибочна эссенциалистская установка в целом. Как мы обсуждали в начале книги, бытие вещей глубже, чем кажется. Тигры — это не просто животные с определенной внешностью. У тигров есть глубинные качества, которые делают их тиграми, — имеющие отношение к ДНК и эволюционной истории. Золото — не просто вещество определенного цвета. Золото делает золотом его молекулярная структура. У индивидов тоже есть свои сущности. Двух новорожденных бывает трудно отличить друг от друга, но если один из них — ваш ребенок, а другой — нет, то этот неочевидный генетический факт очень важен. Сущности реальны, и вполне разумно уделять им внимание.

Но зачем той девочке было знать, чья кровь на рубашке Нельсона? Что в голове у человека, заплатившего пятьдесят тысяч долларов за рулетку Кеннеди? (Покупателем ее стал

Хуан Пабло Молино, дизайнер по интерьерам из Манхэттена, который заметил: “Когда я купил ту рулетку, первое, что я оценил — в здравом ли я уме”.)

Я думаю, он слишком суров к себе. Да, он ошибся бы, если бы неверно понял, что это за рулетка — например, что у нее есть магические силы. Но если она ему нравится просто потому, что принадлежала Кеннеди, то это лишь вопрос вкуса — не рациональный и не иррациональный. Если вам нравится ваниль, а мне шоколад, то у нас с вами разногласия, но ни один из нас не мыслит неразумно. И если Саре нравятся рулетки из-за их полезности, а Хуану — из-за их истории, то неверно говорить, что Сара умнее (или достойнее, или разумнее) Хуана, или наоборот.

Этот аргумент верен и в более общем смысле. Дэниел Бергнер, изучавший людей с необычными сексуальными желаниями, интервьюировал одного мазохиста, человека лет сорока пяти, который оставил работу на Уолл-стрит, чтобы проводить больше времени с детьми. Интервью проходило в салоне женщины-доминатрикс, а собеседник Бергнера был привязан к рабочему столу и одет в костюм из латекса и маску — открытым был только его рот. К основанию его пениса было прикреплено кольцо, подключенное к небольшому аппарату. Доминатрикс настроила аппарат так, чтобы при звуках речи он бил мужчину током, что делало Бергнера соучастником пытки. Но когда Бергнер осторожно спросил мужчину о его детском опыте, тот стал отрицать свою необычность: “Меня никогда не насиловали карлики-гомосексуалисты. Разве это такой уж чудной подход к жизни? Посмотрите на человека, который купил мяч Марка Макгуайра за три миллиона долларов. Ну, и кто из нас чудной?”

Я думаю, оба они довольно-таки чудные. Но все же никто из них не действует ошибочно ни в каком смысле.

Можно представить животных вроде нас, у которых мозг запрограммирован иначе: они не природные эссенциалисты и потому равнодушны к природе вещей. Такие существа не могли бы испытывать многие из наших удовольствий. Они бы с радостью меняли драгоценные обручальные кольца на их дубликаты. Они бы не собирали автографы и сувениры, а их дети не испытывали бы привязанности к успокаивающим вещам. Они бы не получали того же удовольствия от искусства, художественной прозы и даже мазохизма, потому что им бы не было дела до человеческого акта творения, лежащего в основе этого опыта. Такие индивиды не были бы умнее или глупее нас — они просто были бы другими.

Есть широкое пространство для суждений. Проблема не в том, верно или неверно это, рационально или иррационально, а в том, правильно это или неправильно. Некоторые удовольствия аморальны. Некоторые влекут человеческие страдания. Даже если нет ничего неразумного в сексе с маленькими детьми, это аморальное удовольствие, которое должно осуждаться. Если ваша любовь к еде побуждает вас уничтожать собственное тело или забирать что-то у других, то вы чревоугодник, и это также предосудительно.

Иногда наш эссенциализм побуждает нас поступать безнравственно. Мы обсуждали подобные случаи, вроде убийства детей ради их мяса или одержимости женской девственностью.

Эссенциализм также может вызывать навязчивые мысли по поводу материальных вещей и побуждать нас игнорировать потребности реальных людей. Роберт Франк, Ричард Лэйярд и другие экономисты доказывали, что при-

страстие к роскоши имеет свою цену и для общества, и что обществу было бы лучше, если бы такие покупки блокировались или осуждались. Философ Питер Сингер сформулировал эту мысль резко. Он обратил внимание на моральные проблемы, которые возникают, когда мы тратим деньги на дорогую одежду и машины вместо того, чтобы спасти голодающих детей. Если мы не были бы эссенциалистами, мы ценили бы определенные материальные вещи гораздо ниже, а людей, возможно, несколько выше. Такова цена нашего удовольствия.

Поиски сути

Нередко люди утверждают, что дорогая бутилированная вода просто вкуснее воды из-под крана или что оригинал Шагала выглядит лучше копии: мол, знающий человек сможет различить. В таких случаях мы не понимаем глубину своего удовольствия.

В других областях, однако, мы вполне осознаем свой интерес к сущностям. Этот интерес проявляется в любопытстве, которое многие испытывают к замыслу художника или рассказчика и, в частности, к тому, настоящая ли это история или выдуманная. Он проявляется, когда мы влюблены и у нас роман. Некоторым из нас очень интересно, сколько человеку на самом деле лет (в отличие от того, на сколько лет он выглядит) или использует ли он пластическую хирургию, ботокс, пересадку волос, и так далее. В целом попытки скрыть то, что мы считаем настоящей личностью, часто тревожат нас с моральной и эстетической точки зрения, и это отражается в том беспокойстве, которое у нас вызывают различные физические и психологические усовершенствования.

Или возьмем притягательность природы. Мы платим за то, чтобы жить ближе к океанам, горам и лесам. Квартира в Манхэттене с видом на Центральный парк стоит куда дороже квартиры, окна которой выходят на противоположную сторону. В офисных зданиях есть атриумы и оранжереи. Мы дарим цветы больным и любимым. Смотрим “Энимал плэнет” или “Дискавери”. Мы держим дома животных, представляющих собой странную комбинацию искусственных объектов (ведь собак и кошек выращивали, чтобы они стали компаньонами людей), суррогатов человека и проводников в природу. И многие из нас стремятся сбежать из искусственной среды обитания, когда только возможно — мы ходим в походы, катаемся на каное или охотимся.

Когда речь идет о природе, мы хотим чего-нибудь настоящего: заменители нас не устраивают. Можно заработать состояние, построив робота, которого дети станут воспринимать как животное. Была уже масса попыток, но результат не вызывает даже подобия эмоций, что живые щенки, котята, хомячки. Это игрушки, а не компаньоны. Или возьмем исследование психолога Питера Кана-младшего и его коллег. Они поставили 50-дюймовые *LCD*-телевизоры в те университетские помещения, где не было окон, и показывали природу. Людям это понравилось, но когда их тестировали с помощью физиологических методик, оценивающих восстановление сердцебиения после стресса, просмотр этих сцен оказался бесполезным, ничем не лучше осмотра пустой стены. А что помогало от стресса, так это выделение помещений с обычными стеклянными окнами, из которых открывался вид на настоящую растительность. Я думаю, мы жаждем настоящей природы, и наше понимание того, насколько это важно, отчасти объясняет тревогу по поводу того, что мы эту природу теряем.

Есть сферы, в которых хотя бы некоторые из нас осведомлены о нашем эссенциализме. Но есть и кое-что другое. Многие (а может, и все) прекрасно понимают, что мир не ограничивается лишь тем, что доступно органам чувств. Существует более глубокая реальность, и с ней-то мы и хотим вступить в контакт.

Это один из вариантов мотивации, стоящей за научными предприятиями. Несколько лет назад Ричард Докинз написал книгу “Расплетая радугу”. Название намекает на тревогу Китса, объявившего, что Ньютон своей физикой разрушил всю поэтичность радуги. Докинз доказывает, что это неверно: “Чувство благоговейного изумления, которое нам способна дать наука — одно из самых высоких переживаний, на какие способна человеческая психика. Это глубокая эстетическая страсть, стоящая в одном ряду с восхищением музыкой и поэзией. Это одна из тех вещей, которые делают жизнь действительно достойной”. Докинз говорит об удовольствиях от науки, о радости, которую дарит этот способ установления контакта с глубинной природой вещей.

Наука как институт существует не так уж долго, и в некоторых обществах ее нет до сих пор. Даже на Западе ученых меньше, чем фетишистов, обожающих ступни. Но аргумент Докинза касается и нынешних, и потенциальных потребителей научных открытий. И, я думаю, интерес читателей к книгам вроде тех, что пишет Докинз, подтверждает: многие интересуются знанием о глубинной природе вещей и получают от этого удовольствие.

И все же наука — не самый популярный способ заглянуть в трансцендентную реальность. Большинство предпочитает другой путь. Эти люди добиваются “благоговейного изумления” без погружения в менделеевскую генетику, периодическую таблицу химических элементов

или квантовую механику. Их желание достичь трансцендентного исполняет другой общественный институт — религия.

Говоря о религии, люди могут иметь в виду разное. Популярный подход к религии таков: это система верований, характеризующаяся определенным взглядом на реальность. Антрополог Эдвард Б. Тайлор в 1871 году написал, что “минимальное определение религии” есть вера в существование потусторонних существ: богов, ангелов, духов и так далее. Если у вас есть такое убеждение — значит, вы религиозны. Я думаю, это разумный способ описать общие черты всех религий, и моя предыдущая книга была отчасти исследованием того, откуда происходят такие верования. Религии можно рассматривать также как совокупность практик и признаков, означающих принадлежность к определенной группе. Быть христианином значит участвовать в определенных ритуалах и принадлежать к некоторой социальной группе. С этой точки зрения возникают интересные психологические вопросы о природе ритуалов и о том, почему люди решают в них участвовать, а также о том, как люди формируют группы.

Я думаю, однако, что религия — это не только верования, ритуалы и социальность. Есть нечто общее, что характеризует все религии: “духовность” (*spirituality*). Это концепция, что мир — это не только то, что воспринимают наши чувства. Существует некая глубинная реальность, имеющая личное и моральное значение. Социолог и теолог Питер Бергер говорит о важнейшей предпосылке, “что существует *иная реальность*, имеющая абсолютную значимость для человека и выходящая за пределы той реальности, к которой относится наш повседневный опыт”. Уильям Джемс в “Многообразии религиозного опыта” определяет религиозную жизнь как “веру в существование

невидимого порядка вещей и в то, что наше высшее благо состоит в гармоническом приспособлении к нему нашего существа^{3*}. Вот о чем говорят ученые, обсуждая священное и мирское: мирское — это повседневность, священное — иная реальность, которой жаждут люди.

Глубинная реальность с точки зрения религии отличается от глубинной реальности науки. Прежде всего, наука говорит нам (как выразился однажды физик Стивен Вайнберг), что вселенная бессмысленна. Ее не интересуют наш успех или счастье, она не дает моральных советов. Напротив, глубинная реальность религии полна смыслов, касающихся морали и любви. Кроме того, хотя наука может кое-что рассказать нам о глубинной реальности (например, при помощи микроскопов) и позволяет иногда даже манипулировать ею (например, с помощью сплайсинга генов), шарм религии сильнее, поскольку та дает инструменты, работающие на уровне опыта.

Такова одна из функций ритуалов. В некоторых ритуалах глубинная реальность — сверхъестественное — может каким-либо образом проявляться, воплощаясь в ритуальных предметах: например, в ходе евхаристии вино и облатки становятся кровью и телом Христа. (Вальтер Беньямин и Эллен Диссанаяке доказывали, что это процесс, похожий на создание произведений искусства.) В ходе молитвы, медитации или другого трансцендентного личного опыта можно напрямую связываться с этой глубинной реальностью. Такой опыт может иметь огромное значение.

Институты религии и науки существуют отчасти для того, чтобы удовлетворить интерес людей к трансцендентному, но интерес этот предшествует появлению таких институтов. Для ритуалов не нужна религия — дети

* Пер. В. Малахиевой-Мирович и М. Шик.

могут изобретать их спонтанно. Какие-то из них могут строиться на ассоциативных механизмах (я победил в игре в мяч, когда носил свои “счастливые” носки, теперь я надеваю их на каждую игру), другие могут отражать глубокую систему верований. Фольклористы Питер и Йона Опи, изучившие мировоззрение тысяч детей, заключили, что потребность в создании таких ритуалов — часть человеческой природы и что у детей “есть врожденное представление: порядок наших судеб определяется не только тем, что лежит на поверхности”.

Точно так же не нужно быть ученым, чтобы интересоваться, из чего сделаны вещи и откуда они происходят. Психолог Элисон Гопник выдвигает убедительный аргумент: ужасное поведение детей в двухлетнем возрасте может объясняться безумным любопытством малышей, которые ставят над миром эксперименты, делая что-то с людьми и предметами и наблюдая за результатами. И в возрастной психологии есть общее течение, начатое работами психолога Сьюзан Кэри, в рамках которого когнитивное развитие детей рассматривается как аналогия научного прогресса.

Критик может, однако, задуматься, насколько эти дорелигиозные и донаучные побуждения отражают эссенциализм в полном смысле слова, а не более общее желание детей манипулировать миром и понимать его. Я сам об этом задумываюсь. Меня убеждают данные экспериментов, приведенные в главе 1, что даже дошкольники — врожденные эссенциалисты, поскольку они неявно уверены, что у категорий и индивидуально определенных объектов есть скрытые, незримые сущности. Но есть ли у них желание вступить в контакт с этими сущностями? Приносит ли им эссенциализм удовольствие? Думаю, нам рано об этом судить.

С взрослыми дело обстоит яснее. Даже те, кто явно отвергает религиозные убеждения, проявляют интерес к трансцендентному. Они не закрывают глаза на притягательность глубинной реальности, но реагируют на нее вне рамок организованной религии. Рассмотрим взгляды некоторых современных атеистов. Я упоминал о книге Ричарда Докинза, где говорится о трансцендентной привлекательности научных изысканий. Сэм Харрис известен своими нападениями на монотеизм, но он большой поклонник буддизма и описывает его как “самую полноценную из имеющихся у нас методологию раскрытия подлинной свободы сознания, не отягощенной никакими догмами”. И Кристофер Хитченс, автор книги “Бог не любовь” (*God is not Great*), писал о важности “сверхчувственного” — под которым обычно подразумевается опыт контакта с божественным — и утверждал, что его можно испытать, не имея веры в сверхъестественное. Он выдвигает мысль, что люди полагаются на сверхчувственное и трансцендентное, и говорит, что не стал бы доверять никому, у кого таких чувств нет.

Даже самые твердые рационалисты, следовательно, разделяют эту жажду трансцендентного. Если вы ищете индивидов, не обладающих ею, то вы, возможно, ошиблись биологическим видом.

Благоговение

Опыт трансцендентного может быть связан с поразительной (и недостаточно осмысленной) эмоцией — благоговением.

Много что может вызвать благоговение. Психолог Дахер Келтнер отмечает, что классические случаи — это

столкновение с божественным. Знаменитый пример: обращение апостола Павла по дороге в Дамаск. Подробнее такая ситуация описывается в “Бхагавадгите”. Герой Арджуна спрашивает Кришну, может ли он увидеть “единый мир, движущееся и недвижимое”, и тот дает ему “божественное зрение”. Арджуна видит “всех богов и сонмы различных существ... и всех провидцев, и божественных змиев”, и “свет тысячи солнц”, и бесконечность: “Возрадовался я, узрев не виданное прежде, но и преисполнилась душа моя страхом”*. Это и есть благоговение.

Со временем ученые начали рассматривать эту эмоцию и в контексте другого опыта, не связанного с божественным. В 1757 году Эдмунд Берк говорил о возвышенном — благоговейной реакции, испытываемой при звуках грома, созерцании произведений искусства и прослушивании симфонии. Для него ингредиенты возвышенного — это сила (*power*) и неясность (*obscurity*). В наши времена эта сфера расширяется. Когда Келтнер попросил студентов Калифорнийского университета в Беркли рассказать ему об их опыте, связанном с благоговением, они говорили о музыке, изобразительном искусстве, могущественных и знаменитых людях, сакральных ощущениях, медитации и молитве. Они говорили о том, как они чувствовали себя, когда “Бостон ред сокс” выиграла Мировую серию, или о своем последнем сексе, или о том, когда на рок-концерте толпа носила их на руках, или об употреблении ЛСД.

Что общего у этих видов опыта? Келтнер и психолог Джонатан Хейт подчеркивают: это переживание необъятного — в физическом, социальном, интеллектуальном смыслах — и наша попытка осмыслить это переживание. Он отмечает, что когда мы испытываем благоговение, мы

* Пер. В. Эрдмана.

чувствуем себя маленькими, что соответствует определенным физическим реакциям, которые иногда сопровождают этот опыт, когда люди становятся на колени, кланяются или сворачиваются клубком. (Когда Савл — будущий Павел — узрел свет на пути в Дамаск, он упал на землю.)

Благоговение с точки зрения эволюции — это загадка. Келтнер предполагает, что по сути это социальная эмоция, которая отражает “чувство почтения к коллективу”. В основном его запускает появление могущественных людей, объединяющих сообщество, и мы принижаем себя, ведя себя подобострастно по отношению к этим людям. В этом отношении благоговение похоже на социальные эмоции, такие как лояльность группе и ненависть к тем, кто в группу не входит. Это социальная адаптация.

Это интересная, но уязвимая гипотеза. Прежде всего, не ясно, почему благоговение вызывают сущности и опыт, которые не имеют ничего общего с укреплением коллектива — например, Большой Каньон, импрессионистская картина или кайф от ЛСД. Затем, есть что-то сомнительное в заявлениях, что у нас есть специальная эмоция на тот случай, когда нас восхищают могущественные люди. Ведь это не святые. Они вовсе не обязательно хотят общего блага — речь идет о раболепии по отношению к ним самим. Они хотят заполучить наших партнеров, наших детей, наши ресурсы. Так почему же мы должны быть запрограммированы с радостью все это им отдавать? Каким образом может развиваться такая реакция? Представьте себе двух человекообразных, одно из которых готово пасть на колени и все отдать великому лидеру, а другое настроено цинически. Непонятно, почему гены первого имеют больше шансов на выживание и распространение.

Келтнер посчитал бы этот аргумент слишком циничным. Он видит в благоговении эмоцию, “преображающую

людей, заряжающую их энергией для поиска смысла жизни и для службы высшему благу”. Я думаю, миру было бы лучше, если бы благоговения не существовало вовсе. Нам было бы лучше, если бы мы могли хладнокровно оценивать способности и цели вероятных лидеров и не столь легко впадать в экстаз. Келтнер говорит о тех, кто достоин благоговения — Ганди и Далай-ламе. Мне же на ум приходят Гитлер и Сталин, а также бесчисленные мелкие диктаторы, полигамные религиозные фанатики и мерзкие интриганы, готовые эксплуатировать эту психологическую слабость.

Если благоговение — не элемент социальной адаптации, то какова его альтернатива? Возможна гипотеза, не противоречащая работам Келтнера и Хейта: это не адаптация, а случайность. Людей притягивает глубинная сущность вещей. Мы любопытны, и добывание новых знаний вознаграждается удовлетворением. Элисон Гопник в интересной работе “Объяснение как оргазм” проводит связь между удовлетворением от оргазма как стимулом для дальнейшего секса и удовлетворением от хорошего объяснения как стимулом к дальнейшим исследованиям. Но хорошего может оказаться слишком много. Возможно, чувство благоговения возникает, когда система перегружена: слишком много то ли божественной силы, то ли человеческой виртуозности.

Представьте себе

Способность мыслить о несуществующих мирах — полезная вещь. Она позволяет вдумчиво оценивать альтернативные варианты будущего — незаменимая вещь при планировании наших поступков. Она позволяет видеть мир таким, каким его видят другие (даже если мы зна-

ем, что они неправы) — важнейшее подспорье в обучении, лжи и соблазнении. И в сочетании с эссенциализмом она приводит нас к удовольствиям, занимающим главное место в современной жизни.

Прежде всего, она делает возможными художественные произведения и изобразительное искусство. Очевидно, что творцу таких произведений нужна сила воображения, но она необходима и аудитории. Удовольствие от вымысла недоступно, если вы не располагаете силой воображения, позволяющей создать альтернативную реальность. А удовольствие от изобразительного искусства часто связано с наличием пространства для интерпретации — обоснованных предположений о том, что происходило во время творческого процесса. Эстетическое наслаждение в определенной мере представляет собой процесс обратного проектирования, только вместо того чтобы физически разбирать объект, чтобы понять, как он сделан, вы делаете это в уме. Не имея воображения, вы получите удовольствие от красивых пятен краски на холсте, но никогда не насладитесь искусством так же, как нормальные люди.

Воображение делает возможными науку и религию, потому что обе рассматривают реальности, недоступные чувствам. От науки и религии ничего бы не осталось, если бы мы не могли вообразить ад под нами и рай над нами или если бы мы не могли представить идеальную сферу либо бесконечное пространство. Мы пришли бы в замешательство, если бы не были способны понять, что некая жидкость выглядит как вино, но при этом является кровью Христовой, или что камень на самом деле составлен из частиц и энергетических полей. И то, чем мы занимаемся сейчас (думаем о том, что потеряли бы, если бы не имели силы воображения), тоже упражнение в воображении.

В науке одна из ролей воображения заключается в том, что оно помогает проводить *мысленные эксперименты*, когда ученый иллюстрирует или проверяет гипотезу, воображая определенную ситуацию. Галилей использовал мысленный эксперимент, включающий бросание камней с башни, чтобы опровергнуть утверждение Аристотеля, что тяжелые предметы падают быстрее легких, а Эйнштейн использовал мысленный эксперимент с движущимся поездом, чтобы проиллюстрировать теорию относительности.

Религия уделяет особое внимание притчам, религиозные тексты полны ими. Притчи позволяют закрепить религиозные идеи — они запоминаются куда лучше, чем факты. Они делают идеи привлекательными для детей, учитывая удовольствие, которое те получают от вымысла.

Истории исполняют в религии и другую роль. В религии нередко есть игровой элемент, когда вы притворяетесь, будто нечто есть истина. Было бы неправильно и оскорбительно утверждать, что когда верующие говорят о поглощении крови и тела Христа, они лишь играют, как четырехлетний малыш, целящийся пальцем в преступников или пользующийся бананом вместо телефона. Часто религиозные утверждения — это искренние убеждения о реальности, подобно убеждению ученых, что вода состоит из молекул. Это нельзя увидеть, однако это так.

Но в религии немало утверждений, и не ко всем следует относиться одинаково серьезно. Возьмем ритуал из моей собственной, иудаистской традиции: во время пасхальной церемонии мы открываем дверь, чтобы Илия мог войти и выпить бокал вина, стоящий на столе. Это в чистом виде игра, и содержимое стакана потом выпивают или выливают назад в бутылку. Возможно, есть католики, которые подобным же образом мыслят о евхаристии:

как о ритуале без какой-либо метафизической подоплеки. Или возьмем процесс молитвы. Для одних это коммуникация с божеством, для других едва ли не нервный тик, а для третьих — нечто промежуточное.

Промежуточные случаи как раз больше всего интересны. Ситуация напоминает то, что психоаналитик Дональд Винникотт говорил об отношении детей к переходным объектам вроде плюшевых мишек и мягких одеял. Он утверждал — и обоснованно (см. главу 4), — что эти вещи заменяют детям мать или даже ее грудь. Но что сами младенцы думают об этом? Понимают ли они, что это заменители, или они действительно думают, что это их мать или ее грудь? Винникотт делает на этот счет любопытное замечание: “Что касается переходных объектов, то можно сказать, что между нами и ребенком заключено своего рода соглашение — мы никогда не спросим: ‘Ты сам это понял или где-то узнал?’ Важно то, что никакого ответа на этот вопрос не предвидится. Он вообще не должен быть задан”.

Иными словами — не спрашивайте. Я думаю, что замечание Винникотта передает ту двусмысленность, которую многие чувствуют по отношению к своим религиозным убеждениям: они имеют странный и хрупкий статус. Что касается науки, то и там есть вопросы к некоторым теоретическим конструкциям. Кварки и суперструны реальны — или это удобные абстракции? Некоторые советуют: не спрашивайте.

В любом случае воображение и трансцендентное тесно связаны. Воображение служит инструментом, позволяющим добиться определенных форм трансцендентного наслаждения. У нас есть сила, позволяющая не только вступать в контакт с глубинной реальностью, но и представлять, какой эта реальность может быть.

Такой силой располагают и дети. Мою любимую историю на эту тему рассказал специалист по образованию Кен Робинсон. Шестилетняя девочка сидела на занятиях, прикрывая рукой листок и совершенно поглощенная рисованием. Подождав минут двадцать, учительница спросила, что та рисует. Девочка, не отрывая глаз от бумаги, ответила: «Я рисую Бога».

— Но ведь никто не знает, как Бог выглядит!

— Сейчас узнают.

Примечания

Введение

“Пазухи сводов”. GOULD AND LEWONTIN 1979.
Узость психологии. ROZIN 2006.

Глава 1. Сущность удовольствия

История ван Меегерена. DOLNICK 2008; WYNNE 2006.
Романес об удовольствии и боли. Цит по кн.: DUNCAN 2006.
Счастливые люди. PINKER 1997, p. 387.
Восхождение обезьян. Цит. по кн.: JACOBS 2004.
Можно брать. MENAND 2002, p. 98.
История Симора. SALINGER 1959, pp. 4–5.
Философские основания эссенциализма. KRIPKE 1980; PUTNAM 1973, 1975. *Психологические основания эссенциализма*: BLOOM 2004; GELMAN 2003; MEDIN AND ORTONY 1989.
Локк о сущностях. LOCKE 1690/1947, p. 26.
Все еще тигр. KEIL 1989.
Эссенциализм в связи с артефактами. BLOOM 1996, 2000, 2004; MEDIN 1989; PUTNAM 1975.
Язык и эссенциализм. BLOOM 2000.
Классификация Борхеса. Цит. по кн.: ASKERMAN 2001, pp. 20–21.

- Основа естественного порядка.* GOULD 1989, p. 98.
- О существительных.* MARKMAN 1989.
- Не расист.* GELMAN 2003.
- Эссенциализм верен.* BLOOM 2004; PINKER 1997.
- Минимальные группы.* TAJFEL 1970, 1982.
- Митохондрический еврей.* GELMAN 2003, p. 89.
- Наполовину ирландец.* GIL-WHITE 2001.
- У мальчиков пенисы.* GELMAN 2003, p. 3.
- Гомер не был эссенциалистом.* FODOR 1988, p. 155.
- Обобщения младенцев.* BALDWIN, MARKMAN, AND MELARTIN 1993.
- Облик и сущность с точки зрения детей.* GELMAN AND MARKMAN 1986, 1987.
- Облик и сущность для маленьких детей.* GELMAN AND COLEY 1990; GRAHAM, KILBREATH, AND WELDER 2004; JASWAL AND MARKMAN 2002; WELDER AND GRAHAM 2001.
- Что внутри собаки.* GELMAN AND WELLMAN 1991.
- Общее название для "начинки".* DIESENDRUCK, GELMAN, AND LEWOWITZ 1998.
- Трансформация.* KEIL 1989.
- Тот, кто делает больно.* GELMAN 2003.
- О поедательнице моркови.* GELMAN AND HEYMAN 2002.
- Эссенциализм в биологии.* ATRAN 1998.
- Эссенциализм об артефактах.* DIESENDRUCK, MARKSON, AND BLOOM 2003; BLOOM 2004.
- Инстинкт мальчика.* GELMAN AND TAYLOR 2000.
- От биологии к социализации.* SMITH AND RUSSELL 1984; HIRSCHFELD 1996.
- Пример с монетой.* DENNETT 1996.
- Дети как виталисты.* INAGAKI AND HATANO 2002.
- Топор.* Электронное письмо от Эммы Коэн от 11 июня 2009 года.
- Стерилизация и ценность.* NEWMAN, DIESENDRUCK, AND BLOOM (under review).
- Не встречаться взглядами.* См.: <http://www.happiness-project.com>.
- Перерождение в роли тампона.* HOOD 2009.
- Благородная форма каннибализма.* KASS 1992, p. 73.
- Передача качеств.* SYLVIA AND NOWAK 1977.

- Поиски Далай-ламы. BLOOM AND GELMAN 2008.
О процедуре тестирования. GOULD 1941, p. 67; WANGDU 1941, p. 18.
Психические феномены, которые трудно поставить под вопрос.
COSMIDES AND TOOBY 1994.
Вопросы, которые задаст только психолог. JAMES 1892/1905, p. 394.

Глава 2. Гурманы

- История Майвеса и Брандеса. HARDING, L. *Victim of cannibal
agreed to be eaten* // The Guardian, December 4, 2003.
Каннибализм сохраняет близость. SMITH 1995.
Беспокойство Дамера. SMITH 1995.
Перец на груди. ROZIN AND SCHILLER 1980.
Люди всеядны. ROZIN 1976.
Сверхдегустаторы. BARTOSHUK, DUFFY, AND MILLER 1994.
О пищевых предпочтениях. ROZIN AND VOLLMECKE 1986.
Добывание пищи. HARRIS 1985.
Отталкивающая еда. ROZIN 1986.
Слабая связь пищевых предпочтений детей и родителей. BIRCH
1999; ROZIN AND VOLLMECKE 1986.
Как учатся у равных. HARRIS 1998.
Младенцы узнают о пище от похожих на них людей. SHUTTS ET AL.
2009.
Человечина и "Спам". THEROUX 1992.
Почему насекомые омерзительны. HARRIS 1985, p. 154.
Отвращение как реакция на гнилое мясо. PINKER 1997.
Тошнота и воображение. DARWIN 1872/1913, p. 260.
Развитие отвращения. BLOOM 2004; ROZIN AND FALLON 1987.
Собачьи фекалии. ROZIN, HAIDT, AND MCCAULEY 2000.
Не подходит для питья. SIEGAL AND SHARE 1990.
Дети Миллера. MILLER 1997.
Заставить взрослых есть нечто отвратительное. SMITH 1961.
Каннибализм как миф. ARENS 1979.
Мясо как желательная пища. ROZIN 2004.
Прелестные младенцы. HRDY 2009, p. 234.
Два типа каннибализма. LINDENBAUM 2004.

- Занюхать отца.* Keith Richards says he snorted his father's ashes, April 4, 2007. См.: <http://www.msnbc.msn.com/id/1793369>.
- Диалог с каннибалом.* HARRIS 1985, p. 206.
- Вы — то, что вы едите.* NEMEROFF AND ROZIN 1989.
- Претензии к католикам.* RAWSON 1985.
- Любвеобильные чудовища.* SENDAK 1988.
- Плацента на обед.* HOOD 2009.
- Убийства по правилам мутти.* TAYLOR 2004.
- Убийство альбиносов.* GETTLEMAN, J. *Albinos, long shunned, face threat in Tanzania* // New York Times, June 8, 2008.
- Ганди о душе животных.* COETZEE 1995.
- Лекарство от импотенции.* McLAREN 2007.
- Мясо и мужественность.* ROZIN 2004.
- Пятнадцать миллиардов в год на воду в бутылках.* FISHMAN 2007.
- Естественное и искусственное.* ROZIN 2005.
- Проблема с натуральной едой.* POLLAN 2006, pp. 96–97.
- Дорогостоящие сигналы.* COWEN 2007; FRANK 2000; MILLER 2009.
- Найти “Перье”.* FISHMAN 2007.
- Мысли влияют на вкус.* LEE, FREDERICK, AND ARIELY 2006.
- “Кока-кола”, “Пепси” и мозг.* McCLURE ET AL. 2004.
- Вино.* LEHRER 2009.
- Собачья еда.* BOHANNON 2009.
- Пиво.* LEE, FREDERICK, AND ARIELY 2006.
- Вино и мозг.* PLASSMANN ET AL. 2008.
- Сыр или запах тела?* DE ARAUJO ET AL. 2005.
- Рецепт мазохиста.* MICHAELS 2007.
- Безобидный мазохизм.* ROZIN AND VOLLMECKE 1986.
- Еда и человечность.* KASS 1994.
- Есть в машине.* POLLAN 2006.
- Мораль вместо этикета.* APPIAH 2008; PINKER 2008.

Глава 3. Постельная подмена

- Подмена в постели.* DONIGER 2000.
- Боязнь подмены в постели.* McEWAN 2005.
- Еврейская свадьба.* Спасибо Мюррею Райзеру за подсказку.

- Сексуальное поведение самца жабы.* DEKKERS 2000.
- Родительский вклад.* TRIVERS 1972; CLUTTON-BROCK 1991; DIAMOND 1998.
- Человеческая сексуальность.* DIAMOND 1998.
- Половые различия.* PINKER 2002.
- Скрытая овуляция.* См. в кн.: MILLER, TYBUR, AND JORDON 2007 данные о том, что у мужчин есть некоторая чувствительность к женской овуляции.
- Теории эволюции скрытой овуляции.* DIAMOND 1998.
- Лица “включают” мозг.* AHARON ET AL. 2001.
- Младенцы любят красивые лица.* LANGLOIS, ROGGMAN, AND REISER-DANNER 1990; SLATER ET AL. 1998.
- Красота произвольна.* DARWIN 1874/1909.
- Что делает лицо привлекательным.* RHODES 2006.
- Усредненные лица.* LANGLOIS AND ROGGMAN 1990; LANGLOIS, ROGGMAN, AND REISER-DANNER 1990.
- Некоторые привлекательные лица.* PERRETT, MAY, AND YOSHIKAWA 1994.
- Внешность важнее для мужчин.* BUSS 1989.
- Женщины и мужчины согласны относительно привлекательности.* LANGLOIS ET AL. 2000.
- Во время овуляции женщины предпочитают мужественные лица.* JOHNSTON ET AL. 2001; JONES ET AL. 2008; PENTON-VOAK ET AL. 1999.
- Голова на палке.* BOESE 2007.
- Фетишисты и ступни.* BERGNER 2009.
- Сексуальные футболки.* WEDEKIND AND FÜRI 1997.
- Привлекательность женщин, виденных на занятиях.* MORELAND AND BEACH 1992.
- Эффект знакомства.* ZAJONC 1968.
- Привлекательно ли?* KNIFFIN AND WILSON 2004.
- Привлекательная улыбка.* RHODES, SUMICH, AND BYATT 1999.
- Мужчина или женщина?* FREUD 1933/1965, p. 141.
- Что младенцы знают о мужчинах и женщинах.* MILLER, YOUNGER, AND MORSE 1982; QUINN ET AL. 2002.
- Как дети понимают гендерные стереотипы.* MARTIN, EISENBUD, AND ROSE 1995; GELMAN 2003.

- Остров мальчиков и остров девочек.* TAYLOR 1996.
- Исследования с интервью.* GELMAN 2003.
- Дети не одобряют ношение одежды другого пола.* LEVY, TAYLOR, AND GELMAN 1995.
- Инцест между братом и сестрой.* HAIDT 2001.
- Не надо волноваться о помешанных на сексе братьях и сестрах.* PINKER 1997.
- Сексуальное отторжение у не-родственников.* Ibid.
- Что убивает либидо?* LIEBERMAN, TOOBY, AND COSMIDES 2007.
- Мужчины, которые ошибаются насчет генов детей.* ANDERSON 2006.
- Чем рискует приемный отец.* DALY AND WILSON 1999.
- Младенцы, похожие на отца.* CHRISTENFELD AND HILL 1995.
- Быть похожим на отца — плохо.* DEBRUINE ET AL. 2008; PAGEL 1997.
- Места за секс-столом.* См.: <http://www.slate.com/id/2174411>.
- Мнимые девственницы.* COWEN 2007.
- Девственность.* HOOD 2009.
- Список Дарвина.* DESMOND AND MOORE 1994.
- Любовь Дарвина.* QUAMMEN 2006.
- Важность доброты.* BUSS 1989.
- Хвост павлина.* CRONIN 1991.
- Половой отбор и человеческий мозг.* MILLER 2000, p. 5.
- Почему не картофель?* MILLER 2000, p. 124.
- Почему не “Звездный крейсер ‘Галактика’”?* COWEN 2007.
- Как сделать пенис лучше.* MILLER 2000.
- Преимущество настоящей любви.* PINKER 1997, pp. 418, 416.
- Любовь и привязанность.* FISHER 2004.
- Привязанность матери к ребенку.* MAYES, SWAIN, AND LECKMAN 2005.
- Притяжение близнецов.* WRIGHT 1997.
- Постельная подмена Зингера.* PINKER 1997.
- Синдром Капгра.* RAMACHANDRAN AND BLAKESLEE 1998.
- Мужественный и красивый двойник.* FEINBERG AND KEENAN 2004, p. 53. Благодарю Райана Маккея за подсказку.

Глава 4. Незаменимое

- Чего не купишь за деньги.* WALZER 1984.
- Табуированные сделки.* FISKE AND TETLOCK 1997; TETLOCK ET AL. 2000.
- Большинчный администратор.* TETLOCK ET AL. 2000.
- Деньги.* ARIELY 2008.
- Системы транзакций.* FISKE 1992; PINKER 2002.
- Обмен у обезьян.* CHEN, LAKSHMINARYANAN, AND SANTOS 2006.
- Сертификаты.* См.: http://www.consumersunion.org/pub/core_financial_services/005188.html.
- Эффект вклада.* KAHNEMAN, KNETSCH, AND THALER 1990, 1991.
- Чем дольше вещь принадлежит вам, тем сильнее нравится.* STRAHILEVITZ AND LOEWENSTEIN 1998.
- Свадебные подарки.* BREHM 1956.
- Наш выбор влияет на то, что нам нравится.* BEM 1967; FESTINGER 1957; LIEBERMAN ET AL. 2001; STEELE AND LIU 1983.
- Эффект Брема у детей и обезьян.* EGAN, SANTOS, AND BLOOM 2007; EGAN, BLOOM, AND SANTOS (in press); CHEN 2008; CHEN AND RISEN 2009; SAGARIN AND SKOWRONSKI 2009.
- Что делает объект ценным?* FRAZIER, GELMAN, AND HOOD 2009.
- Аукцион вещей Кеннеди.* MCGRATH, C. *A Kennedy plans a tag sale, so Sotheby's expects a crowd* // The New York Times, December 1, 2004.
- Шекспировская древесина.* PASCOE 2005.
- Пенис Наполеона.* PASCOE 2007.
- Коллекция Фоера.* FOER 2004.
- Контагиозная магия.* FRAZER 1922, pp. 37–38.
- Части тела знаменитостей.* PASCOE 2005, p. 3.
- Пот и так далее.* HOOD 2009.
- Исследование свитера.* NEWMAN, DIESENDRUCK, AND BLOOM (under review).
- Прикосновение привлекательного человека.* ARGO, DAHL, AND MORALES 2008.
- Разрушение дома Уэстов.* HOOD 2009.
- Свитер Гитлера.* ROZIN, MILLMAN, AND NEMEROFF 1986.

- Аукционы презираемых предметов.* STONE, G. *Murderabilia' sales-distress victim's families* // August 15, 2007, <http://abcnews.com>.
- Беркли о свойствах.* BERKELEY 1713/1979, p. 60.
- Младенцы.* WYNN 1992; WYNN 2000, 2002; XU 2007.
- Отсылки к индивидуальному в первых словах детей.* BLOOM 2000; MACNAMARA 1982.
- “До?” BLOOM 2000.
- Дублицирующие машины.* HOOD AND BLOOM 2008.
- Дети доверяют необычным машинам.* DELOACHE, MILLER, AND ROSENGREN 1997.
- Копирование хомяка.* HOOD AND BLOOM (under review).
- История Блуи.* GORNIK 2006, p. 262.
- Антропоморфизм.* GUTHRIE 1993.
- Лица на Луне.* HUME 1757/1957, p. 29.
- Гипертрофированный социальный интеллект.* BOYER 2003, p. 121.
- Винникотт о переходных объектах.* WINNICOTT 1953.
- Объекты привязанности японских и американских детей.* HOVARA 2003.
- Эксперимент с объектами привязанности.* HOOD AND BLOOM 2008.
- Объекты привязанности детей.* LEHMAN, ARNOLD, AND REEVES 1995.
- Билли.* HOOD 2009.

Глава 5. Зрелища

- Эксперимент Белла.* WEINGARTEN, G. *Pearls before breakfast* // Washington Post, April 8, 2007.
- Кэтрин.* KOESTLER 1964, pp. 403, 408.
- История ван Меегерена.* DOLNICK 2008; WYNNE 2006.
- Грета Гарбо.* DUTTON 2008.
- Музыка как загадка.* DARWIN 1874/1909.
- Пение в племени мекраноти.* LEVITIN 2008.
- Музыка как доказательство бытия Божия.* VONNEGUT 2006.
- Животные не любят музыку.* MCDERMOTT AND HAUSER 2007; LEVITIN 2008.

- Младенцам нравится музыка.* TRAINOR AND HEINMILLER 1998; ТРЕНУВ 2003.
- Травма мозга и равнодушие к музыке.* SACKS 2007.
- Музыка как чизкейк.* PINKER 1997, pp. 534, 525.
- Вымысел как адаптация.* PINKER 2007.
- Параллели между музыкой и языком.* LERDAHL AND JACKENDOFF 1983.
- Адаптационистская теория музыки.* LEVITIN 2006, 2008.
- Синхронные эффекты.* CHARTRAND AND BARGH 1999; WILTERMUTH AND HEATH 2009.
- Музыкальные вкусы формируются в утробе матери.* LAMONT 2001.
- Перевернутая U.* BERLYNE 1971.
- Возраст и предпочтения в музыке.* SAPOLSKY 2005, p. 2001; HARGREAVES, NORTH, AND TARRANT 2006.
- Музыкальные предпочтения и социальная принадлежность.* LEVITIN 2006.
- Не слушать музыку родителей.* COWEN 2007, p. 67.
- Экспериментальная эстетика.* SILVA 2006.
- Изображения как суррогаты.* PINKER 1997.
- Обезьянья порнография.* DEANER, KHERA, AND PLATT 2005.
- Называть картинки в первый раз.* HOCHBERG AND BROOKS 1962; EKMAN AND FRIESEN 1975.
- Младенцы понимают изображения.* DELOACHE, STRAUSS, AND MAYNARD 1979.
- Дети тянутся к картинкам.* DELOACHE ET AL. 1998.
- Представления как реальность.* ROZIN, MILLMAN, AND NEMEROFF 1986.
- Нежелание резать фотографии.* HOOD ET AL. (in press).
- Бросать дротиком в фотографии младенцев.* KING ET AL. 2007.
- Эффект знакомства и импрессионистские картины.* CUTTING 2006.
- Форма картины и ее цена.* COWEN 2007.
- Нам важно, как создавалось произведение.* DUTTON 2008.
- Половой отбор и происхождение искусства.* MILLER 2000, 2001.
- Очарование противоположного пола.* DARWIN 1874/1909, p. 585.
- Люди — не павлины.* HOOPER AND MILLER 2008.

- “Выбор Софи”. STYRON 1979.
- Никто не думает о полезности. JAMES 1890/1950, p. 386.
- Искусство исторично. DANTO 1981; DAVIES 2004; LEVINSON 1979, 1989, 1993.
- Искусство как демонстрация. DUTTON 1983, p. 176.
- Детские рисунки. BLOOM 2004; COX 1992; WINNER 1982.
- Дети думают об истории. BLOOM 2004; BLOOM AND MARKSON 1998; PREISSLER AND BLOOM 2008.
- Беньямин и Мальро об оригиналах. Цит. по кн.: KIERAN 2005.
- Вы рисуете Поллока. YENAWINE 1991.
- Усилия и приязнь. KRUGER ET AL. 2004.
- “Эффект ‘ИКЕА’”. NORTON, MOCHON, AND ARIELY 2009.
- Марла Олмстед. FINEMAN 2007.
- Свойства искусства. DUTTON 2008.
- Пары почти идентичных объектов. DANTO 1981.
- Что такое искусство для детей? GELMAN AND BLOOM 2000; GELMAN AND EBELING 1988.
- Искусство животных — не искусство. DUTTON 2008.
- Наброски Родена. KIERAN 2005.
- Выкидыши как искусство. KENNEDY, R. *Yale demands end to student’s performance* // *New York Times*, April 22, 2008.
- Банка фекалий Мандзони. DUTTON 2008.
- Трудно хранить какашки в банке. DUTTON 2008.
- Искусство: от “что” к “как”. MENAND 2009.
- Искусство об искусстве. REZA 1997, pp. 3, 15; BLOOM 2004.
- Подставка на конкурс. JONES, S. *Royal Academy’s preference for plinth over sculpture leaves artist baffled* // *The Guardian*, June 15, 2006.
- Никакой не Эйнштейн. DOLNICK 2008, p. 291.
- Достижение Баннистера. GLADWELL 2001.
- Ускоренный вальс. DUTTON 1983.
- Нарушение правил. GLADWELL 2001; SANDEL 2007.
- Стероиды. JARUDI 2009.
- Инстинктивный консерватизм. JARUDI 2009; JARUDI, CAS-TANEDA, AND BLOOM (under review).
- Способность делиться намерениями. TOMASELLO ET AL. 2005.
- Прогнозы. См.: <http://fairmodel.econ.yale.edu/rayfair/marath1.htm>.
- “Книга рекордов Гиннесса”. DUTTON 2008.

- Мировой чемпионат по поеданию жареного сыра.* COWEN 2007.
Проблемы с красотой. DANTO 2007. Благодарю Джонатана Гилл-мора за подсказку.
Гримасничанье. KIERAN 2005.
Правила гримасничанья. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Making_a_face.

Глава 6. Воображение

- Исследования по тайм-менеджменту.* GLEICK 2000.
Четыре часа на ТВ. См.: http://en.us.nielsen.com/main/insights/nielsen_a2m2_three.
Европейская одержимость нереальным. NETTLE 2005.
Друзья и "Друзья". См.: <http://www.unc.edu/~mcgreen/research.html>.
Воображаемые удовольствия как побочный продукт. PINKER 1997.
Дети притворяются и играют. HARRIS 2000.
Четырехлетние понимают притворство. SKOLNICK AND BLOOM 2006a.
Притворство у младенцев. ONISHI, BAILLARGEON, AND LESLIE 2007.
Ребенок Дарвина. DARWIN 1872/1913, p. 358.
Игровые поклоны. BEKOFF 1995.
Ложные представления годовалых. ONISHI AND BAILLARGEON 2005.
Метарепрезентации в сериале "Друзья". ZUNSHINE 2006, p. 31.
Гипотезы и будущее. NUTTALL 1996, p. 77.
Метарепрезентации и притворство. LESLIE 1994; HARRIS 2000.
Хомски о языке. CHOMSKY 1987; PINKER 1994.
"Жестокая игра" по-китайски. DONIGER 2000.
Универсальные сюжеты. MCEWAN 2005, p. 11; BARASH AND BARASH 2008.
Важность человеческих различий. JAMES 1911, p. 256.
Загадка Анны Карениной. RADFORD 1975; GENDLER AND KOVAKOVICH 2005; MORREALL 1993; WALTON 1990.
Психологи используют вымысел для изучения реальности. NICHOLS 2006.

- Отношение к истории как к факту.* GREEN AND DONAHUE 2009.
- Роберта Янга принимали за доктора.* REAL 1977.
- В безопасности, но напуган.* Все примеры из кн.: GENDLER 2008.
- Концепция “привычных представлений”.* GENDLER 2008, 2009.
- Чего люди не любят.* ROZIN, MILLMAN, AND NEMEROFF 1986; NEMEROFF AND ROZIN 2000 (исследование с пистолетом не публиковалось).
- Наши ум блуждает.* MASON ET AL. 2007.
- Линь Юйтан.* Благодарю Тамар Гендлер за подсказку.
- Погружение в вымысел.* GERRIG 1993; GREEN AND BROCK 2000.
- Психологические исследования первого лица.* COPLAN 2004.
- “Челюсти”.* CARROLL 1990.
- Сочувствие в литературе подобно сочувствию в жизни.* COPLAN 2004.
- О важности слухов.* DUNBAR 1998.
- Мир без нас.* WEISMAN 2007.
- Литература и намерения.* ZUNSHINE 2006, p. 26.
- Эволюционное значение престижа.* HENRICH AND GIL-WHITE 2001.
- Вымысел помогает практиковаться.* ZUNSHINE 2006.
- Вымысел помогает получить социальный опыт.* MAR AND OATLEY 2008.
- Вымысел как способ решить реальные проблемы.* DUTTON 2008; PINKER 1997, p. 543.
- Истории и моральные перемены.* BLOOM 2004; NUSSBAUM 2001.
- Джонсон о трагедии.* Цит. по кн.: NUTTALL 1996.
- Правила выражения мыслей.* ZUNSHINE 2008.
- Вуайеризм.* MCGINN 2005, p. 55.

Глава 7. Боль и безопасность

- Фильмы об операциях на мозге.* HAIDT, MCCAULEY, AND ROZIN 1994.
- “Бу-бу-бу”.* LEONARD, E. *Easy on the hooptedoodle* // New York Times, July 16, 2001.

- Забуть слова.* WRIGHT 2007, p. 280.
- Лучше на большом экране.* MCGINN 2005.
- Машина Нозика.* NOZICK 1974.
- Банановая кожура.* DALE 2000.
- Записанный плач.* JACOBS 2004, p. 46.
- ТВ стало умнее.* JOHNSON 2005.
- Что Дэвид Копперфильд узнал из книг.* CARROLL 2004, p. 48.
- Дети различают вымысел и реальность.* SKOLNICK AND BLOOM 2006a.
- Множественные миры.* SKOLNICK AND BLOOM 2006b.
- Улыбки делают вас счастливыми.* SOUSSIGNAN 2002.
- Монстр в ящике.* HARRIS ET AL. 1991.
- Взрослые не желают пить воображаемый цианид.* ROZIN, MARKWITH, AND ROSS 2006.
- Детское понимание механизма историй.* WEISBERG ET AL. (under review).
- Игра "Rape Lay".* ALEXANDER 2009.
- Неизмеримое удовольствие.* HUME 1757/1993, p. 126.
- Парадокс ужаса.* CARROLL 1990.
- Фильмы с пытками.* EDELSTEIN 2006.
- "Подорванные".* HEALY, PATRICK *Audiences gasp at violence; actors must survive it* // New York Times, November 5, 2008.
- Проблемы катарсиса.* MCCAULEY 1998.
- Игры животных.* BURGHARDT 2005.
- Фильмы ужасов как практика.* Предположение сформулировано под влиянием работы: DENISON (under review).
- Тактики сильной психики.* KING 1981, p. 316.
- Платоновский зевака.* DANTO 2003.
- Безобидный мазохизм.* ROZIN AND VOLLMECKE 1986.
- Причинение себе вреда как сигнал бедствия.* HAGEN (under review).
- Выброс опиатов.* BERNIS 2005.
- Дети, наказывающие нас.* HAMLIN, WYNN, AND BLOOM (under review).
- Альтруистическое наказание.* FEHR AND GÄCHTER 2002.
- Мазохизм как форма садизма.* FREUD 1905/1962.
- Плохой Добби.* ROWLING 2000, p. 12.

Током за грехи. INBAR ET AL. 2008; NELISSEN AND ZEELENBERG 2009.

Делез о мазохизме. BERNS 2005.

Элвис покинул здание. BERGNER 2009.

Журналы лучше. COWEN 2007.

Садомазохист у стоматолога. WEINBERG, WILLIAMS, AND MOSER 1984. Благодарю Лили Гийо за подсказку.

Половина времени нашего бодрствования. KLINGER 2009.

Мозг. MASON ET AL. 2007.

Воображаемые миры и множественные личности. BLOOM 2008.

Воображаемые друзья детей. TAYLOR 1999; TAYLOR AND MANNERING 2007.

Авторы взрослой прозы. TAYLOR, HODGES, AND KOHANYI 2003.

Нехватка дефицита. AINSLIE 1992, p. 58.

“Сумеречная зона”. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/A_Nice_Place_to_Visit.

Сны. Спасибо Марселю Кинсборну за подсказку.

Мечты с другом. ELSTER 2000.

Глава 8. Зачем нам удовольствие

Немного еды. FOGEL 2004.

Аппетиты охотников и собирателей в нашем мире. BROWNELL AND HORGEN 2004.

Мы получаем удовольствие от природы. BLOOM 2009.

Опасности отчуждения от природы. WILSON 1999, p. 351.

Выгоды природы. КАHN 1997.

Кровь и магическая тяга. KOESTLER 1964, p. 405.

Нонсенс. HOOD 2009, p. 145.

Привязанность иррациональна. FRAZIER ET AL. 2009.

Человеческая иррациональность. КАHNEMAN, SLOVIC, AND TVERSKY 1982; PIATTELLI-PALMARINI 1994; MARCUS 2008.

“Ляпы”. MARCUS 2008.

“Принглз”. СОHEN, ADAM *The Lord Justice hath ruled: Pringles are potato chips* // The New York Times, May 31, 2009.

Измерение здравомыслия. GRAY 1996.

- Не умнее, а просто другие.* KEYS AND SCHWARTZ 2007.
Кто из нас чудной? BERGNER 2009, p. 56.
Одержимость роскошью. FRANK 2000; LAYARD 2005; MILLER 2009.
Сингер о бедности. SINGER 1999, 2009.
Бегство к природе. BLOOM 2009.
Исследование с телевизором. KAHN, SEVERSON, AND RUCKERT 2009.
Благоговейное изумление. DAWKINS 1998, p. x.
Минимальное определение религии. TYLOR 1871/1958, p. 8.
Теории религиозных убеждений. BLOOM 2005, 2007.
Другая реальность. BERGER 1969, p. 2.
Незримый порядок. JAMES 1902/1994, p. 61.
Наука и бессмысленность Вселенной. WEINBERG 1977, p. 154; WRIGHT 2000.
Функции ритуала. MCCAWLEY AND LAWSON 2002.
Связь искусства и религии. BENJAMIN 2008; DISSANAYAKE 1988, 1992.
Дети и устройство судеб. OPIE AND OPIE 1959, p. 210; HOOD 2009.
Почему двухлетние дети ужасно себя ведут. GOPNIK 2000.
Ребенок как ученый. CAREY 1986, 2009; GOPNIK 1996.
Чудеса буддизма. HARRIS 2005, pp. 283–284.
Хитченс о сверхчувственном. Из дискуссии с Лоренцо Альбасете 22 сентября 2008 года. См.: <http://reasonweekly.com>.
Благоговение. KELTNER 2009; KELTNER AND HAIDT 2003.
Почтение к коллективу. KELTNER 2009, p. 252.
Преобразующая сила благоговения. Ibid.
Оргазм и объяснение. GOPNIK 2000.
Мысленные эксперименты. GENDLER 2005.
Игры в религии. Благодарю Питера Грэя за подсказку.
Не спрашивайте младенца. WINNICOTT 1953, p. 95.
Девочка рисует Бога. ROBINSON 2009, p. xi.

Литература

- ACKERMAN, J. 2001. *Chance in the house of fate: A natural history of heredity*. New York: Houghton Mifflin.
- AHARON, I., ETCOFF, N. L., ARIELY, D., CHABRIS, C. F., O'CONNOR, E., & BREITER, H. C. 2001. *Beautiful faces have variable reward value: fMRI and behavioral evidence* // *Neuron*, 32: 537–551.
- AINSLIE, G. 1992. *Picoeconomics*. New York: Cambridge University Press.
- ALEXANDER, L. 2009. *And you thought Grand Theft Auto was bad*. <http://www.slate.com/id/2213073>.
- ALTER, R. 2004. *The five books of Moses: A translation with commentary*. New York: Norton.
- ANDERSON, K. G. 2006. *How well does paternity confidence match actual paternity?* // *Current Anthropology*, 47: 513–520.
- APPIAH, K. A. 2008. *Experiments in ethics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- DE ARAUJO, I. E., ROLLS, E. T., VELAZCO, M. I., MARGOT, C., & CAYEUX, I. 2005. *Cognitive modulation of olfactory processing* // *Neuron*, 46: 671–679.
- ARENS, W. 1979. *The man-eating myth: Anthropology and anthropophagy*. New York: Oxford University Press.
- ARGO, J. J., DAHL, D. W., & MORALES, A. C. 2006. *Consumer contamination: How consumers react to products touched by others* // *Journal of Marketing*, 70: 81–94.

- ARGO, J. J., DAHL, D. W., & MORALES, A. C. 2008. *Positive consumer contagion: Responses to attractive others in a retail context* // Journal of Marketing Research, 45: 690–712.
- ARIELY, D. 2008. *Predictably irrational: The hidden forces that shape our decisions*. New York: HarperCollins.
- ATRAN, S. 1998. *Folk biology and the anthropology of science: Cognitive universals and cultural particulars* // Behavioral and Brain Science, 21: 547–609.
- BALDWIN, D. A., MARKMAN, E. M., & MELARTIN, R. L. 1993. *Infants' ability to draw inferences about nonobvious object properties: Evidence from exploratory play* // Cognitive Development, 64: 711–728.
- BARASH, D. P., & BARASH, N. R. 2008. *Madame Bovary's ovaries: A Darwinian look at literature*. New York: Delacorte.
- BARTOSHUK, L. M., DUFFY, V. B., & MILLER, I. J. 1994. *PTC/PROP tasting: Anatomy, psychophysics, and sex effects* // Physiology and Behavior, 56: 1165–1171.
- BEKOFF, M. 1995. *Play signals as punctuation: The structure of social play in canids* // Behaviour, 132: 419–429.
- BEM, D. J. 1967. *Self-perception: An alternative interpretation of cognitive dissonance phenomena* // Psychological Review, 74: 183–200.
- BENJAMIN, W. 2008. *The work of art in the age of its technological reproducibility, and other writings on media*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- BERGER, P. L. 1969. *A rumor of angels. Modern society and the rediscovery of the supernatural*. New York: Doubleday.
- BERGNER, D. 2009. *The other side of desire*. New York: HarperCollins.
- BERKELEY, G. 1713/1979. *Three dialogues between Hylas and Philonous*. New York: Hackett.
- BERLYNE, D. E. 1971. *Aesthetics and psychobiology*. New York: Appleton-Century-Crofts.
- BERNS, G. 2005. *Satisfaction: The science of finding true fulfillment*. New York: Holt.
- BIRCH L. 1999. *Development of food preferences* // Annual Review of Nutrition, 19: 41–62.
- BLOOM, P. 1996. *Intention, history, and artifact concepts* // Cognition, 60: 1–29.

- BLOOM, P. 1998. *Theories of artifact categorization* // Cognition, 66: 87–93.
- BLOOM, P. 2000. *How children learn the meanings of words*. Cambridge, MA: MIT Press.
- BLOOM, P. 2004. *Descartes' baby: How the science of child development explains what makes us human*. New York: Basic Books.
- BLOOM, P. 2005. *Is God an accident?* // Atlantic Monthly, December.
- BLOOM, P. 2007. *Religion is natural* // Developmental Science, 10: 147–151.
- BLOOM, P. 2008. *First-person plural* // Atlantic Monthly, November.
- BLOOM, P. 2009. *Natural happiness* // New York Times Magazine, April 19.
- BLOOM, P., & GELMAN, S. A. 2008. *Psychological essentialism in selecting the 14th Dalai Lama* // Trends in Cognitive Sciences, 12: 243.
- BLOOM, P., & MARKSON, L. 1998. Intention and analogy in children's naming of pictorial representations // Psychological Science, 9: 200–204.
- BOESE, A. 2007. *Elephants on acid: And other bizarre experiments*. New York: Harvest Books.
- BOHANNON, J. 2009. Gourmet food, served by dogs // Science, 323:1006.
- BOYER, P. 2003. *Religious thought and behaviour as by-products of brain function* // Trends in Cognitive Sciences, 7: 119–124.
- BREHM, J. W. 1956. *Post-decision changes in the desirability of alternatives* // Journal of Abnormal and Social Psychology, 52: 384–389.
- BROWNELL, K. D., & HORGAN, K. B. 2004. *Food fight: The inside story of the food industry, America's obesity crisis, and what we can do about it*. New York: McGraw-Hill.
- BURGHARDT, G. M. 2005. *The genesis of animal play: Testing the limits*. Cambridge, MA: MIT Press.
- BUSS, D. M. 1989. *Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses in 37 cultures* // Behavioral and Brain Sciences, 12: 1–49.
- CAREY, S. 1986. *Conceptual change in childhood*. Cambridge, MA: MIT Press.
- CAREY, S. 2009. *The origin of concepts*. New York: Oxford University Press.

- CARROLL, J. 2004. *Literary Darwinism: Evolution, human nature, and literature*. New York: Routledge.
- CARROLL, N. 1990. *The philosophy of horror: Or, paradoxes of the heart*. New York: Routledge.
- CHARTRAND, T. L., & BARGH, J. A. 1999. *The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction* // Journal of Personality and Social Psychology, 76: 893–910.
- CHEN, M. K. 2008. *Rationalization and cognitive dissonance: Do choices affect or reflect preferences?* Working paper, Yale University, New Haven, CT.
- CHEN, M. K., LAKSHMINARYANAN, V., & SANTOS, L. R. 2006. *The evolution of our preferences: Evidence from capuchin monkey trading behavior* // Journal of Political Economy, 114: 517–537.
- CHEN, M. K., & RISEN, J. 2009. *Is choice a reliable predictor of choice? A comment on Sagarin and Skowronski* // Journal of Experimental Social Psychology 45: 425–427.
- CHOMSKY, N. 1987. *Language and problems of knowledge: The Managua lectures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- CHRISTENFELD, N. J. S., & HILL, E. A. 1995. *Whose baby are you?* // Nature, 378: 669.
- CLUTTON-BROCK, T. H. 1991. *The evolution of parental care*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- COETZEE, J. M. 1995. Meat country // Granta, 52: 43–52.
- COPLAN, A. 2004. *Empathic engagement with narrative fictions* // Journal of Aesthetics and Art Criticism, 62: 141–152.
- COSMIDES, L., & TOOBY, J. 1994. *Beyond intuition and instinct blindness: Towards an evolutionarily rigorous cognitive science* // Cognition, 50: 41–77.
- COWEN, T. 2007. *Discover your inner economist*. New York: Penguin.
- COX, M. 1992. *Children's drawings*. London: Penguin Books.
- CRONIN, H. 1991. *The ant and the peacock*. New York: Cambridge University Press.
- CURASI, C. F., PRICE, L. L., & ARNOULD, E. J. 2004. *How individuals' cherished possessions become families' inalienable wealth* // Journal of Consumer Research, 11: 609–622.
- CUTTING, J. E. 2006. *The mere exposure effect and aesthetic preference*. In: P. LOCHER, C. MARTINDALE, L. DORFMAN, V.

- PETROV, & D. LEONTIV (EDS.) *New directions in aesthetics, creativity, and the psychology of art*. Amityville, NY: Baywood Publishing.
- DALE, A. 2000. *Comedy is a man in trouble*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- DALY, M., & WILSON, M. 1999. *The truth about Cinderella*. New Haven, CT: Yale University Press.
- DANTO, A. C. 1981. *The transfiguration of the commonplace*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- DANTO, A. C. 2003. *The abuse of beauty*. New York: Open Court.
- DANTO, A. C. 2007. *Max Beckmann*. In: A. DANTO (ED.) *Unnatural wonders: Essays from the gap between art and life*. New York: Columbia University Press.
- DARWIN, C. 1859/1964. *On the origin of species*. Cambridge, MA: MIT Press.
- DARWIN, C. 1872/1913. *The expression of the emotions in man and animals*. New York: D. Appleton.
- DARWIN, C. 1874/1909. *The descent of man*. Amherst, NY: Prometheus.
- DAVIES, D. 2004. *Art as performance*. Oxford: Blackwell.
- DAVIES, S. 1991. *Definitions of art*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- DAWKINS, R. 1998. *Unweaving the rainbow: Science, delusion and the appetite for wonder*. New York: Penguin.
- DEANER, R. O., KHERA, A. V., & PLATT, M. P. 2005. *Monkeys pay per view: Adaptive valuation of social images by rhesus macaques* // *Current Biology*, 15: 543–548.
- DEBRUINE, L. M., JONES, B. C., LITTLE, A. C., & PERRETT, D. I. 2008. *Social perception of facial resemblance in humans* // *Archives of Sexual Behavior*, 37: 64–77.
- DEKKERS, M. 2000. *Dearest Pet: On bestiality*. London: Verso.
- DELOACHE, J. S., MILLER, K. F., & ROSENGREN, K. S. 1997. *The credible shrinking room: Very young children's performance with symbolic and nonsymbolic relations* // *Psychological Science*, 8: 308–313.
- DELOACHE, J. S., PIERROUTSAKOS, S. L., UTTAL, D. H., ROSENGREN, K. S., & GOTTLIEB, A. 1998. *Grasping the nature of pictures* // *Psychological Science*, 9: 205–210.

- DELOACHE, J. S., STRAUSS, M., & MAYNARD, J. 1979. *Picture perception in infancy* // *Infant Behavior and Development*, 2: 77–89.
- DENISON, R. N. Under review. *Emotion practice theory: An evolutionary solution to the paradox of horror*.
- DENNETT, D. C. 1996. *Kinds of minds*. New York: Basic Books.
- DESMOND, A., & MOORE, A. 1994. *Darwin: The life of a tormented evolutionist*. New York: Norton.
- DIAMOND, J. 1998. *Why is sex fun?* New York: Basic Books.
- DIESENDRUCK, G., GELMAN, S. A., & LEBOWITZ, K. 1998. *Conceptual and linguistic biases in children's word learning* // *Developmental Psychology*, 34: 823–839.
- DIESENDRUCK, G., MARKSON, L., & BLOOM, P. 2003. *Children's reliance on creator's intent in extending names for artifacts* // *Psychological Science*, 14: 164–168.
- DISSANAYAKE, E. 1988. *What is art for?* Seattle: University of Washington Press.
- DISSANAYAKE, E. 1992. *Homo aestheticus: Where art comes from and why*. New York: Free Press.
- DOLNICK, E. 2008. *The forger's spell: A true story of Vermeer, Nazis, and the greatest art hoax of the twentieth century*. New York: Harper Perennial.
- DONIGER, W. 2000. *The bedtrick: Tales of sex and masquerade*. Chicago: University of Chicago Press.
- DUNBAR, R. I. M. 1998. *Gossip, grooming, and the evolution of language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- DUNCAN, I. J. H. 2006. *The changing concept of animal sentience* // *Applied Animal Behavior Science*, 100: 11–19.
- DUTTON, D. 1983. *Artistic crimes*. In: D. DUTTON (ED.) *The forger's art: Forgery and the philosophy of art*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- DUTTON, D. 2008. *The art instinct: Beauty, pleasure, and human evolution*. New York: Bloomsbury Press.
- EDELSTEIN, D. 2006. *Now playing at your local multiplex: Torture porn* // *New York*, January 28.
- EGAN, L. C., BLOOM, P., & SANTOS, L. R. 2010. *Choice-based cognitive dissonance without any real choice: Evidence from a blind*

- two choice paradigm with young children and capuchin monkeys* // Journal of Experimental Social Psychology, 46(1): 204–207.
- EGAN, L. C., SANTOS, L. R., & BLOOM, P. 2007. *The origins of cognitive dissonance: Evidence from children and monkeys* // Psychological Science, 18: 978–983.
- EKMAN, P., & FRIESEN, W. V. 1975. *Unmasking the face. A guide to recognizing emotions from facial clues*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- ELSTER, J. 2000. *Ulysses unbound. Studies in rationality, precommitment, and constraints*. New York: Cambridge University Press.
- EVANS, E. M., MULL, M. A., & POLING, D. A. 2002. *The authentic object? A child's-eye view*. In: S. G. PARIS (ED.) *Perspectives on object-centered learning in museums*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- FEHR, E., & GÄCHTER, S. 2002. *Altruistic punishment in humans* // Nature, 415: 137–140.
- FEINBERG, T. E., & KEENAN, J. P. 2004. *Not what, but where, is your "self"?* // Cerebrum: The Dana Forum on Brain Science, 6: 49–62.
- FESTINGER, L. 1957. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- FINEMAN, M. 2007. *My kid could paint that*. <http://www.slate.com/id/2175311>.
- FISHER, H. 2004. *Why we love: The nature and chemistry of romantic love*. New York: Henry Holt.
- FISHMAN, C. 2007. *Message in a bottle* // Fast Company, December 19.
- FISKE, A. P. 1992. *The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of social relations* // Psychological Review, 99: 689–723.
- FISKE, A. P., & TETLOCK, P. E. 1997. *Taboo trade-offs: Reactions to transactions that transgress the spheres of justice* // Political Psychology, 18: 255–297.
- FODOR, J. 1988. *Psychosemantics*. Cambridge, MA: MIT Press.
- FOER, J. S. 2004. *Emptiness* // Playboy, January, 148–151.
- FOGEL, R. 2004. *Escape from hunger and premature death, 1700–2100: Europe, America, and the third world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- FRANK, R. H. 2000. *Luxury fever: Money and happiness in an era of excess*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- FRAZER, J. G. 1922. *The golden bough: A study in magic and religion*. New York: Macmillan.
- FRAZIER, B. N., GELMAN, S. A., WILSON, A., & HOOD B. 2009. *Picasso paintings, moon rocks, and hand-written Beatles lyrics: Adults' evaluations of authentic objects* // *Journal of Cognition and Culture*, 9: 1–14.
- FREUD, S. 1905/1962. *Three essays on the theory of sexuality*. TRANS. JAMES STRACHEY. New York: Basic Books.
- FREUD, S. 1933/1965. *New introductory lectures on psycho-analysis*. New York: Norton.
- GELMAN, S. A. 2003. *The essential child*. New York: Oxford University Press.
- GELMAN, S. A., & BLOOM, P. 2000. *Young children are sensitive to how an object was created when deciding what to name it* // *Cognition*, 76: 91–103.
- GELMAN, S. A., & COLEY, J. D. 1990. *The importance of knowing a dodo is a bird: Categories and inferences in 2-year-old children* // *Developmental Psychology*, 26: 796–804.
- GELMAN, S. A., & EBELING, K. S. 1998. *Shape and representational status in children's early naming* // *Cognition*, 66: 835–847.
- GELMAN, S. A., & HEYMAN, G. D. 2002. *Carrot-eaters and creature-believers: The effects of lexicalization on children's inferences about social categories* // *Psychological Science*, 10: 489–493.
- GELMAN, S. A., & MARKMAN, E. M. 1986. *Categories and induction in young children* // *Cognition*, 23: 183–209.
- GELMAN, S. A., & MARKMAN, E. M. 1987. *Young children's inductions from natural kinds: The role of categories and appearances* // *Child Development*, 58: 1532–1541.
- GELMAN, S. A., & TAYLOR, M. G. 2000. *Gender essentialism in cognitive development*. In: P. H. MILLER & E. K. SCHOLNICK (EDS.) *Developmental psychology through the lenses of feminist theories*. New York: Routledge.
- GELMAN, S. A., & WELLMAN, H. M. 1991. *Insides and essences: Early understandings of the nonobvious* // *Cognition*, 38: 213–244.
- GENDLER, T. S. 2005. *Thought experiments in science*. *Encyclopedia of Philosophy*. New York: Macmillan.

- GENDLER, T. S. 2008. *Alief in action (in reaction)* // *Mind and Language*, 23: 552–585.
- GENDLER, T. S. 2009. *Alief and belief* // *Journal of Philosophy*, 105: 634–663.
- GENDLER, T. S., & KOVAKOVICH, K. 2005. *Genuine rational fictional emotions*. In: M. L. KIERAN (ED.) *Contemporary debates in aesthetics and the philosophy of art*. Oxford: Blackwell.
- GERRIG, R. J. 1993. *Experiencing narrative worlds*. New Haven, CT: Yale University Press.
- GIL-WHITE, F. J. 2001. *Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories* // *Current Anthropology*, 42: 515–554.
- GLADWELL, M. 2001. *Drugstore athlete* // *The New Yorker*, September 10.
- GLEICK, J. 2000. *Faster: The acceleration of just about everything*. New York: Vintage.
- GOPNIK, A. 1996. *The scientist as child* // *Philosophy of Science*, 63: 485–514.
- GOPNIK, A. 2000. *Explanation as orgasm and the drive for causal knowledge: The function, evolution, and phenomenology of the theory formation system*. In: F. C. KEIL & R. A. WILSON (EDS.) *Explanation and cognition*. Cambridge, MA: MIT Press.
- GOPNIK, A. 2006. *Through the children’s gate: A home in New York*. New York: Knopf.
- GOULD, B. J. 1941. *Discovery, recognition, and installation of the fourteenth Dalai Lama*. New Delhi: Government of India Press. Reprinted in: *Discovery, recognition, and enthronement of the fourteenth Dalai Lama: A collection of accounts* (ED. BY LIBRARY OF TIBETAN WORK & ARCHIVES). New Delhi: Indraprastha Press.
- GOULD, S. J. 1989. *Wonderful life: The Burgess shale and the nature of history*. New York: Norton.
- GOULD, S. J., & LEWONTIN, R. C. 1979. *The spandrels of San Marco and the Panglossian program: A critique of the adaptationist programme* // *Proceedings of the Royal Society of London*, 205: 281–288.
- GRAHAM, S. A., KILBREATH, C. S., & WELDER, A. N. 2004. *13-month-olds rely on shared labels and shape similarity for inductive inferences* // *Child Development*, 75: 409–427.

- GRAY, P. 1996. *What price Camelot?* // Time, May 6.
- GREEN, M. C., & BROCK, T. C. 2000. *The role of transportation in the persuasiveness of public narratives* // Journal of Personality and Social Psychology, 78: 701–721.
- GREEN, M. C., & DONAHUE, J. K. 2009. *Simulated worlds: Transportation into narratives*. In: K. D. MARKMAN, W. M. P. KLEIN, & J. A. SUHR (EDS.) *Handbook of imagination and mental simulation*. New York: Psychology Press.
- GUTHRIE, S. E. 1993. *Faces in the clouds: A new theory of religion*. New York: Oxford University Press.
- HAGEN, E. H. Under review. *Gestures of despair and hope: A strategic reinterpretation of deliberate self-harm*.
- HAIDT, J. 2001. *The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment* // Psychological Review, 108: 814–834.
- HAIDT, J., MCCAULEY, C., & ROZIN, P. 1994. *Individual differences in sensitivity to disgust: A scale sampling seven domains of disgust elicitors* // Personality and Individual Differences, 16: 701–713.
- HAMLIN, J., WYNN, K., & BLOOM, P. Under review. *Third-party reward and punishment in young toddlers*.
- HARGREAVES, D. J., NORTH, A. C., & TARRANT, M. 2006. *The development of musical preference and taste in childhood and adolescence*. In: G. E. MCPHERSON (ED.) *The child as musician: Musical development from conception to adolescence*. Oxford: Oxford University Press.
- HARRIS, J. R. 1998. *The nurture assumption: Why children turn out the way they do*. New York: Free Press.
- HARRIS, M. 1985. *Good to eat: Riddles of food and culture*. New York: Simon & Schuster.
- HARRIS, P. L. 2000. *The work of the imagination*. Oxford: Blackwell.
- HARRIS, P. L., BROWN, E., MARRIOTT, C., WHITTALL, S., & HARMER, S. 1991. *Monsters, ghosts, and witches: Testing the limits of the fantasy-reality distinction in young children* // British Journal of Developmental Psychology, 9: 105–123.
- HARRIS, S. 2005. *The end of faith: Religion, terror, and the future of reason*. New York: Free Press.

- HENRICH, J., & GIL-WHITE, F. 2001. *The evolution of prestige: Freely conferred deference as a mechanism for enhancing the benefits of cultural transmission* // *Evolution and Human Behavior*, 22: 165–196.
- HIRSCHFELD, L. 1996. *Race in the making: Cognition, culture, and the child's construction of human kinds*. Cambridge, MA: MIT Press.
- HOBARA, M. 2003. *Prevalence of transitional objects in young children in Tokyo and New York* // *Infant Mental Health Journal*, 24: 174–191.
- HOCHBERG, J., & BROOKS, V. 1962. *Pictorial recognition as an unlearned ability: A study of one child's performance* // *American Journal of Psychology*, 75: 624–628.
- HOOD, B. M. 2009. *SuperSense: Why we believe in the unbelievable*. New York: HarperOne.
- HOOD, B. M., & BLOOM, P. 2008. *Children prefer certain individuals over perfect duplicates* // *Cognition*, 106: 455–462.
- HOOD, B. M., & BLOOM, P. Under review. *Do children believe that duplicating the body also duplicates the mind?*
- HOOD, B. M., DONNELLY, K., LEONARDS, U., & BLOOM, P. In press. *Modern voodoo: Arousal reveals an implicit belief in sympathetic magic* // *Journal of Cognition and Culture*.
- HOOPER, P. L., & MILLER, G. L. 2008. *Mutual mate choice can drive costly signaling even under perfect monogamy* // *Adaptive Behavior*, 16: 53–60.
- HRDY, S. B. 2009. *Mothers and others: The evolutionary origins of mutual understanding*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- HUME, D. 1757/1957. *The natural history of religion*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- HUME, D. 1757/1993. *Of tragedy*. In: COPLEY, S. & A. EDGAR (EDS.) *Hume: Selected essays*. Oxford: Oxford University Press.
- INAGAKI, K., & HATANO, G. 2002. *Young children's naive thinking about the biological world*. New York: Psychology Press.
- INBAR, Y., GILOVICH, T., PIZARRO, D., & ARIELY, D. 2008. *Morality and masochism: Feeling guilt leads to physical self-punishment*. Paper presented at the 80th annual meeting of the Midwestern Psychological Association, Chicago, IL.

- JACOBS, A. J. 2004. *The know-it-all: One man's humble quest to become the smartest person in the world*. New York: Simon & Schuster.
- JAMES, W. 1890/1950. *The principles of psychology*. New York: Dover.
- JAMES, W. 1892/1905. *Psychology*. New York: Henry Holt.
- JAMES, W. 1902/1994. *Varieties of religious experience: A study in human nature*. New York: Random House.
- JAMES, W. 1911. *The will to believe: And other essays in popular philosophy*. New York: Longmans, Green, and Co.
- JARUDI, I. 2009. *Moral psychology is not intuitive moral philosophy*. Unpublished doctoral dissertation, Department of Psychology, Yale University.
- JARUDI, I., CASTANEDA, M., & BLOOM, P. Under review. *Performance enhancement and the status quo bias*.
- JASWAL, V. K., & MARKMAN, E. M. 2002. *Children's acceptance and use of unexpected category labels to draw non-obvious inferences*. In: W. GRAY & C. SCHUNN (EDS.) *Proceedings of the twenty-fourth annual conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- JOHNSON, C. N., & JACOBS, M. G. 2001. *Enchanted objects: How positive connections transform thinking about the very nature of things*. Poster presented at the meeting of the Society for Research in Child Development, Minneapolis, MN, April.
- JOHNSON, S. 2005. *Everything bad is good for you: How today's popular culture is actually making us smarter*. New York: Riverhead.
- JOHNSTON, V. S., HAGEL, R., FRANKLIN, M., FINK, B., & GRAMMER, K. 2001. *Male facial attractiveness: Evidence for hormone-mediated adaptive design* // *Evolution and Human Behavior*, 22: 251–267.
- JONES, B. C., DEBRUINE, L. M., PERRETT, D. I., LITTLE, A. C., FEINBERG, D. R., & LAW SMITH, M. J. 2008. *Effects of menstrual cycle phase on face preferences* // *Archives of Sexual Behavior*, 37: 78–84.
- KAHN, P. H., JR. 1997. *Developmental psychology and the biophilia hypothesis: Children's affiliation with nature* // *Developmental Review*, 17: 1–61.

- KAHN, P. H., JR., SEVERSON, R. L., & RUCKERT, J. H. 2009. *The human relation with nature and technological nature* // Current Directions in Psychological Science, 18: 37–42.
- KAHNEMAN, D., KNETSCH, J., & THALER, R. 1990. *Experimental tests of the endowment effect and the Coase theorem* // Journal of Political Economy, 98: 1325–1348.
- KAHNEMAN, D., KNETSCH, J., & THALER, R. 1991. *Anomalies: The endowment effect, loss aversion, and status quo bias* // Journal of Economic Perspectives, 5: 193–206.
- KAHNEMAN, D., SLOVIC, P., & TVERSKY, A. 1982. *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. New York: Cambridge University Press.
- KASS, L. 1992. *Organs for sale? Propriety, property, and the price of progress* // The Public Interest, 107: 65–86.
- KASS, L. 1994. *The hungry soul*. New York: Free Press.
- KEIL, F. 1989. *Concepts, kinds, and cognitive development*. Cambridge, MA: MIT Press.
- KELTNER, D. 2009. *Born to be good: The science of a meaningful life*. New York: Norton.
- KELTNER, D., & HAIDT, J. 2003. *Approaching awe, a moral, spiritual, and aesthetic emotion* // Cognition and Emotion, 17: 297–314.
- KEYS, D. J. & SCHWARTZ, B. 2007. “Leaky” rationality: How research on behavioral decision making challenges normative standards of rationality // Perspectives on Psychological Science, 2: 162–180.
- KIERAN, M. 2005. *Revealing art*. New York: Routledge.
- KING, L. A., BURTON, C. M., HICKS, J. A., & DRIGOTAS, S. M. 2007. *Ghosts, UFOs, and magic: Positive affect and the experiential system* // Journal of Personality and Social Psychology, 92: 905–919.
- KING, S. 1981. *Danse macabre*. New York: Everest.
- KLINGER, E. 2009. *Daydreaming and fantasizing: Thought flow and motivation*. In: K. D. MARKMAN, W. M. P. KLEIN, & J. A. SUHR (EDS.) *Handbook of imagination and mental simulation*. New York: Psychology Press.

- KNIFFIN, K., & WILSON, D. S. 2004. *The effect of non-physical traits on the perception of physical attractiveness: Three naturalistic studies* // *Evolution and Human Behavior*, 25: 88–101.
- KOESTLER, A. 1964. *The act of creation*. New York: Dell.
- KRIPKE, S. 1980. *Naming and necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- KRUGER, J., WIRTZ, D., VAN BOVEN, L., & ALTERMATT, T. 2004. *The effort heuristic* // *Journal of Experimental Social Psychology*, 40: 91–98.
- LAMONT, A. M. 2001. *Infants' preferences for familiar and unfamiliar music: A socio-cultural study*. Paper read at Society for Music Perception and Cognition, August 9.
- LANGLOIS, J. H., & ROGGMAN, L. A. 1990. *Attractive faces are only average* // *Psychological Science*, 1: 115–121.
- LANGLOIS, J. H., ROGGMAN, L. A., & RIESER-DANNER, L. A. 1990. *Infants' differential social responses to attractive and unattractive faces* // *Developmental Psychology*, 26: 153–159.
- LANGLOIS, J. H., KALAKANIS, L., RUBENSTEIN, A. J., LARSON, A., HALLAM, M., & SMOOT M. 2000. *Maxims or myths of beauty? A meta-analytic and theoretical review* // *Psychological Bulletin*, 126: 390–423.
- LAYARD, R. 2005. *Happiness: Lessons from a new science*. New York: Penguin.
- LEE, S., FREDERICK, D., & ARIELY, D. 2006. *Try it, you'll like it. The influence of expectation, consumption, and revelation on preferences for beer* // *Psychological Science*, 17: 1054–1058.
- LEHMAN, E. B., ARNOLD, B. E., & REEVES, S. L. 1995. *Attachments to blankets, teddy bears, and other nonsocial objects: A child's perspective* // *Journal of Genetic Psychology*, 156: 443–459.
- LEHRER, J. 2009. *Proust was a neuroscientist*. New York: Houghton Mifflin.
- LERDAHL, F., & JACKENDOFF, R. 1983. *A generative theory of tonal music*. Cambridge, MA: MIT Press.
- LESLIE, A. M. 1994. *Pretending and believing: Issues in the theory of ToMM* // *Cognition*, 50: 193–200.
- LEVINSON, J. 1979. *Defining art historically* // *British Journal of Aesthetics*, 19: 232–250.

- LEVINSON, J. 1989. *Refining art historically* // Journal of Aesthetics and Art Criticism, 47: 21–33.
- LEVINSON, J. 1993. *Extending art historically* // Journal of Aesthetics and Art Criticism, 51: 411–423.
- LEVITIN, D. J. 2006. *This is your brain on music*. New York: Dutton.
- LEVITIN, D. J. 2008. *The world in six songs: How the musical brain created human nature*. New York: Dutton.
- LEVY, G. D., TAYLOR, M. G., & GELMAN, S. A. 1995. *Traditional and evaluative aspects of flexibility in gender roles, social conventions, moral rules, and physical laws* // Child Development, 66: 515–531.
- LIEBERMAN, D., TOOBY, J., & COSMIDES, L. 2007. *The architecture of human kin detection* // Nature, 445: 727–731.
- LIEBERMAN, M. D., OCHSNER, K. N., GILBERT, D. T., & SCHACTER, D. L. 2001. *Do amnesiacs exhibit cognitive dissonance reduction? The role of explicit memory and attention in attitude change* // Psychological Science, 12: 135–140.
- LINDENBAUM, S. 2004. *Thinking about cannibalism* // Annual Review of Anthropology, 33: 251–269.
- LOCKE, J. 1690/1947. *An essay concerning human understanding*. New York: Dutton.
- MACNAMARA, J. 1982. *Names for things: A study in human learning*. Cambridge, MA: MIT Press.
- MAR, R. A., & OATLEY, K. 2008. *The function of fiction is the abstraction and simulation of social experience* // Perspectives on Psychological Science, 13: 173–192.
- MARCUS, G. 2008. *Kluge: The haphazard construction of the human mind*. New York: Houghton Mifflin.
- MARKMAN, E. 1989. *Categorization and naming in children*. Cambridge, MA: MIT Press.
- MARTIN, C. L., EISENBUD, L., & ROSE, H. 1995. *Children's gender-based reasoning about toys* // Child Development, 66: 1453–1471.
- MASON, M. F., NORTON, M. I., VAN HORN, J. D., WEGNER, D. M., GRAFTON, S. T., & MACRAE, C. N. 2007. *Wandering minds: The default network and stimulus-independent thought* // Science, 315: 393–395.

- MAYES, L. C., SWAIN, J. E., & LECKMAN, J. F. 2005. *Parental attachment systems: Neural circuits, genes, and experiential contributions to parental engagement* // *Clinical Neuroscience Research*, 4: 301–313.
- MCCAULEY, C. 1998. *When screen violence is not attractive*. In: J. GOLDSTEIN (ED.) *Why we watch: The attractions of violent entertainment*. New York: Oxford University Press.
- MCCAULEY, R. N., & LAWSON, E. T. 2002. *Bringing ritual to mind: Psychological foundations of cultural forms*. New York: Cambridge University Press.
- MCCLURE, S. M., LI, J., TOMLIN, D., CYPERT, K. S., MONTAGUE, L. M., & MONTAGUE, P. R. 2004. *Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks* // *Neuron*, 44: 379–387.
- MCDERMOTT, J., & HAUSER, M. D. 2007. *Nonhuman primates prefer slow tempos but dislike music overall* // *Cognition*, 104: 654–668.
- MCEWAN, I. 2005. *Literature, science, and human nature*. In: J. GOTTSCHALL & D. S. WILSON (EDS.) *The literary animal: Evolution and the nature of narrative*. Evanston: University of Illinois Press.
- MCGINN, C. 2005. *The power of movies*. New York: Random House.
- MCGRAW, A. P., TETLOCK, P. E., & KRISTEL, O. V. 2003. *The limits of fungibility: Relational schemata and the value of things* // *Journal of Consumer Research*, 30: 219–229.
- MCLAREN, A. 2007. *Impotence: A cultural history*. Chicago: University of Chicago Press.
- MEDIN, D. L. 1989. *Concepts and conceptual structure* // *American Psychologist*, 44: 1469–1481.
- MEDIN, D. L., & ORTONY, A. 1989. *Psychological essentialism*. In: S. VOSNIADOU & A. ORTONY (EDS.) *Similarity and analogical reasoning*. New York: Cambridge University Press.
- MENAND, L. 2002. *What comes naturally* // *The New Yorker*, November 22.
- MENAND, L. 2009. *Saved from drowning: Barthelme reconsidered* // *The New Yorker*, February 23.
- MICHAELS, J. 2007. Three selections from *The masochist's cookbook*. <http://www.mcsweeneys.net/2007/6/5michaels.html>.

- MILLER, C. L., YOUNGER, B. A., & MORSE, P. A. 1982. *The categorization of male and female voices in infancy* // *Infant Behavior and Development*, 5: 143–159.
- MILLER, G. F. 2000. *The mating mind: How sexual selection shaped human nature*. London: Heinemann.
- MILLER, G. F. 2001. *Aesthetic fitness: How sexual selection shaped artistic virtuosity as a fitness indicator and aesthetic preferences as mate choice criteria* // *Bulletin of Psychology and the Arts*, 2: 20–25.
- MILLER, G. F. 2009. *Spent: Sex, evolution, and consumer behavior*. New York: Viking.
- MILLER, G. F., TYBUR, J., & JORDAN, B. 2007. *Ovulatory cycle effects on tip earnings by lap-dancers: Economic evidence for human estrus?* // *Evolution and Human Behavior*, 28: 375–381.
- MILLER, W. I. 1997. *The anatomy of disgust*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- MILLER, W. I. 1998. *Sheep, joking, cloning, and the uncanny*. In: M. C. NUSSBAUM & C. R. SUNSTEIN (EDS.) *Clones and clones: Facts and fantasies about human cloning*. New York: Norton.
- MORELAND, R. D., & BEACH, S. 1992. *Exposure effects in the classroom: The development of affinity among students* // *Journal of Experimental Social Psychology*, 28: 255–276.
- MORREALL, J. 1993. *Fear without belief* // *The Journal of Philosophy*, 90: 359–366.
- NELISSEN, R. M., & ZEELENBERG, M. 2009. *When guilt evokes self-punishment: Evidence for the existence of a Dobby effect* // *Emotion*, 9: 118–122.
- NEMEROFF, C., & ROZIN, P. 1989. “You are what you eat”: Applying the demand-free “impressions” technique to an unacknowledged belief // *Ethos: The Journal of Psychological Anthropology*, 17: 50–69.
- NEMEROFF, C., & ROZIN, P. 2000. *The makings of the magical mind*. In: K. S. ROSENGREN, C. N. JOHNSON, & P. L. HARRIS (EDS.) *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children*. New York: Cambridge University Press.
- NETTLE, D. 2005. *What happens in Hamlet? Exploring the psychological foundation of drama*. In: J. GOTTSCHALL & D. S. WILSON

- (EDS.) *The literary animal: Evolution and the nature of narrative*. Evanston: University of Illinois Press.
- NEWMAN, G., DIESENDRUCK, G., & BLOOM, P. Under review. *Celebrity contagion and the value of objects*.
- NICHOLS, S. 2006. Introduction. In: S. NICHOLS (ED.) *The architecture of the imagination: New essays in pretence, possibility, and fiction*. New York: Oxford University Press.
- NORTON, M. I., MOCHON, D., & ARIELY, D. 2009. *The IKEA effect: Why labor leads to love*. Paper presented at the Society of Personality and Social Psychology, Tampa, FL.
- NOZICK, R. 1974. *Anarchy, state, and utopia*. New York: Basic Books.
- NUSSBAUM, M. C. 2001. *Upheavals of thought: The intelligence of emotions*. New York: Cambridge University Press.
- NUTTALL, A. D. 1996. *Why does tragedy give pleasure?* New York: Oxford University Press.
- ONISHI, K. H., & BAILLARGEON, R. 2005. Do 15-month-old infants understand false beliefs? // *Science*, 308: 255–258.
- ONISHI, K. H., BAILLARGEON, R., & LESLIE, A. M. 2007. *15-month-old infants detect violations in pretend scenarios* // *Acta Psychologica*, 124: 106–128.
- OPIE, I., & OPIE, P. 1959. *The lore and language of schoolchildren*. New York: Oxford University Press.
- PAGEL, M. 1997. *Desperately concealing father: A theory of parent-infant resemblance* // *Animal Behaviour*, 53: 973–981.
- PASCOE, J. 2005. *The hummingbird cabinet: A rare and curious history of romantic collectors*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- PASCOE, J. 2007. *Collect-me-nots* // *New York Times*, May 17.
- PENTON-VOAK, I. S., PERRETT, D. I., CASTLES, D., BURT, M., KOYABASHI, T., & MURRAY, L. K. 1999. *Female preference for male faces changes cyclically* // *Nature*, 399: 741–742.
- PERRETT, D. I., MAY, K. A., YOSHIKAWA, S. 1994. *Facial shape and judgments of female attractiveness* // *Nature*, 368: 239–242.
- PIATTELLI-PALMARINI, M. 1994. *Inevitable illusions: How mistakes of reason rule our minds*. New York: Wiley.
- PINKER, S. 1994. *The language instinct*. New York: Norton.
- PINKER, S. 1997. *How the mind works*. New York: Norton.

- PINKER, S. 2002. *The blank slate: The denial of human nature in modern intellectual life*. New York: Viking.
- PINKER, S. 2007. *Toward a consilient study of literature* // *Philosophy and Literature*, 31: 161–177.
- PINKER, S. 2008. *The moral instinct* // *New York Times Magazine*, January 13.
- PLASSMANN, H., O'DOHERTY, J., SHIV, B., & RANGEL, A. 2008. *Marketing actions can modulate neural representations of experienced pleasantness* // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 105: 1050–1054.
- POLLAN, M. 2006. *The omnivore's dilemma: A natural history of four meals*. New York: Penguin.
- PREISSLER, M. A., & BLOOM, P. 2008. *Two-year-olds use artist intention to understand drawings* // *Cognition*, 106: 512–518.
- PUTNAM, H. 1973. *Meaning and reference* // *Journal of Philosophy*, 70: 699–711.
- PUTNAM, H. 1975. *The meaning of "meaning"*. In: H. PUTNAM (ED.) *Philosophical papers 2: Mind, language and reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- QUAMMEN, D. 2006. *The reluctant Mr. Darwin: An intimate portrait of Charles Darwin and the making of his theory of evolution*. New York: Norton.
- QUINN, P. C., YAHR, J., KUHN, A., SLATER, A. M., & PASCALIS, O. 2002. *Representation of the gender of human faces by infants: A preference for female* // *Perception*, 31: 1109–1121.
- RADFORD, C. 1975. *How can we be moved by the fate of Anna Karenina?* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 49: 67–80.
- RAMACHANDRAN, V. S., & BLAKESLEE, S. 1998. *Phantoms in the brain*. New York: Harper Perennial.
- RAWSON, C. 1985. *Eating people* // *London Review of Books*, January 24.
- REAL, M. R. 1977. *Mass-mediated culture*. Edgewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- REZA, Y. 1997. *Art: A play*. TRANS. C. HAMPTON. London: Faber & Faber.
- RHODES, G. 2006. *The evolutionary psychology of facial beauty* // *Annual Review of Psychology*, 57: 199–226.

- RHODES, G., SUMICH, A., & BYATT, G. 1999. *Are average facial configurations attractive only because of their symmetry?* // Psychological Science, 10: 52–58.
- ROBINSON, K. 2009. *The element: How finding your passion changes everything*. New York: Viking.
- ROWLING, J. K. 2000. *Harry Potter and the chamber of secrets*. New York: Scholastic.
- ROZIN, P. 1976. *The selection of food by rats, humans, and other animals*. In: J. S. ROSENBLATT, R. A. HINDE, E. SHAW, & C. BEER (EDS.) *Advances in the study of behavior*, vol. 6. New York: Academic Press.
- ROZIN, P. 1986. *One-trial acquired likes and dislikes in humans: Disgust as a US, food predominance, and negative learning predominance* // Learning and Motivation, 17: 180–189.
- ROZIN, P. 2004. *Meat*. In: S. KATZ (ED.) *Encyclopedia of food*. New York: Scribner.
- ROZIN, P. 2005. *The meaning of “natural”: Process more important than content* // Psychological Science, 16: 652–658.
- ROZIN, P. 2006. *Domain denigration and process preference in academic psychology* // Perspectives on Psychological Science, 1: 365–376.
- ROZIN, P., & FALLON, A. 1987. *A perspective on disgust* // Psychological Review, 94: 23–41.
- ROZIN, P., HAIDT, J., & MCCAULEY, C. R. 2000. *Disgust*. In: M. LEWIS & J. M. HAVILAND-JONES (EDS.) *Handbook of emotions*, 2nd ed. New York: Guilford Press.
- ROZIN, P., MARKWITH, M., & ROSS, B. 2006. *The sympathetic magical law of similarity, nominal realism, and neglect of negatives in response to negative labels* // Psychological Science, 1: 383–384.
- ROZIN, P., MILLMAN, L., & NEMEROFF, C. 1986. *Operation of the laws of sympathetic magic in disgust and other domains* // Journal of Personality and Social Psychology, 50: 703–712.
- ROZIN, P., & SCHILLER, D. 1980. *The nature and acquisition of a preference for chili pepper by humans* // Motivation and Emotion, 4: 77–101.
- ROZIN, P., & VOLLMECKE, T. A. 1986. *Food likes and dislikes* // Annual Review of Nutrition, 6: 433–456.

- Sacks, O. 2007. *Musicophilia: Tales of music and the brain*. New York: Knopf.
- SAGARIN, B. J., & SKOWRONSKI, J. J. 2009. *The implications of imperfect measurement for free-choice carry-over effects: Reply to M. Keith Chen's (2008) "Rationalization and cognitive dissonance: Do choices affect or reflect preferences?"* // *Journal of Experimental Social Psychology*, 45: 421–423.
- SALINGER, J. D. 1959. *Raise high the roof beam, carpenters, and Seymour: An introduction*. New York: Little, Brown & Company.
- SANDEL, M. J. 2007. *The case against perfection: Ethics in the age of genetic engineering*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- SAPOLSKY, R. M. 2005. *Monkeyluv: And other essays on our lives as animals*. New York: Scribner.
- SEDAK, M. 1988. *Where the wild things are*. New York: Harper-Collins.
- SHUTTS, K., KINZLER, K. D., MCKEE, C. B., & SPELKE, E. S. 2009. *Social information guides infants' selection of foods* // *Journal of Cognition and Development*, 10: 1–17.
- SIEGAL, M., & SHARE, D. 1990. *Contamination sensitivity in young children* // *Developmental Psychology*, 26: 455–458.
- SILVA, P. J. 2006. *Exploring the psychology of interest*. New York: Oxford University Press.
- SINGER, P. 1999. *The Singer solution to world poverty* // *New York Times Magazine*, September 5.
- SINGER, P. 2009. *The life you can save: Acting now to end world poverty*. New York: Random House.
- SKOLNICK, D., & BLOOM, P. 2006a. *The intuitive cosmology of fictional worlds*. In: S. NICHOLS (ED.) *The architecture of the imagination: New essays on pretense, possibility, and fiction*. Oxford: Oxford University Press.
- SKOLNICK, D., & BLOOM, P. 2006b. *What does Batman think about SpongeBob? Children's understanding of the fantasy/fantasy distinction* // *Cognition*, 101: B9–B18.
- SLATER, A., VON DER SCHULENBURG, C., BROWN, E., BADENOCH, M., BUTTERWORTH, G., PARSONS, S., & SAMUELS, C. 1998. *Newborn infants prefer attractive faces* // *Infant Behavior and Development*, 21: 345–354.

- SMITH, E. W. 1961. *The power of dissonance techniques to change attitudes* // Public Opinion Quarterly, 25: 626–639.
- SMITH, J. 1995. *People eaters* // Granta, 52: 69–84.
- SMITH, J., & RUSSELL, G. 1984. *Why do males and females differ? Children's beliefs about sex differences* // Sex Roles, 11: 1111–1120.
- SOUSSIGNAN, R. 2002. *Duchenne smile, emotional experience, and autonomic reactivity: A test of the facial feedback hypothesis* // Emotion, 2: 52–74.
- STEELE, C. M., & LIU, T. J. 1983. *Dissonance processes as self-affirmation* // Journal of Personality and Social Psychology, 45: 5–19.
- STRAHILEVITZ, M., & LOWENSTEIN, G. 1998. *The effect of ownership history on the valuation of objects* // Journal of Consumer Research, 25: 276–289.
- STYRON, W. 1979. *Sophie's choice*. New York: Random House.
- SYLVIA, C., & NOWAK, W. 1997. *A change of heart: A memoir*. New York: Time Warner.
- TAJFEL, H. 1970. *Experiments in intergroup discrimination* // Scientific American, 223: 96–102.
- TAJFEL, H. 1982. *Social psychology of intergroup relations* // Annual Review of Psychology, 33: 1–39.
- TAYLOR, M. 1996. *The development of children's beliefs about social and biological aspects of gender differences* // Child Development, 67: 1555–1571.
- TAYLOR, M. 1999. *Imaginary companions and the children who create them*. New York: Oxford University Press.
- TAYLOR, M., HODGES, S. D., & KOHANYI, A. 2003. *The illusion of independent agency: Do adult fiction writers experience their characters as having minds of their own?* // Imagination, Cognition, and Personality, 22: 361–380.
- TAYLOR, M., & MANNERING, A. M. 2007. *Of Hobbes and Harvey: The imaginary companions of children and adults*. In: A. GONCU & S. GASKINS (EDS.) *Play and development: Evolutionary, sociocultural and functional perspectives*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- TAYLOR, T. 2004. *The buried soul: How humans invented death*. Boston: Beacon Press.

- TETLOCK, P. E., KRISTEL, O. V., ELSON, B., GREEN, M. C., & LERNER, J. 2000. *The psychology of the unthinkable: Taboo trade-offs, forbidden base rates, and heretical counterfactuals* // Journal of Personality and Social Psychology, 78: 853–870.
- THEROUX, P. 1992. *The happy isles of Oceania*. New York: Putnam.
- TOMASELLO, M., CARPENTER, M., CALL, J., BEHNE, T., & MOLL, H. 2005. *Understanding and sharing intentions: The origins of cultural cognition* // Behavioral and Brain Sciences, 28: 675–691.
- TRAINOR, L. J., & HEINMILLER, B. M. 1998. *The development of evaluative responses to music: Infants prefer to listen to consonance over dissonance* // Infant Behavior and Development, 21: 77–88.
- TREHUB, S. E. 2003. *The developmental origins of musicality* // Nature Neuroscience, 6: 669–673.
- TRIVERS, R. L. 1972. *Parental investment and sexual selection*. In: B. CAMPBELL (ED.) *Sexual selection and the descent of man, 1871–1971*. Chicago: Aldine.
- TYLOR, E. B. 1871/1958. *Primitive culture, vol. 2: Religion in primitive culture*. New York: Harpers & Brothers.
- VONNEGUT, K. 2006. *Vonnegut's blues for America* // Sunday Herald (Scotland), February 5.
- WALTON, K. L. 1990. *Mimesis as make-believe*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- WALZER, M. 1984. *Spheres of justice: A defense of pluralism and equality*. New York: Basic Books.
- WANGDU, K. S. 1941. *Report on the discovery, recognition, and enthronement of the fourteenth Dalai Lama*. New Delhi: Government of India Press. Reprinted in: *Discovery, recognition, and enthronement of the fourteenth Dalai Lama: A collection of accounts* (ED. BY LIBRARY OF TIBETAN WORK & ARCHIVES). New Delhi: Indraprastha Press.
- WEDEKIND, C., & FÜRI, S. 1997. *Body odour preferences in men and women: Do they aim for specific MHC combinations or simply heterozygosity?* // Proceedings of the Royal Society of London, Series B, Biological Sciences, 264: 1471–1479.
- WEINBERG, M. S., WILLIAMS, C. J., & MOSER, C. 1984. *The social constituents of sadomasochism* // Social Problems, 31: 379–389.

- WEINBERG, S. 1977. *The first three minutes: A modern view of the origin of the universe*. New York: Basic Books.
- WEISBERG, D. S., SOBEL, D. M., GOODSTEIN, J., & BLOOM, P. Under review. *Preschoolers are reality-prone when constructing stories*.
- WEISMAN, A. 2007. *The world without us*. New York: Thomas Dunne Books.
- WELDER, A. N., & GRAHAM, S. A. 2001. *The influence of shape similarity and shared labels on infants' inductive inferences about nonobvious object properties* // *Child Development*, 72: 1653–1673.
- WILSON, E. O. 1999. *The diversity of life*. New York: Norton.
- WILTERMUTH, S. S., & HEATH, C. 2009. *Synchrony and cooperation* // *Psychological Science*, 20: 1–5.
- WINNER, E. 1982. *Invented worlds: The psychology of the arts*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- WINNICOTT, D. W. 1953. *Transitional objects and transitional phenomena: A study of the first not-me possession* // *International Journal of Psychoanalysis*, 34: 89–97.
- WRIGHT, L. 1997. *Twins: And what they tell us about who we are*. New York: Wiley.
- WRIGHT, R. 2000. *Nonzero: The logic of human destiny*. New York: Little, Brown.
- WRIGHT, R. N. 2007. *Black boy: A record of childhood and youth*. New York: Harper Perennial.
- WYNN, K. 1992. *Addition and subtraction by human infants* // *Nature*, 358: 749–750.
- WYNN, K. 2000. *Findings of addition and subtraction in infants are robust and consistent: A reply to Wakeley, Rivera and Langer* // *Child Development*, 71: 1535–1536.
- WYNN, K. 2002. *Do infants have numerical expectations or just perceptual preferences?* // *Developmental Science*, 2: 207–209.
- WYNN, F. 2006. *I was Vermeer: The rise and fall of the twentieth century's greatest forger*. New York: Bloomsbury.
- XU, F. 2007. *Sortal concepts, object individuation, and language* // *Trends in Cognitive Sciences*, 11: 400–406.
- YENAWINE, P. 1991. *How to look at modern art*. New York: Harry N. Abrams.

- ZAJONC, R. B. 1968. *Attitudinal effects of mere exposure* // Journal of Personality and Social Psychology Monographs, 9: 1–27.
- ZUNSHINE, L. 2006. *Why we read fiction: Theory of mind and the novel*. Columbus: Ohio State University Press.
- ZUNSHINE, L. 2008. *Theory of mind and fictions of embodied transparency* // Narrative, 16: 65–92.

Предметно-именной указатель

- Австралия** 31, 157
- агрессия 80, 82, 234
- адаптация 11, 22, 25, 69, 78, 79, 85, 90, 147, 148, 149, 182, 188–189, 199, 248, 249
- Али, Мохаммед 173
- Аллен, Мелисса 163
- альбиносы 59
- Альмодовар, Педро 229
- альтруистическое наказание 225
- Альцгеймера болезнь 234
- Амазония 145
- антропоморфизм 198
- Апдайк, Джон 124
- апельсиновый сок 64
- Аппиа, Кваме Энтони 73
- Ардри, Роберт 22
- Ариели, Дэн 115, 116
- Аристотель 220, 237, 251
- Армстронг, Нил Олден 19
- атеизм 246
- афродизиак 63
- ацтеки 56
- аше 36–37

- Баннистер, Роджер Гилберт** 173, 174
Бартошук, Линда 46
Белл, Джошуа Дэвид 139–140, 141, 144, 158
Беньямин, Вальтер 163, 244
Бергер, Питер Людвиг 243
Бергнер, Дэниел 88, 226, 238
Берк, Эдмунд 247
Беркли, Джордж 129, 130
Библия
 Ветхий Завет 77, 99, 190
 Книга Бытия 99
 Левит 95
 Второзаконие 93–94
 Новый Завет 99
благоговение 242, 246–249
блогерские войны 234
Бойманса — ван Бенингена музей (Нидерланды) 143
Большой Каньон (США) 195, 248
Борхес, Хорхе Луис 27–28
Бостонский симфонический зал 139
Босх, Иероним 178
ботокс 89, 240
Бразилия 56
Брандес, Бернд Юрген 43–44, 45, 73
брачный контракт 106–107
Брем, Джек У. 121
Британская комиссия по стандартам телерадиовещания 59
Броше, Фредерик 65
Брудос, Джером Генри 88
Брукс, Вирджиния 154
буддизм 246 также см. Далай-лама
Буш, Джордж Уокер 19
“Бхагавадгита” 247

Вазэктомия 107

Вайнберг, Стивен 244

Вайнгартен, Джин 139, 140

Вайсберг-Сколник, Дина 15, 214, 216

ван Меегерен, Хан 17–18, 111, 142, 143, 166

Веблен, Торстейн Бунде 62

вегетарианство 29, 59, 60

Веджвуд (Дарвин), Эмма 103–104, 188

Вермеер, Ян 17–18, 111, 142–143, 166

Верховный суд Великобритании 237

Вестермарк, Эдвард Александр 96

“Виagra” 60, 233

видеоигры 24, 178, 181, 197, 217–218

визуальные удовольствия

и экспериментальная эстетика 152

и порнография 153

и реалистичные изображения 153, 154, 207–208

также см. изобразительное искусство; произведения искусства

Винникотт, Дональд Вудс 136, 252

вино 47, 64–65, 66, 67, 68, 244, 250, 251

виртуальная реальность 206, 207, 230, 231

вклада эффект 120

вкус 46–47, 48, 64, 65–66, 67, 68, 69, 70, 146, 161, 234

вода бутилированная 60–62, 63, 105, 240 также см. “Терье”,
минеральная вода

возвышенное 247

“война сперм” 85

волки 82, 184

Воннегут, Курт 145

воображаемые друзья 9, 227–228

воображение

безопасность 200, 212–213, 216–217, 218

возможность планирования будущего 187–188

- и “привычные представления”* 195, 214–215
- и грезы* 226–227, 228, 229, 230, 231
- и интимность* 212
- и катарсис* 220–221
- и литература* 202
- и ложные представления других* 186
- и метарепрезентация* 185–189
- и наука* 250 также см. эксперименты мысленные
- и притворство* 182–183, 185, 215
- и религия* 250, 251, 252
- и страх* 222–223
- у детей* 185, 227–228
- удовольствие от видеоигр* 181, 197, 217–218
- также см. благоговение; вымысел; эволюция

ВЫМЫСЕЛ

- и “привычные представления”* 195–197
- и безопасность* 212, 216–217
- и катарсис* 220–221
- и реальность* 192–194, 200, 203, 205, 206–207
- и религия* 250, 251
- как инструмент социализации* 199
- как практика решения жизненных вопросов* 221–222
- насилие и ужасы* 217–218
- оценка виртуозности автора* 208
- психическая близость* 202, 211
- трагедия* 218–219
- универсальные сюжеты* 189–190
- юмор* 208
- также см. благоговение; воображение

Гайдушек (Гайдузек), Дэниел Карлтон 55

Галилей, Галилео 251

Ганди, Мохандас Карамчанд 59, 249

Гарбо, Грета 143

- Гарри Поттер и книги о нем 132, 191 также см. самонаказание
 Гейси, Джон Уэйн 128
 Гейтс, Уильям Генри 164
 Гелман, Сьюзан 13, 14, 30, 31, 34, 167
 Гендлер, Тамар 13, 195
 Геринг, Герман 17–18
 гетерозиготность 86
 Гитлер, Адольф 17, 128, 142, 249
 Гладуэлл, Малколм 174–175
 Гомер 32
 гомозиготность 95
 гомосексуальность 78, 79, 94
 Гопник, Адам 135
 Гопник, Оливия 135
 Гопник, Элисон 245, 249
 гориллы 55
 Государственный музей (Нидерланды) 141
 грезы 181, 189, 196, 206, 226–231
 греки древние 172
 гримасничанье 178, 179
 Гудстайн, Джошуа 216
 Гулд, Стивен Джей 11, 28
- Даймонд, Джаред Мейсон 82**
 Далай-лама 38–40, 249
 Дамер, Джефффри 44, 128
 Дарвин, Уильям 184
 Дарвин, Чарльз Роберт 52, 53, 86, 102–104, 145, 157, 158, 184, 188
 даршана 37
 Даттон, Деннис Лоуренс 13, 157, 158–159, 160, 161, 166–167, 173–174,
 177, 199
 девственная плева 101
 девственность 9, 40, 99–100, 101, 102, 237, 239
 дегустации слепые 63–64, 65–66, 67

Декарт, Рене 207

Делез, Жиль 226

демонстративное потребление 62

демонстрация

и визуальные удовольствия см. визуальные удовольствия

и жульничество 174

и искусство 168–169

и парадоксы 178, 179

и половой отбор 105, 106, 160

и приспособленность 71, 158

и снобизм 142, 143, 144

и спорт 172–174, 175, 176

и удовольствие от виртуозности 161, 162

и значение контекста для ее оценки 177

эффект “привязанности к знакомому” 155–156

также см. вымысел; изобразительное искусство; музыка;

произведения искусства; юмор

Деннет, Дэниел 36

дети

возникновение у них отвращения 52–53

и “привычные представления” 215–216

и ложные представления 186

и символическая игра 189

оценка и создание произведений искусства 167–168 также см.

Олмстед, Марла

оценка ими реалистических изображений 154–155

способность отличить притворство 183–184, 185

и воображение 185, 189, 214–216, 227–228

и восприятие гендерных различий 35, 93, 94

и демонстрация 167, 177

оценка объектов 129, 133

пищевые предпочтения 50–51

эссенциалистские установки 31–32, 33–35, 115, 131–132, 133,

134–135

- также см. младенцы; предметы, создающие чувство уверенности
- детоубийство 55, 239
- Джаггер, Мик 158
- Джаруди, Иззат 175
- Джейкобс, Арнольд Стивен 210
- Джеймс, Клайв 202
- Джемс, Уильям 41, 83, 161, 190, 243–244
- “Дженерал миллз”, компания 61
- Джил-Уайт, Франсиско 31
- Джонсон, Марша 14
- Джонсон, Стивен 210, 211
- Джонсон, Сэмюэл 200
- Джордан, Майкл Джеффри 132, 177
- Диана, принцесса Уэльская 19, 198–199
- Дизендрук, Гил 14
- Диккенс, Чарльз 191, 211
- Дилан, Натали 101
- Диссанаяке, Эллен 244
- Докинз, Клинтон Ричард 95, 242, 246
- Донигер, Венди 75, 79
- дрозофилы 105
- духовность 243
- Дюшан, Марсель 167, 168, 169, 171, 173, 178
- евхаристия** 57–58, 244, 251–252
- Елизавета II, королева 132, 133
- естественный отбор 11, 21, 22, 23, 78, 79, 80, 104, 129, 236 также см. эволюция; половой отбор
- Животные**
- как живописцы* 22, 168
- и музыка* 145–146
- и вегетарианство* 29, 59

и пищевая аверсия 51, 52
и удовольствие 21, 23, 71–72, 77–78
репродуктивные стратегии 81 также см. родительского
 вклада теория

Закадровый смех 210
Заншайн, Лайза 186, 198, 199
Зингер, Исаак Башевис 110, 112, 124
Зонтаг, Сьюзан 124

“И-Бэй”, веб-сайт 123

Иган, Луиза 122

игровая схватка 221–222

Изабелла I, королева 54

изобразительное искусство

животные как живописцы 22, 168

его оценка 164–165, 166–168, 169

и значение контекста для его оценки 140, 144, 145

и эффект “привязанности к знакомому” 155–156

также см. произведения искусства; Олмстед, Марла;

снобизм; фальсификации и подделки

“ИКЕА’ эффект” 166

Инагаки, Каеко 36

инбредная депрессия 95

индейки 87–88

индуизм 37, 190

“Интернейшенал флейверс энд фрейгрэнсиз”, компания 61

инцест 95–97, 98

Иоанн Креститель 48

иудаизм 31, 251 также см. Библия; кашрут

Йельский университет 117, 169

Йенавин, Филип 164, 165

йогурт 64

- Кан, Питер** 241
 Канеман, Дэниел 236
 каннибализм 38, 44–45, 54–59, 63, 220
 Капгра синдром 112
 капуцины 122
 Касс, Леон Р. 38, 72
 католицизм 57–58, 100, 251–252
 Каттинг, Джеймс 156
 кашрут 57
 Кейдж, Джон Милтон 168, 169
 Кейл, Фрэнк 33–34
 Келли, Элсворт 140
 Келтнер, Дахер 246–247
 Кеннеди, Джон Фицджеральд 123, 125
 Кеннеди, Жаклин 19, 124, 138, 237–238
 Кестлер, Артур 141–142, 235
 Кинг, Стивен 222
 Кинхольц, Эдвард 178
 Китай 96
 китайский язык 130, 190
 Китс, Джон 126, 242
 клакеры 210
 Клевен, Дебора 165
 Клинтон, Уильям Джефферсон 100
 Клуни, Джордж Тимоти 37, 126, 128
 “Книга рекордов Гиннеса” 177
 “Кока-кола” 64, 68, 70, 115
 конкуренция 82, 230
 коровы 48, 178
 Королевская академия искусств (Великобритания) 172
 Ко-Самет, остров 187, 188
 Космидес, Лида 96, 97
 Коуэн, Тайлер 106, 152
 Коэн, братья 229

- Коэн, Эмма 36
 крысы 22, 48, 49, 51, 53, 145, 186
 Крюгер, Джастин 165
 культура 12–13, 22, 23, 24, 31, 32, 35, 36, 46, 48, 49, 54, 72, 79, 83, 86,
 93, 104, 123, 136, 176, 181–182, 190 также см. пища; половое
 влечение; религия; эволюция
 куру, болезнь 55
 Кэри, Сьюзан 245
 Кэрролл, Джозеф 211
 Кэрролл, Ноэль 197, 219
- Лайтхаузер, Марк 140**
 лактозы непереносимость 46
 латинский язык 62, 101
 Левитин, Дэниел Джозеф 147–148, 151
 Левонтин, Ричард Чарльз 11
 Леонард, Элмор Джон 206
 Лесли, Алан 189
 Ли, Леонард 66
 Либерман, Дебра 96, 97
 Ливайн, Шерри 171
 Линь Юйтан 196
 ложные представления 19, 186
 Локк, Джон 26
 Лэйярд, Питер Ричард Гренвилл 239–240
- Мазохизм 9, 70–71, 221, 224, 225–226, 228, 229, 238, 239 также см.**
 садомазохизм
 Майвес, Армин 43–44, 45, 73
 макаки-резусы 153
 Макгуайр, Марк 19, 238
 Макджин, Колин 203, 206
 Макфарлейн, Тодд 19
 Макьюэн, Иэн Рассел 190

- Мальро, Андре 163–164
 Мандзони, Пьеро 169–171, 178
 мандрилы 107
 Мар, Рэймонд 199
 Марксон, Лори 163
 Маркус, Гэри 236–237
 мартышки 107, 146
 мастурбация 79, 100, 101, 196, 231
 мекраноти, племя 145
 Менан, Луи 23
 менструальные циклы 84, 87, 169
 метарепрезентация 185, 186, 187, 188, 189
 Миллер, Джефффри Ф. 105–106, 107–108, 157, 158–159, 160
 Миллер, Уильям Иэн 53
 “Милли-Ванилли”, музыкальная группа 174
 младенцы 155
 притворство 183
 эссенциалистские установки 32–33
 формирования пищевых предпочтений 50–51
 и реалистичные изображения 154
 музыкальные предпочтения 146, 147
 стандарты красоты 86, 90
 и индивидуально определенные объекты 130
 “переходные объекты” 252
 также см. дети; инцест; отвращение; предметы, создающие чувство уверенности; сентиментальная ценность вещей
 Молино, Хуан Пабло 237–238
 моногамия 83, 85, 159
 Монтень, Мишель 194–195
 мораль 44, 49, 54, 72–73, 76, 94, 95, 96, 114, 118, 131, 175, 199, 211, 218, 239, 240, 243, 244
 мороженое 64
 Морской музей (Гринвич, Великобритания) 235
 Музей им. Брюса (США) 144

- Музей современного искусства Луизианы 178
 музыка 69, 139, 144, 174
 и животные 145–146
 как исключительно человеческое удовольствие 9, 22, 24, 144–145
 контекст ее оценки 141
 и эволюция 78, 146–147, 148, 149, 150, 158, 179
 формирование вкуса 149, 150–151, 152
 правило перевернутой U 150
 также см. “привязанности к знакомому” эффект
- мути, культ 59
- Мэнсон, Чарльз Миллс 128
- Мэтсон, Катинка 13
- Нагота** 153
- Наполеон I Бонапарт 124, 126, 138
- насекомые 48, 51, 52
- Наттолл, Энтони Дэвид 187
- натуральные продукты питания 61, 70
- наука 11, 13, 27, 29, 35, 242, 244, 250, 252 также см. эксперименты
 мысленные
- нацизм 17, 18, 218
- Национальная галерея искусства (США) 140
- Невинс, Брюс 63
- Нимой, Леонард Саймон 194
- Нозик, Роберт 207
- Нортон, Майкл 166
- Нуреев, Рудольф 177
- Нуссбаум, Марта 199
- Нью-Йоркский городской марафон 174
- Ньюман, Джордж 126
- ню-эйдж, движение 58
- Обама, Барак Хусейн** 31, 123, 126, 128
- ожирение 233–234

- Олмстед, Марла 166
Опи, Йона Арчибальд 245
Опи, Питер Мейсон 245
опиаты 71, 224
оптимизации поиска пищи теория 48
оральный секс 100
оргазм 78, 249
отвращение 51–54, 94, 205, 228
Оутли, Кит 199
Оутс, Джойс Кэрол 124
оценка объектов
 и способность рассуждать об индивидуальном 35–36, 130,
 131, 245
 антропоморфизм 198
 вещи знаменитостей 38, 111, 123–124, 126, 127, 135
 эффект вклада 120
 и табу 114, 117–118, 119
 негативная реакция 164, 171, 200–201
 иррациональность 109, 141, 236, 238
 сентиментальная ценность вещей 22, 110, 119, 236
 и их биография 19–20, 122–124, 129, 131, 133, 138
 копии и оригиналы 163–166
 ее аморальная сторона 118
 и “положительное заражение” 157, 164, 170
 и “переходные объекты” 136, 252
 также см. изобразительное искусство; произведения
 искусства
- Павлины** 80, 81, 104–105, 157, 159
“пазухи сводов” 11
Папуа — Новая Гвинея 55, 157
Паркер, Дороти 83
Пауэрс, Ричард 124
“Пепси-кола” 64, 68

- “переходные объекты” 136, 252
 “Перье”, минеральная вода 63, 64, 69, 70
 “Плейбой”, журнал 90
 Пиаже, Жан Вильям Фриц 32
 пиво 47, 49, 60, 66, 67, 71
 Пикассо, Пабло 131, 141–142, 158, 159, 160
 пингвины 82–83
 Пинкер, Стивен Артур 13, 21, 109, 146, 199
 Питт, Уильям Брэдли 199
 пища
 отвращение см. пищевая аверсия
 как афродизиак 60, 63
 и этикет 72
 и каннибализм 45, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 63
 и мораль 72–73
 натуральные продукты 61, 70
 сверхдегустаторы 46–47
 и культура 24, 47–48, 49
 предпочтения 46, 49
 также см. апельсиновый сок; вино; вкус; вода
 бутилированная; дегустации слепые; мороженое; ожирение;
 оптимизации поиска пищи теория; эссенциализм; языка
 физиология
 пищевая аверсия 49, 51, 52
 пластическая хирургия 89, 175–176, 233, 240
 Платон 223
 плацента 58–59
 подарочные сертификаты 118
 полигамия 83
 Поллан, Майкл 61
 Поллок, Пол Джексон 153, 164, 165, 170
 половое влечение 23, 79–80, 97, 98
 половой отбор 84, 104–105, 107–108, 157–159, 160
 половые различия 80

- восприятие детьми* 92, 93
и человеческая сексуальность 82, 83
нарушение гендерных ролей 93–94
и теория родительского вклада 80–82
- “положительное заражение” 126, 157, 164, 170
- Поппер, Карл Раймунд 187
- порнография 11–12, 23, 83, 111, 153–154, 182
- послеродовая депрессия 59
- постмодернистское искусство 171
- предметы, создающие чувство уверенности 11, 22, 110, 239
- “привычные представления” 195–196, 215
- “привязанности к знакомому” эффект 91, 155–156
- приемные отцы 98
- притворство 182–185, 192, 215, 251
- приучение к горшку 53
- произведения искусства
- и эффект “привязанности к знакомому”* 155–156
 - подделки* см. фальсификации и подделки
 - и значение контекста для их оценки* см. оценка объектов копии и оригиналы см. оценка объектов
 - и значение намерений автора для их оценки* 166–167, 207, 210 также см. дети
 - и социальный статус* 156–157
 - и эволюция* см. адаптация; эволюция
 - и значение происхождения для их оценки* см. фальсификации и подделки
 - и значение приложенных автором усилий для их оценки* 164–165
 - исполнительское мастерство* см. демонстрация
 - удовольствие от виртуозного исполнения* 161, 208, 249 также см. воображение; вымысел
 - роль “положительного заражения” в их оценке* 126, 157, 164, 170
 - и половой отбор* см. половой отбор

и снобизм см. снобизм
и спорт см. демонстрация; спорт
и уродливое см. уродливое в искусстве
 также см. изобразительное искусство; музыка
 “Проктер энд Гэмбл”, корпорация 237
 проституция 9, 83, 202

Райт, Ричард 206

реалити-шоу 24, 203

религия 11, 22, 36–37, 136, 149, 234, 249

и трансцендентное 41, 243–245, 246

и женская девственность 99

роль воображения 250, 251, 252

также см. альбиносы; Библия; благоговение; буддизм;

Далай-лама; евхаристия; индуизм; иудаизм; мути, культ;

ритуалы; христианство

Рембрандт Харменс ван Рейн 141, 142, 170, 171

Ренуар, Пьер Огюст 158

Рескин, Джон 198

ритуалы 23, 36–37, 57–58, 243, 244–245, 251, 252

и каннибализм 56–57

и этикет 72

Ричардс, Кит 56

Робинсон, Кен 253

Роден, Рене Франсуа Огюст 169

родительского вклада теория 80–82

Розин, Пол 13, 15, 46, 52, 60, 71, 128, 155, 195, 223, 224

Рокер, Джон 28–29

“Роллинг стоунз” 20

Романес, Джордж Джон 21

романтическая любовь 79, 92, 96, 108–110

Роулинг, Дж. К. 191, 194

Рубин, Гретхен 37

Руис, Роза 174

- Садомазохизм 225, 226
самонаказание 225
Сантос, Лори 14, 122
Сапольски, Роберт Морис 151
сверхдегустаторы 46–47
сверхъестественное 244, 246
Сейлз, Джон 96
секс, сексуальность и сексуальные удовольствия
воспроизводство у животных 77–78, 79 также см. половое
влечение; родительского вклада теория
и подмена в постели 75–77, 110–111, 190
и эволюция см. эволюция
и женская девственность см. девственность
гомосексуальность см. гомосексуальность
и “привязанность к знакомому” см. “привязанности
к знакомому” эффект
и инцест см. инцест
и порнография см. порнография
и теория полового отбора см. половой отбор
и теория родительского вклада см. родительского вклада
теория
мазохизм см. мазохизм; садомазохизм
оральный секс см. оральный секс
половое влечение см. половое влечение
привлекательность 80, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 108, 110 также см.
сигналы дорогостоящие
различия между полами см. половые различия
романтическая любовь 38, 84, 92, 96, 97, 109, 110, 134
транссексуальность см. транссексуальность
фетишизм см. фетиши сексуальные
Сендак, Морис 58
сентиментальная ценность вещей 22, 110, 119, 236
“Слейт”, журнал 99
сигналы дорогостоящие 62–63, 105–107

- симметрия 86, 89–90, 91, 152
Симпсон, Орентал Джеймс 200, 201, 202
Сингер, Питер 240
слоны 22, 168
Смит, Джон Мейнард 105
Смит, Зэди 124
Смит, Сьюзан 201
Смит, Эварт Э. 54
снобизм 142, 144
собаки 22, 48, 51, 65, 69, 70, 78, 129, 145, 184, 185, 196, 241
Собел, Дэвид 14
современное искусство 62, 142, 171, 172, 178
сопереживание 197
“Сотбис” 143
социализация
 и пищевые предпочтения 50–51
 и гендерные различия 35, 93
 и инцест 96–97
 и музыкальные вкусы 147–148, 151
 также см. адаптация; эволюция
“Спам”, колбасный фарш 51, 65
СПИД 102, 237
Спилберг, Стивен Аллан 229
Спирс, Бритни 123
спорт 13, 105, 144, 172–175, 176, 179, 181, 211, 222
Средние века 123
средняя орбитофронтальная часть коры головного мозга 68
Стайрон, Уильям 160
Сталин, Иосиф Виссарионович 249
стендап-комедия 177
стероиды 174–175
“стигматизированные” дома 128
Страдивари, Антонио 139
Сэлинджер, Джером Дэвид 25–26

- табуированный обмен 114, 118
Таиланд 187
Тайлор, Эдвард Бернетт 243
тамарины 146
Танзания 59
Тверски, Амос 236
Тейлор, Джеймс 151
Тейлор, Марджори 93, 227–228
Тейлор, Эмма 100, 101
Тейт галерея 167, 169, 170
телевидение 9, 18, 24, 59, 114, 115, 166, 169, 181, 190, 194, 201, 202, 203, 206, 210, 211, 231, 233, 241 также см. Британская комиссия по стандартам телерадиовещания; реалити-шоу
теледилдоника 111
Тетлок, Филип Э. 114, 119
трагедия 200, 218–219, 221
транзакции 114, 116, 118, 120
трансплантация органов 38
транссексуальность 94
Триверс Роберт Л. 80–81
Туби, Джон 96–97
Тургенев, Иван Сергеевич 198
Тэджфел, Генри 29

Удовольствие

- воображения* см. воображение; вымысел
его глубина 12, 42, 73
и аморальность 44, 94, 95, 118, 239 также см. инцест
и благоговение 211, 247, 249
и боль см. мазохизм; садомазохизм
и культура см. демонстрация; культура; оценка объектов
и эволюция см. адаптация; эволюция
и эффект “привязанности к знакомому” 155–156
как побочный продукт эссенциалистских установок 12, 25, 199

- от изображений* см. произведения искусства
от искусства и исполнения см. произведения искусства;
 демонстрация
от исполнения см. демонстрация
от контакта с трансцендентным см. благоговение
от музыки и танцев см. демонстрация; музыка
от натурального см. натуральные продукты питания
от предметов обихода см. оценка объектов
от религии см. религия
от секса см. секс, сексуальность и сексуальные удовольствия
от трагических событий см. трагедия
правило перевернутой буквы U 150, 152
- Уилсон, Эдвард Осборн 234
 Уингер, Дебра 192
 Уинн Карен 14, 15, 130, 225
 улыбка 41, 91, 184, 215
 универсальные сюжеты 24, 189–190
 Университет Питтсбурга 90–91
 Уоллес, Дэвид Фостер 124
 Уолцер, Майкл 113
 Уорхол, Энди 168, 169
 уродливое в искусстве 178
 Уэст, Розмари 128
 Уэст, Фред 128
- Ф**альсификации и подделки 17–18, 24, 110, 123, 131, 141, 143, 144,
 164, 172, 174, 236
 феромоны 90
 фетиши сексуальные 78, 88, 242
 физическая привлекательность 80, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 105, 110, 111, 127
 также см. половой отбор; “привязанности к знакомому”
 эффект
 фильмы
комедийные 192, 207, 209, 210, 219

с пытками 219

ужасов 71, 182, 206, 209, 216, 219, 220, 221, 223

Фиске, Алан Пейдж 116

Фодор, Джерри 32

Фоер, Джонатан Сафран 124

Форман, Джордж 173

фору, племя 55

Фрейд, Зигмунд 53, 86, 92, 124, 220, 225

Фэйр, Рэй 177

Харрис, Джудит 50

Харрис, Марвин 48, 51

Харрис, Сэм 246

Хатано, Гийю 36

Хейман, Гейл 34

Хейт, Джонатан 94, 205, 247, 249

Хензел, Дэвид 172

Херст, Дэмиен 178

Хитченс, Кристофер 246

Хомски, Аврам Ноам 189

Хохберг, Джулиан 154

Хрди, Сара 55

христианство 99, 243 также см. Библия; евхаристия; Иоанн

Креститель

Худ, Брюс 13, 14, 127–128, 131, 132, 134, 137, 138, 235–236

Хусейн, Саддам 128

Хэмлин, Кайли 14, 225

Чаплин, Чарльз 209

Чарльз, принц Уэльский 38

членовредительство 71, 102, 107

Шакур, Тупак Амару 123, 131

шалашники 157–158, 159

Шарки, Лорелей 100, 101
 Шекспир, Уильям 75, 112, 200, 229
 Шелли, Перси Биши 126
 шизофрения 208
 шимпанзе 22, 27, 55, 78, 82, 145, 168
 карликовые (бонобо) 190
 Школа им. Коркорана (США) 140
 Шотландия 193–194
 Шоу, Джордж Бернارد 108

Эволюция

гендерных различий см. половые различия
и адаптация см. адаптация
и благоговение 248–249
и искусство см. демонстрация; изобразительное искусство;
 произведения искусства
и культура см. культура; половое влечение; религия
и музыка см. демонстрация; музыка
и пищевые предпочтения см. дети; каннибализм;
 оптимизации поиска пищи теория; пища; пищевая аверсия
и половой отбор см. половой отбор
сексуальное удовольствие и воспроизводство см. половое
 влечение; секс, сексуальность и сексуальные удовольствия
способности к воображению и удовольствий см.
 воображение; вымысел
функции удовольствия см. удовольствие
 также см. адаптация
 Эйнсли, Джордж 229
 Эйнштейн, Альберт 123, 173, 251
 эксперименты мысленные 251
 Эльстер, Йон 230
 Эмин, Трейси 167
 Энистон, Дженнифер Джоанна 199
 эссенциализм

в искусстве и исполнении см. произведения искусства; демонстрация

в понимании детей см. дети; оценка объектов

его кажущаяся иррациональность см. оценка объектов

его проникновение в язык см. язык

и аморальность см. мораль; оценка объектов; пища; удовольствие

и благоговение см. 242, 246–249

и виртуозное исполнение см. воображение; демонстрация; произведения искусства

и воображение см. воображение; вымысел

и женская девственность см. девственность

и искусство см. демонстрация; изобразительное искусство; оценка объектов; постмодернистское искусство; произведения искусства; современное искусство

и каннибализм см. дети; каннибализм; ритуалы; пища

и катарсис см. воображение; вымысел

и контакты с трансцендентным см. благоговение; религия

и любопытство см. адаптация; дети; младенцы

и пища см. дети; каннибализм; пища; пищевая аверсия

и половые различия см. дети; половые различия

и предметы обихода см. оценка объектов

и предметы обихода см. оценка объектов

и различия между полами см. гомосексуальность; половые различия

и религия см. альбиносы; Библия; благоговение; буддизм; Далай-лама; евхаристия; индуизм; иудаизм; каннибализм; мути, культ; религия; ритуалы; христианство

и сексуальность см. секс, сексуальность и сексуальные удовольствия

и сигналы см. сигналы дорогостоящие

и табу см. оценка объектов; табуированный обмен

и физическая привлекательность см. половой отбор; “привязанности к знакомому” эффект; физическая привлекательность

и человеческое удовольствие см. удовольствие
особые контакты и "положительное заражение" 126, 157,
164, 170

эстетика экспериментальная 152–153

этикет 72

Юм, Дэвид 136, 194, 218–219, 220

юмор 105, 208–209

язык 27–28, 46, 49, 62, 72, 130, 146–147, 148, 176, 189–190, 191, 198, 237

языка физиология 46–47, 67

Янг, Роберт 194